

Даниил Коцюбинский

Глобальный сепаратизм — главный сюжет XXI века

УДК 32(100)“20”:001.18
ББК 66.2(0)
К75

Коцюбинский, Д.А.

К75 Глобальный сепаратизм — главный сюжет XXI века / Даниил Коцюбинский. — Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2013. — 132 с.

ISBN 978-5-903135-36-3

Эта книга — попытка спрогнозировать изменение политической карты мира в XXI веке, а также предсказать момент наступления следующего общемирового революционного всплеска. Отправной точкой анализа служит описание «молодежных циклов новейшей истории», происходящих на протяжении XX века и в начале XXI столетия каждые 21–23 года. Проводится связь между очередным «молодежным подъемом» (2012–2015) и продолжающимся развитием общего кризиса национального государства, который обозначился еще в 1990-е годы. Анализируется рост «анархических» сил и тенденций — как чисто протестных (социал-анархистских), так и обладающих позитивной политической программой (регионально-сепаратистских). Особый раздел посвящен анализу ближайших перспектив Российской Федерации. Во-первых, в свете вышеописанных общемировых трендов. Во-вторых, вследствие развития внутренних противоречий, толкающих постимперию «ордынского типа» к неизбежному распаду.

УДК 32(100)“20”:001.18
ББК 66.2(0)

ISBN 978-5-903135-36-3

© Фонд «Либеральная Миссия», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

1. «Молодежные циклы» новейшей истории	5
2. Советский ремейк-68 и рождение мифа о конце истории	11
3. Молодые люди снова рассердились	15
4. Анархия нуждается в своем государстве	22
5. Регионы против государств — главная коллизия XXI века?	29
6. Нить Ариадны для стран третьего мира	38
7. Что мешает родиться новой идее?	43
8. Сецессионизм как новая русская идея?	52
Что важнее — Родина или Свобода?	52
Неоперабельная держава	55
Поздняя осень империй	62
Ненасытный Робин-Бобин-бург	64
Федеральная гаррота	67
Накануне...	69
Путин как «черная метка»	69
Куда двинется пост-Россия?	71
Об эфемерности имперского долголетия	72
Стокгольмский синдром — не навсегда	74
Ордынское тавро	76
Ржавые скрепы	77
Мечты материализуются?	79
Будущее неизбежно	83

ПРИЛОЖЕНИЕ

Глобальный сепаратизм как Agenda для XXI века.

Материалы круглого стола. Фонд «Либеральная Миссия»,

24 декабря 2012 года _____ **85**

*Автор благодарит Екатерину Богач, Екатерину Борисову,
Екатерину Семькину, Маргариту Цуринову, Betty Rothstein & Joey Taylor
за помощь в работе над текстом*

1. «МОЛОДЕЖНЫЕ ЦИКЛЫ» НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

На первый взгляд, между «арабской весной», Осциру Movement, российским движением «За честные выборы», реваншем левых на улицах Германии и на электральных участках Франции, сепаратистским оживлением в Шотландии, Каталонии и некоторых штатах США, а также другими разбросанными по миру акциями протеста последнего времени идейно общего не так уж и много. И тем не менее возникает ощущение, что в мире «что-то началось». Но что именно? И чем это закончится?

Для того чтобы ответить на оба эти вопроса, прежде всего следует понять, в чем заключается универсальная причина этого всемирного и почти синхронного пробуждения революционной энергии?

Разумеется, у каждой революции, отделяющей одну эпоху от другой, — свои уникальные причины. Однако есть во всех революциях и что-то общее.

А именно то, что еще в XVIII веке до Р. Х. ярко описал древнеегипетский публицист Ипусер в рассказе о событиях Смуты, погубившей Среднее царство: «Приставленные к воротам говорят: “Пойдем и будем грабить”. Изготовители сладостей, прачечники отказываются исполнять свою работу. Эмалировщики, ловцы птиц строятся в боевые ряды. Человек видит в сыне своего врага... Жители пустыни повсюду стали египтянами... Воистину: благородные в горе, простолюдины же в радости. Каждый город говорит: “Да будем бить мы сильных [имущих] среди нас”. Воистину: люди стали подобны птицам, ищущим падаль...»

Ключевой элемент в этом апокалиптическом перечне не поход бедноты на богачей, не наводнение древней культурной страны дикими варварами и даже не предательство полиции, позорно присоединяющейся к бандам эмалировщиков и птицеловов. Все это, как нетрудно понять, лишь следствия первопричины — великого социального разлома, рожденного конфликтом поколений. «Человек видит в сыне врага своего» — вот что в одночасье рушит социально-политические системы, еще недавно казавшиеся абсолютно незыблемыми.

«Перемен требуют наши сердца!» (популярный слоган времен Перестройки — строка из песни петербургского рокера Виктора Цоя) — как только этот звонкий клич вдруг вырывается из уст всей молодежи разом, атмосфера в обществе изменяется быстро, радикально и необратимо. И происходят перемены. Не всегда жуткие и кровавые, но всегда неодолимые и коренные.

Временной цикл этих великих потрясений в новейшее время, то есть начиная с 1918 года, когда закончилась Первая мировая война, довольно

четкий: 21–23 года. Спустя именно этот срок (в 1939–1941 годах) разгорелась Вторая мировая война. Через 21–23 года после ее окончания в 1945-м настал черед «молодежной революции» с ее кульминацией — 1968 годом. Сознание людей во всем мире в очередной раз радикально изменилось. Еще через точно такой же отрезок времени (в 1989–1991 годах) достигла апогея Перестройка, пала Берлинская стена, а затем рухнули СССР и старый биполярный мир.

И если эта хронологическая закономерность действительно работает, то следующий революционный виток истории начался в 2012 году, а на 2014 год должен прийти его пик...

Никакой астрологии и «пифагорейской эзотерики» в этих расчетах, конечно же, нет. О цикличности истории задумывались еще античные греки. О том, что человеческое общество развивается по кругу земля — вода — воздух — огонь и обратно, говорил один из самых глубоких и пессимистичных античных философов — Гераклит. «Таков круговорот государственного общежития, — писал чуть позже Полибий, — таков порядок природы, согласно которому все формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются».

В Новое время примерно в том же духе рассуждал Джамбаттиста Вико. По его мнению, история народов представляла собой последовательное прокручивание циклов, состоящих из «божественной», «героической» и «человеческой» эпох.

Со второй половины XIX века приверженцы так называемого цивилизационного подхода по сей день развивают мысль о том, что история каждой из культур проходит через одни и те же циклические фазы зарождения, расцвета и заката.

Но, пожалуй, из классиков ближе всех к описанию того типа цикличности, о котором здесь идет речь, подошел Сёрен Кьеркегор. В работе «Век революции и современный век. Литературное ревю» он пишет о том, что героический «Век революции» неизбежно сменяется рефлексивно-бездейственным «Веком нивелировки».

XX столетие привнесло в эту отмеченную философами и историками циклическую закономерность лишь два новых момента: планетарную универсальность и жесткую периодичность. Этому, конечно же, есть вполне рациональное объяснение.

Все дело в том, что идея прогресса, ставшая в XX веке всеобщей «религией масс», развивается по законам, напоминающим течение болезни, известной в психиатрии как биполярное психическое расстройство, в старой транскрипции — маниакально-депрессивный психоз, или МДП. Для МДП, как известно, характерны острые и относительно непродолжительные эпизоды эйфорического подъема, избыточной веры в собственные силы, высокой энергетической активности, после которых наступают гораздо более длительные полосы

душевного упадка, разочарования и уныния с пассивностью, безынициативностью и бездеятельностью.

Вспышки «маниакального возбуждения» у общества могут быть самыми разными — реформы, война, революция (политическая, социальная, сексуальная). Но всех их объединяет стихийная и легкая вера в реальность глобального прорыва в «окончательно» справедливый миропорядок.

У периодов уныния и стагнации также есть общие черты. В XX веке ответственность — в тех странах, где у нее сохранялось право голоса, — всякий раз предъявляла «депрессивным» эпохам примерно одни и те же претензии. Их суть сводилась к обвинению Системы в недостаточном внимании к «маленькому человеку», в пренебрежении к его интересам и его голосу, в «тоталитарном подавлении» личности и одновременном ее отчуждении от социума. Тотальная ложь и тотальное насилие (прямое либо косвенное — через деньги) — вот что, по мнению критиков межреволюционных эпох XX столетия, лишает человека духовной свободы, превращая его в бессмысленную и фальшивую материально детерминированную социальную функцию.

Выхваченные наугад фрагменты из нескольких трактатов, написанных в «депрессивные» или «гипоманиакальные» (предреволюционные) эпохи, как нетрудно заметить, на удивление схожи по доминирующему в них невротично-гуманистическому настрою и потому легко «перетекают» друг в друга.

«Шквал повального и беспросветного фиглярства катится по европейской Земле. Любая позиция утверждается из позерства и внутренне лжива... Массовый человек боится встать на твердый, скальный грунт предназначения; куда свойственнее ему прозябать, существовать нереально, повисая в воздухе. И никогда еще не носилось по ветру столько жизней, невесомых и беспочвенных — выдернутых из своей судьбы — и так легко увлекаемых любым, самым жалким течением... Масса говорит: "Государство — это я" — и жестоко ошибается... Кончится это плачевно...» (*Хосе Ортега-и-Гассет, 1930*).

«Спектакль подчиняет себе живых людей в той же мере, в какой их уже целиком подчинила себе экономика. Спектакль есть не что иное, как экономика, развивающаяся ради себя самой»; «В то же время всякая индивидуальная реальность начинает регламентироваться общественной, т.е. становится напрямую зависящей от общественной власти. Индивидуальная реальность отныне легко фабрикуется и управляется общественной властью...»; «Если мир перевернуть с ног на голову, истина в нем станет ложью...» (*Ги Дебор, 1967*).

«Сцены больше нет, нет даже той минимальной иллюзии, благодаря которой события могут приобретать признаки реальности, — нет больше ни сцены, ни духовной или политической солидарности: что нам до Чили, республики Биафра, беженцев, до терактов в Болонье или польского вопроса? Все, что происходит, аннигилируется на телевизионном экране. Мы живем в эпоху событий, которые не имеют последствий (и теорий, которые не имеют выво-

дов). Нет больше надежды для смысла. И, без сомнения, это действительно так: смысл смертен...» (Жан Бодрийяр, 1981).

«...Притворство состоит не в том, что ложь выдается за истину, а в том, что истина выдается за ложь — то есть обман состоит в симуляции обмана...» (Славой Жижек, 1989). Современные либеральные гедоники-атеисты «посвящают свою жизнь погоне за удовольствиями», «они попадают в густую сеть самоограничений (“политкорректных” норм)», «они принимают не менее сложный режим правил “заботы о себе” (фитнес, здоровая пища, духовная релаксация и так далее). В наше время ничто настолько не зарегулировано, ничто настолько не подавляет человека, как обычный гедонизм...» (Он же, 2012).

Период депрессивного «концептуального брюзжания» всякий раз сменяется короткой вспышкой революционной «мании». И происходит это каждые 21–23 года — не раньше и не позже. Почему? Ответ очевиден: потому что за это время достигает своего совершеннолетия очередное «универсальное поколение», выросшее в эпоху серой стабильности с ее извечными психологическими обременениями — «материальным рабством», «духовной пустотой», «политическим лицемерием», «информационным трэшем», etc.

Дети эпохи застоя в настроенческом плане резко отличаются от своих отцов. Отцы надломлены драматичным опытом радикальных перемен, которые произошли в пору их собственной молодости, но так и не привели к построению «справедливого мира». У выросшей в эпоху стабильности молодежи этих негативных воспоминаний и связанных с ним фобий нет. Дети застоя не только не боятся радикальных изменений, но страстно их жаждут, поскольку к этому их невольно подталкивают сами отцы — своим фальшивым прагматизмом и натужным оптимизмом, скрывающим внутренний разлад и глубокое недовольство существующей реальностью. И в итоге, достигнув фазы совершеннолетия, поколение стагнации вдруг воспламеняется. И довольно быстро зажигает общество в целом — тем более что за время постэйфорического застойного уныния во всех его страдах накапливается горячий запас раздражения.

«Мировые войны, революции — время от времени все это происходит. Когда момент оказывается подходящим, достаточно просто искры»¹ — данное «циклическое» наблюдение сделал идеолог и инициатор акции Occupy Wall Street 70-летний Калле Ласн.

На протяжении 22 лет — как раз с того времени, когда над миром пронесся предыдущий wind of change, поднятый советской Перестройкой, — Калле Ласн издавал ситуационистский журнал Adbusters, радикально атакующий

¹ Цит. по: Schwartz M. The origins and future of Occupy Wall Street // The New Yorker. 2011. November 28. URL: http://www.newyorker.com/reporting/2011/11/28/111128fa_fact_schwartz#ixzz1xVR3jUGE

общество тотального консьюмеризма. И все это время на страницах журнала Ласн и его единомышленники энергично раздували огонь нового всемирного пожара, направляя его пламя против «общества тотального потребления».

Однако звездный час «сокрушителей рекламы» (advertising-busters) пробил не раньше и не позже того срока, к которому подросло новое поколение скупающих социальных бунтарей, — осенью 2011 года.

Казалось бы, в предшествующие годы и десятилетия проблема «потребительского тоталитаризма» была неизменно остра и актуальна. Но история ждала «условленные» 21–23 года. И судя по всему, революционный подъем 2011–2012 годов оказался сюрпризом даже для самого Калле Ласна.

Впрочем, и это неудивительно. Особенность наступления революционной эпохи в том, что до последнего момента как будто ничто не предвещает грядущего катаклизма. Текущая реальность скорее напоминает многократно повторившуюся и смертельно надоевшую рутину, а не эксцессное преддверие большого идеологического скачка...

Помню, как в конце 2008 года, сразу после победы Барака Обамы на президентских выборах, я опубликовал текст, в котором, опираясь на описанные выше циклические закономерности, попытался спрогнозировать дальнейшее развитие событий: «Конец первого срока Обамы (а значит, и конец всех надежд, с ним связанных) по времени как раз совпадет с теми “двадцатью с небольшим годами”, которые требуются для вступления в жизнь очередного поколения молодых буревестников. А это значит, что примерно в 2012–2015 гг. мир ждет глобальное идейное потрясение и концептуальное обновление...»¹. Этот прогноз, однако, не произвел тогда серьезного впечатления практически ни на кого из коллег, став просто еще одной из множества бездоказательных футурологических гипотез...

Разумеется, предложенная поколенческая схема — generation schema — требует массы оговорок и уточнений. Дело в том, что в реальности разные страны участвуют в общемировом циклическом процессе неравномерно. Есть лидеры (притом каждый раз разные) и есть ведомые. Иногда, как в велогонке, уже в ходе начавшихся перемен происходит смена лидера, а порой даже меняется исходный маршрут. И все же факт остается неизменным: каждые 21–23 года в современном мире происходит нечто такое, после чего каравелла истории накреняется и делает очередной резкий идеологический галс.

Однако на протяжении последних десятилетий в недрах этой закономерности развивается тенденция, которая ставит все грядущие революционные циклы под большой вопрос. Речь идет о давно отмеченном идеологическом тупике, в который уперлась общественная мысль, а вместе с ней и вся мировая политика — как истеблишмент, так и андеграунд.

¹ Коцюбинский Д. Сколько Путину осталось править? Сугубо частное рассуждение о фатальности исторических сдвигов // Дело. 2008. 1 дек. URL: <http://www.idelo.ru/534/15.html>

Произошло это вскоре после того, как гуманистическая идеология «68-го года» восторжествовала в той степени, в какой ей было суждено это сделать, и наступило очередное время застоя.

На этот раз унылая стабильность выступила в концептуальном облике постмодернизма, в основу которого лег отказ от любых попыток создания и продвижения каких бы то ни было новых больших идей. Начиная со второй половины 1970-х годов общественная мысль в странах Запада стала концентрироваться либо на прагматической легитимации status quo, либо на деконструкции всех прошлых идеологем и скептическом отрицании настоящего — без попытки выдвижения альтернативного проекта.

И неизвестно, как бы проявило себя поколение «пост-68» в странах золотого миллиарда, подойдя к революционному рубежу «89–91», если бы в Советском Союзе не началась горбачевская Перестройка...

2. СОВЕТСКИЙ РЕМЕЙК-68 И РОЖДЕНИЕ МИФА О КОНЦЕ ИСТОРИИ

«Шестьдесят восьмой год» изначально смог победить не везде. Железный занавес и общее похолодание, наступившие в странах Восточного блока после подавления «Пражской весны» 1968 года, не позволили рок-н-рольному ветру конца 60-х властно ворваться в пространство, контролируемое коммунистическими режимами, чтобы радикально его переформатировать. В итоге поколение «шестидесятников» в этих странах, не сумевшее реализовать свою Поколенческую повестку дня — Generation Agenda — мечту о «свободе, демократии и мире во всем мире», — просто передало эту идейную программу, как эстафетную палочку, своим детям.

Горбачевская Перестройка, «новое мышление» и конец холодной войны, по сути, оказались расширенным ремейком «68-го года», пришедшим с Востока. С одним лишь нюансом: протестное движение на этот раз почти не связывало себя с демосоциалистической (марксистской) экономической риторикой, которая полностью скомпрометировала себя в странах Восточного блока. Вместо этого демократический протест активно использовал идейный инструментарий, разработанный создателями неолиберальной экономической школы.

Таким образом, Перестройка не была буквальным повторением «68-го года». Но она воспроизвела его гуманистическую, антиавторитарную суть. Советские люди, конечно же, в массе не читали Фрейда, Адорно, Маркузе, Сартра, Ги Дебора, Тимоти Лири, Кена Кизи и других апостолов молодежной революции 1960-х. Однако они слушали The Beatles. И сам рок-н-рольный дух Перестройки с ее идеей освобождения человека из-под диктата Системы и преодоления «тоталитарной одномерности» был очень созвучен старому доброму либерально-молодежному духу The Summer of Love — 67 или Mai-68. Лозунги «Даешь свободные выборы!» и ««Долой КПСС!» в Советском Союзе конца 1980-х звучали не менее смело и ультралиберально, чем «Запрещается запрещать!» — «Il est interdit d'interdire!» и «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» — «Soyez réalistes, demandez l'impossible!» на парижских баррикадах в мае 1968-го.

На какой-то момент даже показалось, что смысл произошедшего лишь в том, что отказавшийся от тоталитаризма Восток просто присоединяется к западной системе ценностей в ее гуманистической версии «68-го года», соединенной с прагматикой неолиберализма. И что, таким образом, ничего принципиально нового в мире в политическом плане больше не произойдет.

Фрэнсис Фукуяма даже успел опубликовать в 1989 году нашумевшую статью «Конец истории?», где объявил об окончательном идеологическом торжестве либеральной демократии в ее нынешнем виде и о том, что отныне наступает эпоха «постистории»: «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец “холодной войны” или конкретного отрезка послевоенной истории, но конец истории как таковой: это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы правления»¹.

Наступившая эпоха постистории, согласно Фукуяме, должна была сконцентрироваться на решении сугубо эколого-экономических, а не идейно-политических задач: «Конец истории — это очень печальное время. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, повсеместная идеологическая борьба, которая требовала смелости, мужества, воображения и идеализма, будет заменена на экономический расчет, бесконечное решение технических проблем, экологические проблемы и удовлетворение изощренных запросов потребителя»².

Никаких новых политических дебатов и проектов, а следовательно, и никаких радикальных изменений в политическом устройстве современного мира концепция конца истории не предусматривала. Тем государствам, которые уже освоили либерально-демократическую модель, оставалось лишь продолжать успешно развиваться, а всем остальным «предписывалось» как можно скорее стать либеральными демократиями. Идейно-политический прогресс человечества, таким образом, объявлялся полностью завершенным.

Удивительно, конечно, не то, что эта кричаще наивная и заведомо спорная теория вообще возникла (история знала и куда более экзотические футурологические построения), а то, что мировая общественная мысль в целом приняла выводы Фукуямы как аксиоматическую данность. Точнее сказать, Фукуяма наиболее ярко и удачно сформулировал назревший интеллектуальный тренд, суть которого заключалась в принципиальном отказе от идеологических инноваций. И действительно — никаких серьезных и дискутабельных попыток предложить что-либо по-настоящему свежее и позитивное с тех пор так и не последовало.

В сфере общественной мысли в самом деле наступил конец истории. Возможно, это было связано с тем, что к исходу XX столетия общественность была так травмирована и напугана идеологическими баталиями прошедших десятилетий, несколько раз ставившими мир на грань самоуничтожения, что назрела потребность в чисто экономической передышке.

Политическая история в отличие от общественной мысли, однако, не только не остановилась, но и продолжила бурно развиваться. И первым делом поста-

¹ Fukuyama F. The end of History? // The National Interest. Summer 1989.
URL: <http://www.kropfpolisci.com/exceptionalism.fukuyama.pdf>

² Там же.

вила под сомнение футурологическую схему Фукуямы. Пожалуй, ярче всего это проявилось на примере судьбы его прогноза относительно будущего СССР: «Советский Союз находится на распутье: либо он вступит на дорогу, которую сорок пять лет назад избрала Западная Европа и по которой последовало большинство азиатских стран, либо, в сознании собственной уникальности, застрянет на месте»¹.

Как известно, спустя всего два года после написания этих строк Советский Союз выбрал совершенно иной — третий путь: самоликвидацию, возможность которой профессор Фукуяма не предусмотрел вовсе.

Прогностическая близорукость Фукуямы выглядит тем более парадоксальной, что ничего неожиданного и удивительного в таком финале советской Перестройки не было. Ведь первый и самый главный вопрос, который встал перед СССР в условиях либерализации, не был вопросом о частной собственности и свободном рынке. Главным стал вопрос о судьбе самого Советского государства, а точнее о невозможности его сохранения в существующих границах, учитывая жесткий сепаратистский курс, который в условиях политической свободы сразу же взяли страны Балтии, Закавказья, а затем и ельцинская Россия, противопоставившая себя горбачевскому Советскому Союзу.

Проблема политического и территориального самосохранения встала в эпоху Перестройки не только перед СССР. Дело в том, что международная система тех лет сложилась во времена противостояния мировых держав, в эпоху горячих и холодных мировых войн. Стоит ли удивляться тому, что, как только эта эпоха стала уходить в прошлое, политическая карта мира сразу же ожила и зашевелилась?

Вопреки прогнозам Фрэнсиса Фукуямы, а равно и ожиданиям мирового сообщества, уставшего от политических катаклизмов XX века, торжество идеологии свободы означало вовсе не конец истории, а наоборот — ее дальнейшее развитие вглубь. Ближайшим следствием этого являлась перманентная эрозия мирового порядка, основанного на системе старых национальных государств.

Радикальное переформатирование посткоммунистического пространства, исчезновение нескольких крупных национальных государств Восточного блока, начало строительства супернационального Евросоюза — все это ясно свидетельствовало о том, что в новом мире сам институт национального государства начинает все больше походить на вымирающего динозавра и что под вопросом оказывается «нерушимый» догмат о его территориальной целостности и суверенитете.

Однако эти идейные ростки будущего в тот момент так и не попали в фокус внимания мировой общественности. Их полностью заслонила грандиозная картина финальной сцены XX столетия: павший без боя тоталитаризм, торже-

¹ Fukuyama F. The end of History?

ствующие на его обломках свобода и демократия, конец ядерного противостояния СССР и США...

После того как Перестройка благополучно осуществила расширенное переиздание «68-го года», мир — также в расширенном формате — окунулся в уже освоенное Западом состояние постмодернистской рефлексии и идеологической стагнации. Гуманистический проект 1960-х исчерпал себя вторично и на этот раз окончательно. Отсутствие новых позитивных идей в этих условиях стало ощущаться с особой остротой.

Европа попыталась заполнить идеологический вакуум культом золотого тельца по кличке Евро. Однако это материальное божество оказалось столь циничным и прожорливым, что становится все меньше похоже на сакральный объект или волшебную палочку и все больше — на банальную, хотя и масштабную техническую трудность, с которой «надо, наконец, что-то делать».

США в поисках нового идеологического спарринг-партнера решили заменить мировой коммунизм глобальным исламом, борьба с которым очень скоро вернулась бумерангом в виде «арабской весны».

Сегодня Вашингтон де-факто вместе с Аль-Каидой вынужден бороться с некогда лояльными Западу светскими авторитарными режимами Ближнего Востока. И тем не менее госсекретаря США Хиллари Клинтон, прибывшую в Каир, встретили отнюдь не радостные клики благодарной толпы, а летящие со всех сторон башмаки и гнилые овощи. Эту внезапно приключившуюся коллизию язык либерально-демократической риторики Белого дома, насколько можно заметить, пока что просто не в состоянии внятно описать.

Есть еще целый ряд проблемных констант, с которыми столкнулись страны благословенного Севера и которые принципиально «неописуемы» и неразрешимы в рамках либерально-государственной парадигмы конца истории.

Среди этих проблем — нескончаемый поток мигрантов, устремляющихся с Юга на Север; необходимость сокращать социальные гарантии в странах Севера, дабы не проиграть конкурентную битву экономическим державам Азии и Латинской Америки; огромное число горячих точек, являющихся мучительной головной болью для всего мира. Et cetera...

На фоне всего этого неготовность общественной мысли, прежде всего западной, к тому, чтобы предложить миру обновленную парадигму, в которой бы содержался ответ на основные вызовы начала XXI века, кажется все более странной. И даже катастрофа 9/11 не изменила этого пассивно-рефлексивного идейного вектора...

Однако то, что не сумели сделать кровожадные шахиды Аль-Каиды, смогло — притом с легкостью и абсолютно бескровно — совершить время. Подошел к концу очередной поколенческий цикл, и в самом сердце либерального мира — в США, в Нью-Йорке, на Манхэттене — неожиданно, мощно и радикально заявил о себе глобальный протест, идущий изнутри американского и — шире — всего западного общества. Конец истории кончился окончательно...

3. МОЛОДЫЕ ЛЮДИ СНОВА РАССЕРДИЛИСЬ

Сами активисты *Oscure Movement* (как, впрочем, и многие наблюдатели) склонны объяснять неожиданно бурный всплеск мировой протестной активности не циклическими законами новейшей истории, а исключительно конъюнктурными финансово-экономическими факторами.

Очень популярны в этой связи ссылки на отчет Управления Конгресса США по бюджету. Согласно ему с 1979 по 2007 год доходы 1% граждан США росли в 4,5 раза быстрее, чем у 60%, составляющих средний класс. И если в 1980 году 1% населения получил 9,1% всех доходов, то в 2006 году — уже 18,8%.

Но еще более скандально выглядит статистика времен финансового кризиса. Начиная с 2008 года доля богатств США, принадлежащих 1% населения страны, выросла с 34,6 до 37,1%, а принадлежащих 20% американцев — с 85 до 87,7%. И т.д.

В доказательство того, что рост нынешней протестной активности в США напрямую связан с увеличением доли годового дохода 1% богачей, обычно приводится этот график:

Рис. 1. Процент годового дохода, достигающийся 1% населения США (сверхбогачам)

Однако, если внимательно взглянуть на него, нельзя не заметить, что попытка объяснить протестные всплески через коэффициент Джини и прочие экономические детерминанты, выглядит не слишком убедительной.

Например, предыдущий децильный пик (когда богатые стали еще богаче, а бедные еще беднее) пришелся на эпоху Великой депрессии — 1928 год. Но тогда протестные волнения носили единичный характер.

И наоборот, эпоха «68-го года», когда протестная активность достигла пика, характеризовалась самой низкой за столетие долей годового дохода супербогачей.

Таким образом, участники Occupy Movement, которые считают его главной причиной кризис «экономики глобального потребления», похоже, забывают о древней мудрости: *post hoc, non est propter hoc*¹ — и путают «вследствие» и «впоследствии». Тем самым они — конечно же, помимо своего желания — сами оказываются под влиянием философии консьюмеризма, согласно которой человек — это прежде всего производная от его неуклонно растущих материальных запросов.

Отсутствие прямой корреляции между ситуацией в экономике и в общественных настроениях хорошо просматривается не только в прошлом, но и в настоящем. Достаточно обратить внимание на тот факт, что движение Occupy возникло не в 2008–2009 годх, когда ситуация на рынках и в экономике действительно выглядела как почти катастрофическая, а спустя несколько лет — лишь тогда, когда подошел «назначенный» историей срок для начала очередного цикла социального обновления...

То, что движение Occupy, официально стартовавшее 17 сентября 2011 года, не случайное и локальное событие, вроде антиглобалистских акций прошлых лет, доказывают, во-первых, его масштаб, во-вторых, его продолжительность и, в-третьих, реакция на него со стороны общества.

Акция Occupy Wall Street была быстро, повсеместно и дружно поддержана. Уже к 15 октября, по данным ее организаторов, аналогичные выступления проходили в 951 городе в 82 странах. Митинги в поддержку акции прошли в крупнейших мировых центрах — в Токио, Сиднее, Мадриде и Лондоне. В США возникло более 600 сообществ, которые взяли за образец Генеральную ассамблею города Нью-Йорка — The New York City General Assembly (NYCGA) — орган самоуправления «оккупантов».

Символика и слоганы Occupy Movement распространились по всему информационному пространству — начиная с граффити на стенах домов и кончая интернетом.

В стороне от движения остались арабские страны и Россия, в которых на момент начала акции Occupy Wall Street уже имелась своя локальная протестная Agenda. Однако влияние Occupy Movement ощущается и здесь — жители Москвы, протестующие против авторитарного режима президента Путина, стали собираться в сквере перед памятником казахскому поэту-просветителю Абаю Кунанбаеву под лозунгом «Occupy Abai!»...

¹ «После этого» не значит «из-за этого» (*лат.*).

Несмотря на то что палаточный городок участников акции в Zucotti Park на Манхэттене был снесен Нью-Йоркским департаментом полиции в ноябре 2011 года, само движение не исчезло. 17 марта 2012 года демонстранты попытались отметить полугодовой юбилей движения, снова заняв Zucotti Park, но были разогнаны полицией, арестовавшей 70 человек. Мощный уличный всплеск Occupy Movement произошел в конце мая 2012 года в Торонто и Монреале.

Какциям Occupy Movement, в которых приняли участие десятки тысяч человек, в одних лишь США положительно отнеслись десятки миллионов людей. Согласно данным СМИ, более 40% жителей США выразили согласие с протестующими. Не согласны оказались лишь 27% (по данным CBS News / New York Times). Более 50% американцев оценили деятельность «оккупантов» положительно. Отрицательно — всего 23% (*Time*).

Радикализация общественных настроений характерна, разумеется, не только для США.

Пилар Бонет, обозреватель *El País*, рассказала мне, как ощутила резкое изменение социальной атмосферы, разговаривая недавно со своими молодыми испанскими друзьями. Неожиданно для нее они вдруг заявили, что современная ситуация в обществе *necesita un poco de violencia* — «нуждается в небольшом насилии». По мнению Пилар, эти смутные революционные заявления совсем не означают, что ее знакомые мечтают о социальном катаклизме или собираются совершать какое-либо насилие. Это лишь констатация невозможности изменить ситуацию через существующие легальные каналы: «Они знают, против чего выступают. Но вот за что именно, за какие именно реформы они борются? На этот вопрос у них пока нет ответа. *Necesita un poco de violencia* — это не заявка на агрессию, а лишь признание своего идейного и политического бессилия...».

Диагноз точный. Протест назрел. Но у него нет позитивной программы. И это рождает ощущение бессильного отчаяния.

То, что у них нет конструктивной программы, признают и активисты Occupy. Идеология журнала *Adbusters*, которая легла в основу риторики Occupy Movement, строго негативистская. На страницах этого журнала постиндустриальное общество представлено как экологическая и духовная бездна, в которую человечество рискует окончательно провалиться уже в ближайшем будущем, чтобы неминуемо погибнуть.

Поначалу могло показаться, что ничего помимо яростного антисистемного негатива и не нужно и что главное — вывести как можно больше людей на улицу, а там все случится «само собой».

В начале июня 2011 года Калле Ласн разослал подписчикам *Adbusters* электронное письмо, в котором говорилось, что «Америка нуждается в собственном Тахире». Спустя несколько дней, посоветовавшись с шеф-редактором *Adbusters* Майкеем Уайтом, Ласн зарегистрировал сайт *OccupyWallStreet.org* и...

И тут выявился парадокс.

С одной стороны, акция Occupy Wall Street, которую Калле Ласн символически приурочил к дню рождения своей матери, 17 сентября, оказалась той самой искрой, которая зажгла пламя глобального протеста.

Но, с другой стороны, разгоревшееся протестное пламя сразу же ощутило нехватку идеологических дров. Вместо них наготове у организаторов акции был лишь тонкий и быстро сгорающий хворост креативной критики корпораций и аффилированного с ними истеблишмента. Но помимо этой критики — ничего. Никакого конструктива.

В результате главной фишкой движения Occupy Wall Street стала не столько его платформа, сколько его форма: люди сидят и обсуждают проблемы вместо того, чтобы нести свои жалобы в Вашингтон. «“Наши требования — это мы сами”, — гласит слоган» — так описывал происходящее The New Yorker¹. Нельзя сказать, что инициаторы акции не понимали, что в случае ее успеха возникнет необходимость в развернутой программе, а не просто в наборе ярких протестных лозунгов. Еще в июле 2011 года на веб-сайте Adbusters было торжественно обещано, что, начав с «простого требования к президентской комиссии отделить деньги от политики», участники акции в будущем перейдут к выработке «повестки дня для новой Америки»².

Но, как только акция стартовала, сразу же стало очевидно: никакой альтернативной Повестки дня для новой Америки — Agenda for New America — у нее нет в помине.

20 сентября, спустя три дня после начала оккупации Zucotti Park, Уайт и Ласн написали Манифест в виде петиции президенту Обаме. Даже по самому своему жанру этот документ напоминал не столько программный вызов Системе, сколько стремление добиться от ее «верховного правителя» частичных уступок и предпочтений.

«Монархической» форме соответствовало вполне социал-патерналистское содержание. Авторы Манифеста потребовали от президента США ужесточить регламентацию работы банковской системы, арестовать всех «финансовых мошенников», ответственных за крах 2008 года, и организовать президентскую комиссию для расследования коррупции в политике. «Мы останемся здесь в нашем лагере на Площади Свободы (Liberty Plaza — так “оккупанты” именовали Zucotti Park. — Д. К.), пока вы не ответите на наши требования», — говорилось в конце петиции³.

¹ См.: Schwartz M. Op. cit. URL: http://www.newyorker.com/reporting/2011/11/28/111128fa_fact_schwartz#ixzz1y3tnkNaE

² См.: #OCCUPYWALLSTREET. A shift in revolutionary tactics. URL: <http://www.adbusters.org/blogs/adbusters-blog/occupywallstreet.html>

³ Schwartz M. Op. cit. URL: http://www.newyorker.com/reporting/2011/11/28/111128fa_fact_schwartz#ixzz1yDjhwR00

Еще через девять дней NYCGA приняла Декларацию¹, на этот раз обращенную не к Бараку Обаме, а к «людям всего мира» — to the people of the world. Это воззвание представляло собой абстрактное заявление о намерениях, которое сопровождалось широким перечнем резких инвектив, адресованных корпорациям и правительствам.

В первой же фразе Декларации ее авторы признали, что главным мотивом, объединившим их, является эмоция, а не идея: «...мы собрались вместе для того, чтобы солидарно выразить чувство всеобщей несправедливости...».

В финале документа, правда, присутствовало беглое упоминание о конструктивном содержании начавшейся борьбы. Однако вместо того, чтобы наметить главные направления предполагаемых реформ, Декларация отложила этот вопрос на неопределенное будущее, расплывая ответственность за формирование позитивного контента между «людьми всего мира», которым адресовался призыв «генерировать решения, доступные для всех».

В текущей антисистемной риторике Occupy Movement многое перекликается с боевыми идеологемами великих демократических движений конца 1960-х и рубежа 1980–1990-х. Однако в отличие от «68-го года» и Перестройки Occupy сосредотачивается в первую очередь на борьбе не за гражданскую и политическую свободу, а за экономическую справедливость.

При этом даже в отдельно взятой финансово-экономической сфере современное протестное движение не пытается предложить существующей Системе какую бы то ни было концептуальную альтернативу.

Джеймс Тарэнто, колумнист The Wall Street Journal, уловив, что у протестующих нет своего проекта и они просто предъявляют Системе расширенный перечень традиционных левых требований, охарактеризовал Occupy Wall Street как «нервный срыв у левых» — The Left's Nervous Breakdown, — вызванный провалом социальной политики Барака Обамы².

И правда, среди тем, которые поднимают активисты Occupy, очень много традиционно левого — и практически ничего нового. Это и увеличение числа рабочих мест, и выравнивание распределения доходов, и усиление государственного контроля над банками, и сокращение вредного влияния корпораций на политику и экологию.

Немногочисленные конкретные требования также в основном не блещут новизной. Выдвинута, например, идея введения налога Робин Гуда — Robin Hood tax (налог на трансакции банков), которая активно обсуждалась еще в

¹ См.: Declaration: Occupy New York City. This document was accepted by the NYC General Assembly on September 29, 2011. URL: <http://www.roman-empire-america-now.com/Occupy-New-York.html>

² См.: Taranto J. The Left's Nervous Breakdown. Obama has failed, and his supporters are turning to nihilism // The Wall Street Journal. 2011. October 11. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052970203633104576625132698318672.html>

1970-е годы. Предложено восстановить Закон Гласса — Стиголлы 1933 года, который запрещал банкам заниматься коммерческой деятельностью и вводил обязательное страхование вкладов, но был отменен в 1999 году.

Относительно новой можно назвать разве что идею отмены института корпоративного лица — *Corporate personhood*, — который расширяет возможности корпораций по отстаиванию своих интересов в суде. Вряд ли, однако, проект отмены корпоративного лица может быть назван громким именем Повестки дня для новой Америки...

На первый взгляд, движение Оссуру в финансово-экономическом плане вполне могло бы предложить нечто радикальное и неожиданное. Что-то вроде реформы Солона — сисахии (стряхивание бремени). Как известно, при помощи этой меры греческий политик и мудрец в VI веке до Р. Х. избавил Афины от финансового краха. По его инициативе были отменены все ипотечные долги и сняты закладные камни со всех земельных участков. Таким образом Солон сохранил афинский «средний класс» от разорения и исчезновения. А потом еще и выкупил за государственный счет всех афинян, проданных в рабство за долги. После чего запретил людям продавать себя в долговую кабалу. Эти «антилибертарианские» реформы легли в основу будущего процветания афинской демократии.

Однако Оссуру пока что не предлагает ничего похожего на разрубание гордиева узла проблем, порожденных агрессивной экспансией корпораций в отношении среднего класса. Неудивительно — за окном давно не VI век до Р. Х. И даже радикально настроенный философ Славой Жижек — один из интеллектуалов, активно поддержавших Оссуру, — признает, что слишком решительная атака на капитализм, о которой мечтают многие участники движения, была бы сегодня равносильна катастрофе: «Что думают участники [Оссуру]? Они говорят: “О, Уолл-стрит должна работать ради Мэйн-стрит (Главная улица — собирательный образ типичных улиц проживания представителей среднего класса в США. — Д. К.), а не наоборот”. Но ведь проблема-то не в этом. Проблема заключается в том, что без Уолл-стрит нет и Мэйн-стрит — то есть все эти банки и система кредитов необходимы для функционирования современной системы... Если бы рухнула Уолл-стрит, рухнуло бы вообще все. Мы должны мыслить более радикально! Итак, формула “Отправьте деньги на Мэйн-стрит, а не на Уолл-стрит” — разрушена. Это все равно что сказать, что все эти честные, трудолюбивые люди, которые выполняют свою работу, не смогут найти сегодня работу. Думайте над тем, как изменить *это*! Думайте над тем, как изменить механизмы *этого*. В дальнейшем мы будем иметь дело не с такими краткосрочными кризисами, как в 2008 году...»¹.

¹ Цит. по: Bolman B. G., Raghuvеer T. A Conversation with Slavoj Zizek // The Harvard Crimson. 2012. February 10. URL: <http://www.thecrimson.com/article/2012/2/10/theres-this-slovenian-saying>

Примечательно, что и Жижек в этом интервью, и NYCGA в своей Декларации попросту отбрасывают прочь, как воланчик в бадминтоне, вопрос о позитивном содержании протеста. Обращенный «куда-то в массы» призыв «думать и предлагать», похоже, становится для Оссиру чем-то вроде одержимого невротического рефрена. Такое впечатление, что участники движения в самом деле верят в то, что новая большая идея может родиться сама собой в ходе их спонтанных дискуссий на заседаниях NYCGA или в недрах одной из поставленных в парке палаток — в какой-то пока еще неведомой миру голове одного из десятков тысяч рядовых участников акции.

Ожидание того, что новая идея появится, подобно *Dues Ex Machina*, в ходе стихийного движения масс, проявилось уже в самом начале акции, когда перед ее участниками был поставлен вопрос: «Что есть наше единое требование?»¹ Предлагалось выявить какой-то частный сюжет, вокруг которого все смогли бы сплотиться. Предложений и проектов с тех пор поступило множество. Все — частные. По большей части — социально-экономические. Появилось несколько популярных слоганов, самый мощный из которых — «Нас — 99%!». Однако единого требования у Оссиру нет по сей день...

Несмотря на то что некоторым участникам движения кажется, что отсутствие позитивной программы является скорее достоинством Оссиру, поскольку позволяет представителям самых разных идейных течений сохранять организационное единство, такое мнение все же приходится признать ошибочным. Дело в том, что активный протест, лишенный позитивной программной основы, имеет тенденцию довольно быстро выдыхаться. К слову, это хорошо почувствовал Калле Ласн, который оценил выдворение «оккупантов» из Zucotti Park не как их поражение, но как благоприятную возможность взять небольшой тайм-аут...

---

¹ 99 Percent Declaration // Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/99_Percent_Declaration

4. АНАРХИЯ НУЖДАЕТСЯ В СВОЕМ ГОСУДАРСТВЕ

На первый взгляд, ситуация тупиковая. Больших новых идей нет и вроде бы не предвидится. Однако большие идеи нужны, поскольку без них все восклицания о налоге Робин Гуда и отмене корпоративного лица выглядят не как революция, а как довольно злая карикатура на нее.

В итоге идейным лидерам Оссиру не остается ничего другого, как попытаться в третий раз оседлать престарелого коня «68-го года». И потому в риторике Оссиру вновь слышны проклятия против тех демонов, с которыми сражались адепты франкфуртской школы, битники, хиппи, ситуационисты, экзистенциалисты, etc. еще полвека назад. Раздаются все те же проклятия в адрес «тоталитарного капитализма», превращающего свободную личность в рыночно детерминированного «одномерного человека» (one-dimensional man) — консьюмериста. Все так же резко клеймится общественная жизнь, подконтрольная продажному истеблишменту и хищному капиталу. Все с тем же пафосом разоблачается общество спектакля и бесконечных симулякров, выгодных лишь капиталистической «биовласти», но не людям как таковым.

Тот факт, что концептуально Оссиру Movement остается в пределах «парадигмы-68», признает и сам Калле Ласн. Он сравнивает сегодняшний протест с ситуационизмом и протестным движением 1968 года в целом. Своего рода живым олицетворением этой исторической преемственности являются сам Калле Ласн (1942 г. р.) и Славой Жижек (1949 г. р.), чья молодость пришлась как раз на мятежные 1960-е.

Однако конь «68-го года» стар. Не только физически, но и морально. Слишком много раз он спотыкался, так и не сумев перепрыгнуть через барьер «глобального потребления», чтобы взлететь к заветным рубежам «свободной творческой личности», «интересов большинства» и «мира во всем мире». И потому сегодня этот древний конь уже не бьет копытами и не пытается скакать во весь опор, а просто тихо ржет на тему «изменений налоговой политики» и «перераспределения доходов».

Для того чтобы почувствовать силовой контраст между аутентичным «68-м годом» и сегодняшним протестом, достаточно просто сравнить мелочную прагматику Оссиру — с безумными прожектами, о которых грезили в свое время шестидесятники.

«Самоосвобождение в нашу эпоху, — писал, например, в 1967 году Ги Дебор, основоположник того самого ситуационизма, с которым сравнивает

нынешнее движение Калле Ласн, — должно заключаться в избавлении от материальной базы, на которой зиждется ложь современного мира. Эту “историческую миссию по установлению правды в мире” нельзя поручить ни какому-то изолированному индивиду, ни подверженной манипуляциям разобщенной толпе, но только классу, способному стать разрушителем всех классов, путем прихода к власти неотчужденной, истинной формы демократии — Советов. Только в Советах практическая теория будет способна контролировать сама себя и ощущать собственное воздействие. Только в Советах индивиды “непосредственно будут связаны с всеобщей историей”, только в них может восторжествовать диалог»¹.

Разумеется, эти страстные призывы сегодня могут вызвать разве что улыбку — злорадную либо снисходительную, в зависимости от идейных предпочтений того, кто улыбается. Но означает ли это, что современный протест обречен представлять собой кастрированный проект, приковывавший из прошлого, в котором уцелело только то, что не угрожает существующей Системе ничем по-настоящему серьезным? Нет, не означает. И вот почему.

Если определить нынешнюю риторику Оссиру одним словом, то ее правильнее всего будет обозначить как анархизм — в самом широком, не доктринерском смысле этого слова. То есть как идейный протест против всего того, что институционально ограничивает и подавляет личную свободу.

Большинство организаторов Оссиру Wall Street, к слову, прямо называют себя анархистами. Калле Ласн, например, один из постоянных авторов журнала Design Anarchy. Его помощник Майкей Уайт говорит о себе как о «мистическом анархисте». Анархистами считают себя влиятельный активист Оссиру — 50-летний преподаватель Лондонского университета Дэвил Гребер, а также юные лидеры движения — 26-летняя Джастин Тинни из Филадельфии и 25-летняя кинорежиссер Мэриса Холмс. Сама идея горизонтальной самоорганизации и прямой демократии, лежащая в основе GANYS, предложена анархистами. Анархистским по духу является один из главных лозунгов движения Оссиру не только в США, но во всем мире: «Глобальная демократия — сейчас!» — «Global Democracy Now!».

Конечно, среди участников движения не только анархисты. Есть и те, кто идентифицирует себя как либералов, социалистов, либертарианцев, политически независимых или защитников окружающей среды. И все же радикальный протест против истеблишмента, стремление захватывать территории и обустройства их на принципах прямой демократии — это классическая анархия. И в этом смысле все участники Оссиру — анархисты де-факто.

Один из «оккупантов» — школьный учитель П., пожелавший остаться неназванным, в беседе с репортером The New Yorker определил суть анархизма как

¹ Дебор Г. Общество спектакля. URL: http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html

«искоренение любой несправедливой или незаконной системы. Это как минимум означает искоренение капитализма и государства»¹.

Ждать, что из такой примитивной модели анархизма вырастет «новая большая идея», конечно же, нелепо. Хотя бы по той простой причине, что эта модель (как и прочие теоретические разработки Оссуру) далеко не нова. Анархо-коммунизм и анархо-синдикализм как ультрареволюционные проекты, альтернативные государству и капиталу, давно пережили пик своей популярности и сегодня выглядят как очень старая и местами очень страшная сказка.

И в то же время в отличие, скажем, от марксизма или фашизма анархизм не является книгой, в которой человечеством прочитана и перевернута самая последняя страница. Причем именно сегодня — в эпоху глобализации, кризиса национальных государств и повсеместного пробуждения локальных политических процессов — эта непрочитанная страница анархистской теории оказывается как никогда актуальной.

Речь идет, если так можно выразиться, о государственном аспекте анархизма. Дело в том, что, выступая против государства, классики анархизма бросали вызов не власти как таковой, а лишь авторитаризму, с которым в ту далекую пору ассоциировалось любое государство. Целью анархистов было, таким образом, не безвластие, но создание модели власти, максимально близкой людям.

Во второй половине XIX — начале XX века об этом много размышлял и писал теоретик анархизма Петр Кропоткин.

Бежав из самодержавной России, князь Кропоткин долгое время прожил в Швейцарии, где проникся конфедералистским духом родины легендарного «сепаратиста № 1» — Вильгельма Телля. В качестве оптимальной формы политического устройства Кропоткин предложил коммуны. Ее ближайший исторический аналог он видел в вольных городах средневековой Европы. Сегодня такую концепцию вряд ли вообще назвали бы анархистской. Скорее ее вписали бы, притом вполне справедливо, в графу «Регионализм».

Всю историю человеческого общества Кропоткин рассматривал как непрерывное циклическое развитие, в котором творческую и созидательную роль играют малые территориальные образования (города, общины), а паразитарную и разрушительную — крупные государства, империи. Каждый цикл заканчивался тем, что цивилизация, зайдя в имперский тупик, сходила с исторической сцены: «Египет, Азия, берега Средиземного моря, Центральная Европа поочередно пребывали очагами исторического развития. И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем оно переходило к сельской общине; потом наступал период вольных городов и, наконец, период государ-

---

¹ Цит. по: Schwartz M. Op. cit. URL: http://www.newyorker.com/reporting/2011/11/28/111128fa_fact_schwartz?currentPage=all

ства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем вскоре замирало»; «Через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная, императорская и федералистская, традиция власти и традиция свободы»¹.

Из контекста ясно, что под «государством» и «властью» Кропоткин понимает политические конструкции имперского типа. «Вольные города», то есть политические образования регионального масштаба, в терминологии Кропоткина государствами не являлись. Государство определялось им как «сосредоточение управления местной жизнью в одном центре», то есть, по сути, как централизованная бюрократическая система, или империя.

Рассуждая таким образом, Кропоткин фактически бросил вызов не только монархиям и другим формам традиционного авторитарного правления, но также идее централизованной национальной государственности как таковой. Притом сделал это задолго до того, как эта идея окончательно восторжествовала, придя на смену традиционалистской монархической парадигме (это случится после Первой мировой войны).

Любое централизованное государство (неважно, монархическое или республиканское), согласно Кропоткину, представляло собой бюрократическую систему имперского типа. То есть такую модель власти, при которой центр принятия политических решений бесконечно удален от конкретных людей и де-факто монополизирован аппаратом власти, всецело контролирующим общество.

«Государством в точном смысле слова» Кропоткин считал Римскую империю: «Ее органы как сеть покрывали ее обширные владения. Все сосредоточивалось в Риме: экономическая жизнь, военное управление, юридические отношения, богатства, образованность и даже религия. Из Рима шли законы, судьи, легионы для защиты территории, губернаторы для управления провинциями, боги... В каждой провинции, в каждом округе был свой Капитолий в миниатюре, своя частица римского самодержавия, от которой вся местная жизнь получала свое направление. Единый закон, закон, установленный Римом, управлял империей, и эта империя была не союзом граждан, а сборищем *подданных*»².

Превратив собственных граждан в рабов, Римская империя, согласно Кропоткину, сама себе подписала смертный приговор и тем самым дала старт новому витку человеческой истории. В основу этого нового этапа вновь легло свободное творческое развитие региональных политических форм: «В одиннадцатом и двенадцатом столетиях по всей Европе вспыхивает с замечательным единодушием восстание городских общин», «этой революцией началась

¹ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 452. URL: <http://spb-anarchists.anho.org/bibliokrap1.htm>

² Там же. С. 398.

новая полоса жизни — полоса свободных городских общин»; «В течение одного столетия это движение... охватило Шотландию, Францию, Нидерланды, Скандинавию, Германию, Италию, Испанию, Польшу и Россию»¹.

Эти города-коммуны, писал Кропоткин, замечательным образом контактировали друг с другом и совершенно не нуждались в административном подчинении кому бы то ни было: «Часто в случае неумения решить какой-нибудь запутанный спор, город обращался за решением к соседнему городу. Дух того времени — стремление обращаться скорее к третейскому суду, чем к власти, — беспрестанно проявлялся в таком обращении двух спорящих общин к третьей»².

Но вот в XVI веке возникли абсолютистские государства, которые разрушили регионалистскую цивилизацию Средневековья, уничтожили федерацию вольных городов. Пришли, по терминологии Кропоткина, «новые варвары» — начальники. Светские и духовные. Юрист (знаток императорского Римского права) и священник — вот под чьим зловредным влиянием, по мнению Кропоткина, «старый федералистский дух свободного почина и свободного соглашения вымирал и уступал место духу дисциплины, духу правительственной и пирамидальной организации...»³.

Конечный вывод звучал так: «Одно из двух. Или государство раздавит личность и местную жизнь; завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесет с собой войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов... Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникает в тысяче центров, на почве энергической, личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения. Выбирайте сами!»⁴

Если заменить в этом фрагменте «государство» на «корпорации и коррумпированная власть» и представить на миг, что у Оссиру Wall Street вдруг появилась своя политическая программа, данный отрывок из книги Петра Кропоткина «Современная наука и анархия» вполне мог бы стать ее эффективным финалом. Равно как и все предыдущие рассуждения Кропоткина могли бы служить ее историософской преамбулой.

Дело в том, что и Декларация Оссиру Wall Street, и конкретные действия движения стремятся к тому же, к чему более 100 лет назад призывал мятежный князь Кропоткин: к созданию «тысячи центров на почве энергической личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения».

Однако между старым анархизмом Петра Кропоткина и новейшим анархизмом Оссиру есть одно существенное различие. Кропоткин говорил о вольных городах, то есть, переводя на современный язык, о государствах регионально-

¹ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 412, 414.

² Там же. С. 417.

³ Там же. С. 428.

⁴ Там же. С. 453.

го масштаба. Оссуру же ведет речь о захвате public space — общественных мест, представляющих собой лишь небольшие территориальные островки внутри городов.

Причина этого различия понятна. Старые анархисты всерьез размышляли о том, чтобы создать на месте государств что-то жизнеспособное и долгосрочное. Поэтому в их проектах речь шла о цельных самодостаточных территориях, имеющих собственную экономику. Иными словами, о регионах, а не о случайно оккупированных фрагментах городского ландшафта.

Новейшие же анархисты об экономике и устойчивом развитии своих коммун не рассуждают вовсе. Им это не нужно. Цель их игры в «прямую демократию» состоит не в том, чтобы создать альтернативную политическую модель, но в том, чтобы просто докричаться до действующего начальства — «сделать ваши голоса услышанными!» — «make your voices heard!». А для этого вполне достаточно легких палаточных городков, временно расположенных в центре мегаполисов на небольших захваченных пространствах: «Осуществляйте ваше право на мирные собрания; занимайте публичное пространство; создавайте процесс, позволяющий решать проблемы, с которыми мы сталкиваемся, и генерируйте решения, доступные каждому. Всем сообществам, которые принимают участие и формируют группы в духе прямой демократии, мы предлагаем поддержку, документацию и все наши ресурсы, которые есть в нашем распоряжении. Присоединяйтесь к нам, чтобы ваш голос был услышан!..»¹

Одним словом, вопреки тому, что говорят участники Оссуру, их «прямая демократия» в действительности совсем не демократия. Ибо у этой «демократии» нет ни постоянной территории, ни экономики — если, конечно, не считать экономикой успешное проедание пожертвованных средств. Да и может ли быть своя экономика у палаточного городка размером с городской парк?

Анархизм GANYS существует в формате ситуативной ролевой игры, ограниченной во времени и пространстве. Игра эта может происходить лишь на очень небольших территориях. И лишь до тех пор, пока либо полиция не разгромит очередной революционный кемпинг, либо не кончится endowment — ресурс, выделенный благотворителями.

Самостоятельным политическим проектом Occupy Wall Street, таким образом, изначально не является. Его организаторы могут еще много раз повторить заклинание о том, что «Америке нужен свой Тахрир», но никакого Тахира ни на Манхэттене, ни в других городах золотого миллиарда в итоге не появится.

Zucotti Park не смог стать Тахриром не только в прямом смысле (то есть не стал ареной кровавых столкновений, что, конечно же, хорошо), но даже метафорически. Zucotti Tahrir закончился тем, что довольно быстро сам себя идейно исчерпал. И когда его разогнали, сами лидеры Оссуру вздохнули с облегче-

¹ Declaration: Occupy New York City.

нием, так как уже не знали в тот момент, о чем говорить и что делать дальше с этими десятками тысяч праздных и эмоционально взвинченных людей.

Для того чтобы Zucotti Park смог превратиться в победоносный Тахрир, с самого начала нужна была хотя бы простая и «наивная» — но ясная и четкая — позитивная политическая программа. «Арабская весна» потому стала плодотворить так бурно и обильно, что у нее такая программа изначально была — «демократический ислам». Неважно, до какой степени эта Agenda была реалистична и конструктивна, а до какой — деструктивна и утопична. Важно то, что, решившись выйти на площадь, арабы полагали, что знают, чем именно они хотят заменить надоевший им светский авторитаризм. Они мечтали о такой модели власти, которая сочетала бы жизнь по «справедливым законам шариата» с благами политического плюрализма и парламентарной демократии. И поэтому на площади Туниса и Каира выходили не 10–50 тыс., а сотни тысяч горожан. И они не уходили с площадей до тех пор, пока противостоявшая им власть не капитулировала. Именно то, что у тунисской и египетской (а также ливийской, йеменской, сирийской и т.д.) оппозиции был радикальный и в то же время позитивный политический проект, — именно это позволяло арабским повстанцам побеждать диктатуры, державшиеся десятилетиями.

Но почему у анархистов Оссиру нет своего анархистского политического проекта? Почему в отличие от анархистов прошлого они не бросают концептуальный вызов парадигме национальной государственности, вместо этого предпочитая сочинять эмоциональные слоганы и писать длинные письма президенту Обаме?

Первое, что сразу приходит на ум: анархистского проекта нет, потому что его и быть не может! Ибо анархизм — это, так сказать, глубоко позавчерашний день. Это такая же левая тоталитарная ерунда, как «Государство» Платона, «Утопия» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы и «Коммунистический манифест» Маркса — Энгельса. Ведь сколько бы мы ни критиковали современные национальные государства, ничего лучше все равно придумать нельзя! Государство — это *ultima ratio*. Это такой же венец творения в области социального устройства, каким сам человек является среди природы. Одним словом, национальное государство — это «само совершенство», вроде Мэри Поппинс.

Однако это не так. Еще в конце прошлого столетия политики и политологи обратили внимание на тот факт, что в условиях наступающей глобализации институт национального государства вступает в полосу неодолимого системного кризиса и неизбежного грядущего декаданса...

5. РЕГИОНЫ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВ — ГЛАВНАЯ КОЛЛИЗИЯ ХХІ ВЕКА?

В начале 90-х годов XX века наступил этап великого международного переформатирования. Рухнула биполярная модель (USA vs USSR), резко ускорился процесс глобализации, качественно возросла интенсивность миграционных потоков.

Национальные государства в новых условиях вдруг оказались сразу под двойным прессом — «сверху», со стороны надгосударственных структур и транснациональных корпораций, и «снизу», со стороны этнотерриториальных сообществ, стремящихся к политической эмансипации. И сразу же стало ясно: главные международные акторы — национальные государства, царившие на протяжении всего XX столетия, — начинают превращаться в геополитический анахронизм. Обо всем этом на рубеже миллениума почти хором стали говорить наблюдатели во всем мире.

В 1995 году Кеничи Омае опубликовал книгу под названием «Конец национального государства. Подъем региональных экономик», в которой предрек повсеместный упадок государств-наций в ХХІ веке и создание на их месте «естественных экономических зон» и «региональных государств», которые уничтожат мощь прежних национальных столиц¹.

Риккардо Петрелла предположил, что к середине ХХІ века такие государства-нации, как Германия, Италия, Соединенные Штаты, Япония, не будут более цельными социоэкономическими структурами и конечными политическими конфигурациями. Вместо них такие регионы, как графство Орандж в Калифорнии, Осака в Японии, район Лиона во Франции, Рур в Германии, уже приобретают и в конечном счете приобретут главенствующий (над нынешним центром) социоэкономический статус².

По мнению сингапурских экспертов, высказанному в те же годы, в конце ХХІ столетия Китай также должен будет распасться на сотни государств масштаба Сингапура³.

¹ См.: Ohmae K. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. L.: Harper Collins Publishers, 1995. URL: <http://www.kohmae.com/en/entry/book/20120329204>

² См.: Уткин А.И. Американская империя. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/utkin_amerikanskaja/07.aspx?search=%cf%e5%f2%f0%e5%eb%eb%e0#st

³ См.: Уткин А.И. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь». 9 декабря 2005 г. Тема заседания: «Кризис цивилизации. Картография глобального ландшафта. М., 2005. URL: http://www.intelros.ru/club/texts/utkin_1_club.pdf

«Концепция нации находится под ударом с множества сторон...» — констатировал Дэвид Риифф в статье «Второй Век Америки? Парадоксы Державы». «Возможно и даже вероятно, — продолжал он, — что первые десятилетия после наступления Миллениума будут одновременно и продолжением Американского Века, и наступлением эры, в которой ускорится эрозия мирового порядка, построенного на системе государств». И далее: «Новые условия мировой торговли и (в меньшей степени) растущее движение бедных людей в направлении богатого мира — вот лишь два из наиболее очевидных примеров тех путей, посредством которых подрывается “Мы” традиционных национальных государств»¹.

Мысль о прогрессирующей глобализации и властном проникновении международных трендов вглубь организма современных государств подтолкнула Вольфганга Райнеке к тезису о том, что национальные государства скоро превратятся в функционально бесполезный анахронизм: «Анархия международных отношений (о чем писал когда-то Гоббс) не будет больше гарантировать крепость суверенитета в собственном государстве. Это изменение лишает внешний суверенитет его функционального значения. Национальные государства как внешне суверенные акторы в международной системе останутся принадлежностью прошлого»².

Особо сильное впечатление на воображение политологов 1990-х произвел фактор транснационально функционирующих корпораций, в деятельности которых ясно различалось стремление манипулировать национальными государствами в своих глобальных коммерческих интересах.

«Правительство более не обладает монополией легитимной власти над территорией, внутри которой оперируют корпорации, о чем свидетельствует возрастающий охват их регулирующих и налогово-арбитражных функций. Если попробовать прозондировать будущее... национальных государств, — резюмировал Вольфганг Райнеке, — следует признать, что глобализация покончила с их монополией на внутренний суверенитет, который некогда гарантировался территорией»³.

«Как возможно поддерживать авторитет государственной власти в век телеграфа, — риторически восклицал Дэвид Риифф, — когда руководство самых процветающих компаний настаивает на том, что фундаментальной реальностью интернета является то, что никто не несет ответственности [за публикуе-

¹ Rieff D. A New Age of Liberal Imperialism? // World Policy Journal. Summer, 1999. Vol. 16, N 2. P. 12. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/40209622?uid=3738936&uid=2134&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21101284691323>

² Reinecke W. F. Global Public Policy. URL: http://www.fpvvmv.umb.sk/kmvd/storage/File/Clenovia/tokar/Reinecke_FA_1996.pdf (В. Райнеке — старший научный сотрудник Программы изучения иностранной политики Института Брукинга. Данная статья основана на его книге «Global Public Policy Governing Without Government?».)

³ Там же.

мый контент]? И как в эпоху массовой миграции может сохраняться слияние государственной власти и националистической мифологии?..»¹

«Децентрализация знаний, — подытоживал Пол Кеннеди, — работает в пользу индивидуумов и компаний, а не в пользу наций». И также выносил безапелляционный диагноз-приговор: «Кризис окружающей среды, рост мирового населения, неконтролируемая переливаемость нашей финансовой системы ведут к тому, что государства попросту входят в состояние коллапса»².

Алармистские прогнозы политологов и политиков 1990-х годов и сбылись, и не сбылись одновременно.

С одной стороны, национальные государства оказались достаточно гибкими и упругими системами. Они смогли весьма успешно адаптироваться к процессу глобализации. Прежде всего им это удалось сделать за счет вступления в разного рода надгосударственные и транснациональные структуры, но во многих случаях также за счет частичной регионализации — деволюции.

Сохранению национальных государств как иерархически выстроенных легитимных силовых акторов в начале XXI века способствовало и усиление международной напряженности, частично возродившей архетипы времен холодной войны. Ключевую роль здесь сыграли главным образом резкий взлет боевого исламизма и четко обозначившееся стремление Китая к ускоренному превращению в «сверхдержаву № 2».

В то же время национальные государства сохранили себя не только за счет умелой адаптации к новому политическому ландшафту и частичной реанимации паттернов «великого идеологического противостояния», но и благодаря негласной капитуляции перед транснациональным финансовым капиталом.

С особой наглядностью это проявилось в момент кризиса 2008–2009 годов, когда во имя спасения глобального бизнеса были принесены в жертву даже некоторые из священных коров неолиберализма. Например, из средств госбюджетов крупнейших национальных государств в тот момент была оказана широкая помощь банкам и корпорациям. Тенденция приспособления политики национальных государств к нуждам транснациональных корпораций сохранилась и в дальнейшем.

Политическая капитуляция национальных государств перед международной финансовой анархией — этот сюжет в итоге оказался в центре международной протестной активности. По сути, сегодня конкурируют две глобальные анархии — анархия Оссуру и анархия Wall Street. Только у Wall Street есть политический слуга — национальное государство. А у Оссуру вместо соб-

---

¹ Rieff D. Op. cit.

² Kennedy P. The Next American Century? // World Policy Journal. Spring, 1999. Vol. 16, N 1. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/4020961?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=56275482223>

ственного слуги (или хотя бы теоретической модели такого слуги) есть лишь наивное желание докричаться-достучаться до чужого лакея.

Таким образом, опыт начала XXI века внес существенное уточнение в аналитические рассуждения 1990-х. Проблема национального государства оказалась не в том, что оно угодило между молотом локального и наковальней глобального, а в том, что национальное государство де-факто сделало стихийный выбор в пользу второго, принеся локальные и частные финансово-экономические интересы в жертву Молоху глобализации. В итоге национальное государство радикально оторвалось от интересов большинства граждан — став де-факто агентом финансовых корпораций, а не гражданского общества. Причем с особой яркостью это проявилось на примере наиболее крупных государств — США, Германии, Японии, Франции, Великобритании, Китая, России и др.

Сегодня все мы являемся свидетелями гибели мифа XX столетия: о том, что «правовое государство» — самый надежный защитник интересов рядовых граждан. Практика эпохи глобализации свидетельствует о том, что чем более высоким и многоэтажным оказывается государственный небоскреб, тем меньше он реагирует на движение «социальных микробов» — граждан у своего подножья — и тем больше зависит от глобальных ветров, обдувающих его вершину. Докричаться до такого небоскреба снизу невозможно по определению.

И наоборот — чем менее вертикально вытянута и массивна государственная постройка, чем она ближе, условно говоря, к формату греческого полиса, а не Римской империи, тем больше у граждан шансов не только быть услышанными властью, но и поставить ее от себя в жесткую зависимость.

Из этой логики вытекает мысль о том, что чем большим оказывается удельный вес «одноэтажных» государств, тем больше шансов у глобальной мировой экономики выйти из деструктивной фазы анархических колебаний, сопровождающихся суперобогащением суперменьшинства и одновременной эрозией среднего класса, и нащупать путь для устойчивого развития в XXI столетии.

Иными словами, регионалистский вызов традиционной национальной государственности не только не противоречит глобальным трендам современности, но и прямо с ними коррелирует.

Феномен взаимопроникновения и взаимной комплементарности глобального и локального (регионального) Роланд Робертсон еще в 1990-е годы обозначил термином «глокализация». Яркий пример успешно развивающегося процесса глокализации — объединенная Европа, где транснациональная интеграция происходит на фоне регионализации (деволюции) национальных государств. При этом дискурс о «Европе регионов» с самого начала существования Евросоюза находится в перманентном конкурентном диалоге с дискурсом о «Европе наций» и постепенно отвоевывает у него все новые позиции.

О «кризисе национальной идентичности», который развивается в странах Запада, в середине 2000-х, незадолго до своей кончины, говорил в интервью газете *Le Figaro* и патриарх мировой политологии Сэмюэль Хантингтон.

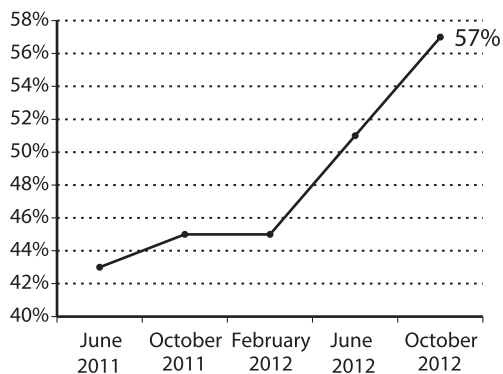

Этот кризис, переживший на протяжении последних 20 лет периоды подъема и спада, в последнее время опять обострился во многих странах.

С конца 2011 года вновь активизировались разговоры о создании на севере Италии независимого государства Падания, идею которого отстаивает Лига Севера.

В апреле 2012 года была предпринята попытка сбора подписей за отделение области Ломбардия и присоединения ее к Швейцарии. Пример североитальянского сепаратизма, к слову, ярко демонстрирует, что у сецессионизма могут быть не только этноконфессиональные (что, конечно, встречается чаще), но и чисто гражданские корни.

Не утихают дискуссии о возможном распаде Бельгии на Фландрию и Валлонию. По-прежнему актуальны темы гипотетической сецессии Корсики, Страны Басков и Северной Ирландии. Несколько лет назад каталонцы (вскоре после того, как такого же признания добились граждане канадской провинции Квебек) официально утвердили себя в качестве «нации». Резкое ухудшение бюджетной ситуации в Испании в конце 2012 года привело к тому, что руководство Каталонии объявило о намерении организовать референдум о независимости, несмотря на то что современное испанское законодательство такого права регионам не предоставляет¹. После этого сепаратистский курс Каталонии приобрел еще более жесткие и бескомпромиссные очертания.

Рис. 2. Рост числа граждан Каталонии, выступающих за независимость

Источник: <http://online.wsj.com/article/SB10001424127887324712504578130891031680124.html>

¹ См.: House J. Catalan Calls for Independence Increase. Regional Politician in Spain Causes Headaches for Prime Minister Rajoy With Pledge to Seek Referendum After Elections // The Wall Street Journal. 2012. November 22. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424127887324712504578130891031680124.html>

На карте Европы в начале XXI века появились еще два «одноэтажных» государства регионального типа: Черногория и Косово. На 2014 год Шотландской национальной партией, находящейся в этой стране у власти, намечено проведение референдума о государственной независимости (Лондон, впрочем, настаивает на том, чтобы этот референдум прошел еще раньше — в 2013 году).

Дыхание перманентной деволуции ощущается и за океаном. Правда, в США распространению регионализма препятствует, помимо всего прочего, мессинская доминанта, давно ставшая базовым элементом национальной американской ментальности. Суть американского мессианства еще в феврале 1941 года сформулировал издатель журнала Time Генри Льюс, заявивший о том, что «Америка должна быть старшим братом всех наций в братстве людей» и что «американский опыт — это универсальный ключ к будущему». Мессианское восприятие США и представление о современности как о «Веке Америки» эффективно способствуют державному сплочению американских штатов и патриотической лояльности граждан.

И тем не менее регионалистские тренды ощущаются и в США. Помимо совсем мелких сепаратистских групп, существующих в разных штатах (в Новой Англии, на Юге и т.д.), в США есть сепаратистские силы, которые следует признать заметными политическими феноменами.

На протяжении десятилетий функционирует Партия независимости Аляски (ее представитель в 1990 году был даже избран губернатором штата). Существует Движение за независимость Гавайских островов, а в 1998 году губернатор Гавайев призвал гавайцев и других жителей островов «выдвинуть план достижения Гавайями суверенности». Де-факто сепаратистские настроения проявляются в политической риторике и действиях индейцев — native Americans, в весьма специфической гражданской активности мормонов Юты, etc.

Но ярче всего дух американского регионализма проявляется в штате Техас. Здесь тема независимости перманентно присутствует в сознании не только политических маргиналов, но и многих граждан, а слоган «Не связывайся с Техасом!» — «Don't mess with Texas!» — стал едва ли не общенациональным девизом штата, хотя, конечно, и не столь напряженным, как «Erin Go Bragh!» — «Ирландия навсегда!» или «Euskal Herria ez da salgai!» — «Страна Басков не продается!». Тем не менее повышенный локально-патриотический градус Техаса порой вынуждает даже консервативных политиков этого штата апеллировать к антивашигтонским, сепаратистским чувствам сограждан.

В апреле 2009 года, например, губернатор Техаса Рик Перри, касаясь темы повышения налогов, сказал буквально следующее: «Техас — это уникальное место. Когда мы вошли в состав союза в 1845 году, одним из вопросов было то, что мы будем способны покинуть его, если мы так решим. Вы знаете, я мечтаю о том, чтобы Америка и, в частности, Вашингтон уделяли бы [нам] внимание. Мы имеем великий союз. И нет абсолютно никаких оснований для его распада.

Но если Вашингтон будет продолжать “показывать нос” американскому народу, вы знаете, кто знает, что может из этого выйти?..»¹

Стоит добавить, что вскоре после этого — осенью 2010 года — Рик Перри был переизбран на следующий губернаторский срок. В данном случае политик рискнул пойти на поводу у радикальных регионалистских настроений жителей штата — и в итоге выиграл. Возможно, ему придал смелости пример киноактера Чака Норриса, который незадолго до того заявил, что готов выдвинуть свою кандидатуру на пост президента независимого Техаса.

Проведенный вскоре после выступления Перри опрос показал, что 31% техасцев признали за Техасом право на отделение. При этом поддержку немедленной сецессии выразили 25%. В этой связи не должна показаться такой уж опереточной немногочисленная акция техасских сепаратистов, которая прошла 6 марта 2011 года в Остине в память о 175-й годовщине провозглашения независимости Техаса от Мексики. Собравшиеся потребовали от законодательного собрания штата принять закон, который позволил бы вынести вопрос об отделении штата на референдум. Главной претензией к Вашингтону стали «совершенно невыносимые» налоги, которые вынужден платить этот один из самых экономически развитых американских штатов, 25 млн граждан которого, по данным The Economist, производят такой же по объему ВВП, какой создают 140 млн жителей огромной и богатой ресурсами России.

Однако совершенно очевидно, что тема «невыносимых налогов» сама по себе сепаратистский дискурс породить не в состоянии. Недовольство штата политической центральной правительства вполне может быть осмыслено в традиционных партийно-оппозиционных категориях. Иными словами, вместо того чтобы ставить вопрос об отделении, можно просто поддержать на следующих президентских и парламентских выборах кандидатов от оппозиционной партии, которые неизменно заявляют о своей готовности решить все наболевшие проблемы избирателей. Следовательно, переход оппозиционной дискуссии в сепаратистскую плоскость означает, что государство начинает «трещать изнутри».

С особой остротой это обстоятельство стало очевидным, когда вслед за победой Барака Обамы на президентских выборах 2012 года во многих субъектах американской федерации начался массовый сбор подписей под письмами с требованием отделения этих штатов от США. «Анархия в США? Люди в 15 штатах подают петиции об отделении»², «По меньшей мере 15 штатов ходатайствуют перед правительством США об отделении от страны»³ — такими

¹ Perry R. Quotes. URL: <http://politicalhumor.about.com/od/Rick-Perry/a/Rick-Perry-Quotes.htm>

² Anarchy in the USA? Folks in 15 states file petitions to secede // msnNOW. 2012. November 13. URL: <http://now.msn.com/15-states-start-petitons-to-leave-the-usa>

³ At least 15 States Petition U.S. Government to Secede from Country // FOX2now. 2012. November 12. URL: <http://fox2now.com/2012/11/12/at-least-15-states-petition-u-s-government-to-secede-from-country>

алармистскими заголовками запестрели СМИ. Количество штатов, в которых пробудилась сепаратистская активность, довольно быстро увеличилось и к утру 13 ноября уже превысило 20¹. Спустя неделю петиции были поданы от граждан всех 50 штатов. Общее число людей, поставивших подписи, превысило 700 тыс., а в семи южных штатах было собрано необходимое число подписей для получения официального ответа от администрации президента США².

В петициях, отправленных на сайт Белого дома, содержится требование «мирно предоставить» тому или иному штату «возможность выйти из Соединенных Штатов Америки и создать свое собственное правительство и независимое государство»³.

И хотя пока речь идет лишь о сотнях тысяч, а не десятках миллионов подписей, ясно, что данное событие следует признать симптоматичным. То, что тема анархии и сепаратизма вышла на авансцену американской политики, разумеется, неслучайно и вряд ли может быть объяснено лишь несогласием с бюджетно-налоговыми планами Белого дома, о чем уже успели написать СМИ⁴. Дело в том, что недовольство такого рода случалось в США и раньше, и не раз. Однако тема массовой сецессии как ответа на непопулярную финансовую политику Вашингтона стала актуальной впервые.

Таким образом, острейший моральный кризис «государства № 1», ярко проявившийся в связи с возникновением феномена *Oscure Movement*, имеет тенденцию к развитию и выходу на новый уровень, независимо от того, чем завершится данная инициатива радикально настроенных жителей нескольких штатов.

Особую значимость данной инициативе придает тот факт, что, помимо всего прочего, она, по сути, сбрасывает с корабля современности не только идею единого американского государства, но и двухпартийную политическую модель, являющуюся «двухцилиндровым мотором» всей американской политики. Среди «штатов-подписантов» — те, кто традиционно считается оплотом как демократов (Нью-Йорк), так и республиканцев (Техас). И это неудивительно — коль скоро ни одна из «системных» американских партий не пытается осмыслить идею радикальной децентрализации американского государственного устройства, ее сторонники утверждают свою *Agenda* явочным порядком, поперек всех традиционных партийных клише и матриц. Атакуя американское

¹ We The People. URL: <https://petitions.whitehouse.gov/petitions>

² См.: All 50 States have Petitions to Peacefully Secede. URL: <http://www.examiner.com/article/all-50-states-have-petitions-to-peacefully-secede>; Бенедиктов К. Блеск и нищета американского сепаратизма. URL: <http://www.terra-america.ru/blesk-i-nisheta-amerikanskogo-separatizma.aspx#UKuHVi5VvO8.facebook>

³ At least 15 States Petition U.S.

⁴ См.: Архипов М. Почему 15 штатов хотят выйти из состава США // Вечерняя Москва. 2012. 12 нояб. URL: <http://vmdaily.ru/news/pochemu-15-shtatov-hotyat-vijti-iz-sostava-ssha1352719006.html>

государство «справа», недовольные президентом Обамой сепаратисты, при всем своем идеологическом отличии от левых радикалов из Occupy Movement, по сути, развивают вместе с ними общую анархистскую линию в новейшей американской политике. Таким образом, возможно, сегодня мы являемся свидетелями начала обретения протестным движением в США единой анархо-регионалистской основы.

Северный сосед США — Канада, судя по всему, также в ближайшем будущем вновь вступит в зону повышенной конституционной турбулентности. О своих сепаратистских планах в последнее время здесь опять заговорили граждане франкофонного штата Квебек.

С нескрываемой заинтересованностью они наблюдают за сепаратистской активностью шотландцев. Дважды — в 1980 и 1995 годах — в Квебеке уже проходил референдум о независимости. В последний раз сепаратистам не хватило для победы менее 1% голосов. Так что если Шотландия в 2014 году отделится от Англии, то, вполне возможно, сработает принцип домино и вслед за Великобританией с политической карты мира исчезнет еще один член G8 — Канада...

Итак, можно сделать как минимум два промежуточных вывода.

Во-первых, вопреки распространенным «государственническим» стереотипам регионализм (включая сепаратизм как крайнюю, или высшую, его форму) не только не препятствует развитию глобальных интеграционных процессов, но является их актором и производной одновременно.

Во-вторых, региональная политика — в силу своей горизонтальной природы — способна сделать процесс глобализации более интерактивным, поставив его под эффективный контроль со стороны граждан. Региональный дом гораздо ближе к земле, чем национально-государственный билдинг. Чем более политически независим регион, тем крупнее политический масштаб каждого гражданина, тем слышнее его голос. И, следовательно, тем больше у современного общества шансов выйти из тупика прогрессирующей гражданской атомизации, в который оно стало загонять себя к началу второй декады XXI столетия.

6. НИТЬ АРИАДНЫ ДЛЯ СТРАН ТРЕТЬЕГО МИРА

Разговор о регионализме как нити Ариадны, способной вывести человечество в XXI столетии из мрачного национально-государственного лабиринта, становится еще более острым и актуальным, если перевести умственный взор со стран золотого миллиарда на менее благополучную часть человечества.

Здесь кризис национальной государственности по большей части выглядит не как мирная тяжба между столичными и региональными политическими элитами, но как бесконечная, беспросветная и безжалостная война на износ между центральными правительствами и разного рода «экстремистами», «сепаратистами» и «террористами».

Современная карта мира плотно усеяна кровоточащими язвами межэтнических и территориальных конфликтов, в основе которых всегда одно и то же — нежелание одних сообществ жить в пределах единой и неделимой «национальной государственности» вместе с другими — как правило, более многочисленными — сообществами. И таких квадратур круга, не разрешимых в рамках современной национально-государственной парадигмы, многие десятки, если не сотни.

Правда, внимание СМИ в массе приковано лишь к тем горячим точкам, в которых пересекаются интересы крупнейших игроков мировой сцены. Однако это не должно сбивать с толку. Мировые державы здесь не столько полноценные акторы, сколько политические паразиты. Реальной силой, которая ведет яростную и бескомпромиссную войну за глобальный передел мира, являются сегодня не великие державы и даже не транснациональные корпорации, грызущиеся за «сферы» и «ресурсы». Этой силой являются этноконфессиональные меньшинства, повсеместно сражающиеся за свою независимость. Их война является самой кровопролитной, продолжительной и, что самое важное, практически неостановимой в рамках той модели мирового устройства, которая основана на концепции суверенитета так называемых национальных государств.

«Так называемых» — поскольку в реальности многие из них представляют собой мини-империи. Так же как и в «настоящих» больших империях, в малых империях, именуемых «национальными государствами», одни этноконфессиональные общности перманентно угнетают и подавляют других. В итоге там

постоянно льется кровь и оттуда исходит бесконечный поток беженцев, для которых жизнь на родине давно превратилась в существование внутри чаши действующего вулкана...

За последние 25 лет в одной только Африке в ходе столкновений между различными народами и племенами погибли многие миллионы людей. Причина — неспособность различных этнических сообществ мирно сосуществовать в пределах искусственно нарезанных европейскими колонизаторами модулей «национальных государств». 44% границ между африканскими государствами проведены по меридианам и параллелям, еще 30% — по прямым и дугообразным линиям. Одним словом, эти разрезы сделаны по живому — притом без всякого согласия с его стороны. И это живое с тех пор непрерывно кровоточит...

Только на протяжении 1980-х годов и только в Эфиопии, Мозамбике, Анголе, Уганде, Сомали и Судане погибли более 4 млн человек. В 2000-е годы война в Судане унесла еще более 500 тыс. жизней. В конце концов мировое сообщество убедило руководство Судана согласиться с проведением в Южном Судане референдума о независимости и созданием по его итогам нового независимого государства...

Война, идущая с конца 1990-х годов в Демократической Республике Конго — самой крупной и полиэтничной африканской «империи» (также официально считающейся демократическим национальным государством), — уже привела к гибели более 6 млн человек, и конца этническим чисткам, массовым изнасилованиям и регулярному каннибализму в этой стране не видно.

Руандийская резня 1994 года между тутси и хуту (к слову, лишь слегка скользнувшая в тот момент по пространству мировых СМИ) закончилась гибелью от полутора до двух миллионов человек.

Противоречия между регионами Киренаикой и Триполитанией стали одной из решающих предпосылок недавнего краха режима Каддафи.

В последнее время проблема вооруженного сепаратизма вновь активизировалась в Нигерии и Чаде...

Кровь постоянно льется, конечно, не только в Африке. В Азии борьба за региональную независимость идет и в державах-гигантах — Китае, Индии и Индонезии, и в государствах среднего размера, например в Пакистане, Малайзии, Таиланде, и в совсем небольших странах. Так, в маленькой Шри-Ланке, где за создание своего независимого государства воюют тамильские сепаратисты, начиная с 1983 года погибло, по разным оценкам, до 300 тыс. человек.

Этот адский перечень бесконечен...

При этом вооруженные сепаратистские конфликты страшны и опасны не только потому, что непрерывно несут смерть и страдания миллионам людей. Другой стороной кровавой медали является то, что именно эти необъявленные войны являются одной из главных причин международной напряженности и нестабильности. Именно вооруженная борьба территориальных меньшинств за государственную самостоятельность порождает медиахимеру

«международного терроризма». А ведь эта химера в конечном счете тащит США и другие страны Запада в болото полицейских злоупотреблений и заморских военных авантюр.

То, что речь в данном случае идет именно о PR-химере и никакого «международного терроризма» на самом деле нет, легко понять, если просто взглянуть в лицо фактам. В этом случае довольно быстро выясняется, что никакой фатальной схватки «Севера и Юга», «исламизма и христианства», «варварства и цивилизации», etc. — нет. А есть лишь бесконечная цепь неурегулированных локальных сепаратистских коллизий.

Достаточно напомнить, что в основе мирового «конфликта № 1» — израильско-палестинского противостояния — все тот же сепаратизм. А именно стремление арабов Палестины к государственной независимости от Израиля. И есть все основания предполагать, что если международные акторы наконец поступят в соответствии с давним призывом Джона Леннона: «Give piece the chance!» — и действительно дадут миру шанс, то есть добьются провозглашения независимой Палестины, напряжение в отношениях между тандемом Израиль — США и мусульманским миром постепенно пойдет на спад...

Одним словом, казалось бы, человечество вплотную подошло к тому, чтобы, во-первых, отобрать почетный титул «священной и неприкосновенной коровы современности» у национальных государств — этих, по выражению Шарля де Голля, «эгоистических монстров», к тому же самозванных, и, во-вторых, передать этот титул территориальным сообществам, стремящимся к самостоятельности.

Движение в этом направлении, к слову, наблюдается уже давно, притом на самых высоких дипломатических этажах и в работах авторитетных экспертов.

В начале 1990-х, например, генсек ООН Хавьер Перес де Куэльяр заявил о том, что «возможно, произошел необратимый поворот в отношении общества к тому, что защита угнетенных во имя морали должна превалировать над границами и легальными документами»¹.

Майкл Мандельбаум, директор Программы американской внешней политики Университета Джона Хопкинса, экс-советник президента США Билла Клинтона, также неоднократно отмечал, что священность существующих суверенных границ уже не принимается мировым сообществом полностью и что налицо процесс «устаревания государственного суверенитета как такового»².

---

¹ Цит. по: Rieff D. Op. cit.

² Цит. по: The Collapse of Yugoslavia: Histories of Making War and Peace / Raju G. C. Thomas, ed. // Yugoslavia Unraveled: Sovereignty, Self-Determination, Intervention. Lanham and Oxford : Lexington Books, 2003. Reviewed by Joe Mocnik (Department of History, Bowling Green State University). Published on H-Diplo (July, 2004). URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=9605>

Более того. Даже наблюдатели, не сочувствующие перспективе исчезновения современных государств, признают не только неизбежность, но и глубинную справедливость их грядущего распада.

Так, председатель Национального совета по разведке ЦРУ США Грэм Фуллер в статье «Перекраивая мировые границы» еще в 1997 году предсказал, что в течение XXI века произойдет утроение числа государств — членов ООН: «Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации — с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения, — чем мультиэтническое государство, тем не менее его приход и утверждение неизбежны»; «Современный мировой порядок существующих государственных границ, проведенных с минимальным учетом этнических и культурных пожеланий живущего в пределах этих границ населения, ныне в своей основе устарел. Растущие силы национализма и культурного возрождения уже готовы заявить о себе. Государства, не способные управлять своими этническими меньшинствами так, чтобы удовлетворить их прошлые обиды и будущие ожидания более достойного самоопределения, обречены распасться на части. Не современное государство-нация, а определяющая себя сама этническая группа станет основным строительным материалом грядущего международного порядка...»¹.

Если чуть скорректировать последнюю фразу и пояснить, что, помимо чисто этнических, возможны и другие основания для гражданско-территориальной консолидации (об этом уже говорилось выше), то следует признать, что в текущем столетии регионально самоопределившиеся сообщества должны стать главными международными акторами.

Но пока что все эти признания и предсказания — несмотря на всю их решительность и убедительность — продолжают «висеть в воздухе» и никак не влияют на Real Politik, которая как будто не слышит этих тревожных пророчеств и не пытается использовать их как теоретическую основу для конкретных практических шагов.

Сегодня официального международного признания своей независимости, провозглашенной в одностороннем порядке, сумели добиться лишь сепаратисты Косово. Притом случай этот официально признан строжайшим исключением. Хотя остается совершенно неясно: почему то, что оказалось законным в случае с косоварами, остается незаконным применительно к чеченцам, курдам, тамилам, баскам, сепаратистам Сомали, Тибета, Биафры, Дарфура, Пенджаба, Джамму и Кашмира, Ириана, Ачеха, разных провинций Конго, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, etc., etc.?

¹ Fuller G. E. Redrawing the World's Borders // World Policy Journal. Spring, 1997. Vol. 14, N 1. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/40209513?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=56279706433>

Помимо этого есть еще несколько примеров, когда под серьезным давлением со стороны международного сообщества национальные государства согласились на легальную сецессию мятежных регионов. Так возникли государства регионального типа — Эритрея, Восточный Тимор, Южный Судан.

Но все эти случаи (а также некоторые другие, например с Ираком и Ливией) так и не стали прецедентами, которые бы поставили под сомнение сам принцип национально-государственного суверенитета. Исключения из правила оказались возможными только потому, что по разным причинам были выгодны главным международным акторам. Во всех остальных случаях те же самые акторы по-прежнему ведут себя в полном соответствии с догматом об абсолютном суверенитете и территориальной целостности существующих государств.

На месте застыла не только Real Politik, но и политическая мысль. За время, которое прошло с того момента, как рухнул СССР и тема несправедливости и зыбкости существующих государственных границ стала активно обсуждаться, в мире так и не появилось ничего похожего на универсальный политический проект, целью которого стал бы легальный демонтаж национальных государств и переход к новой — региональной — политической самоорганизации территорий. Нить Ариадны повисла...

7. ЧТО МЕШАЕТ РОДИТЬСЯ НОВОЙ ИДЕЕЙ?

На первый взгляд, нерешительность мирового сообщества в вопросе о легализации сепаратизма и сецессии более чем объяснима. Если дать всем народам и территориям право на свободное отделение и независимость, где гарантия, что завтра не начнется война всех против всех? Представить, что несколько сотен (или тысяч?) сообществ одновременно вступят в ветхозаветную схватку «за землю и воду», можно только в самом страшном сне.

Именно этот аргумент в первую очередь и приводят идеологические агенты истеблишмента, утверждая, что принцип территориальной целостности стоит выше права народов на самоопределение.

«Правительства полагают, что, если поставить под сомнение ту или иную конкретную границу, мир рискует поставить под сомнение все границы, а это может спровоцировать международный хаос», — поясняет Майкл Мандельбаум. И потому: «Чаяния тибетцев, мусульман Западного Китая и чеченцев вызвали сочувствие, но не официальную поддержку со стороны остальной части мира. <...> Суверенные государства предпочитают уважать существующие границы как легитимные и постоянные — безотносительно к тому, насколько произвольно они проведены»¹.

О необходимости во что бы то ни стало предотвратить неконтролируемую глобальную сецессию говорил в начале 1990-х годов госсекретарь США Уоррен Кристофер, обращаясь к членам Комитета по внешним сношениям Сената США: «Если мы не найдем способа заставить различные этнические группы жить в одной стране... то вместо нынешних сотни с лишним государств мы будем иметь 5000 стран»².

Международное сообщество и сегодня продолжает отрицать право народов и территорий на одностороннюю сецессию. 4 октября 2011 года на заседании ПАСЕ в Страсбурге была принята резолюция № 1832, согласно которой «право этнических меньшинств на самоопределение... не предусматривает автоматического права на отделение [и] в первую очередь должно быть реализовано методом защиты прав меньшинств...». Таким образом, «случай

¹ Mandelbaum M. Is Major War Obsolete? // Survival. Winter 1998/99. Vol. 40, N 4. P. 20–38. URL: <http://www.pols.boun.edu.tr/uploads%5Cfiles%5C1099.pdf>

² Цит. по: Ethic Confrontation — Security Implications of Policies Towards Ethnic Minorities. By Stephan Maninger. Parliamentary Researcher // African Security Review. Vol. 6, N 4. URL: <http://www.iss.co.za/pubs/asr/6no4/Maninger.html>

Косово» не стал прецедентным, и это было запрототолировано, так сказать, де-юре. Официальная Европа дала ясно понять, что не намерена использовать косовский опыт для решения таких застарелых своих проблем, как признание Турецкой Республики Северного Кипра, предоставление права на референдум о независимости Стране Басков, урегулирование в Северной Ирландии, политическое самоопределение венгров Румынии и Словакии и т.д.

Перед нами, похоже, замкнутый круг. С одной стороны, как дружно полагают аналитики, демонтаж ныне существующих национальных государств и появление на карте мира множества новых политически независимых сообществ — это лишь вопрос времени. С другой стороны, эта перспектива выглядит опасной, и ни одна из политических сил — ни истеблишмент, ни даже внесистемная оппозиция — не берет на себя ответственность за то, чтобы, во-первых, осуществить легализацию сецессионистской стихии и, во-вторых, перевести регионал-сепаратистский дискурс из чисто политологической в политическую плоскость.

Таким образом, на мир в XXI веке надвигаются события, осуществлять эффективный менеджмент которых общественность пока что морально не готова. И даже не готова начать обсуждение этой «опасной темы», предпочитая просто от нее отмахиваться, как от противного насекомого.

Отмахнуться, однако, все равно не удастся. Это доказывают не только яркие примеры Косово, Ирака, Ливии, а также других «гуманитарных исключений» из правила о национально-государственном суверенитете. Это подтверждает и та реальность, с которой сталкиваются даже самые успешные современные государства. Еще в 1997 году Хуан Энрикес в статье «Слишком много флагов?» отметил, что границы даже таких благополучных стран, как США и Канада, в реальности нестабильны, что особенно актуально в условиях развивающейся глобализации. Например, морская граница между США и Мексикой последний раз была изменена совсем недавно — в 1997 году, Канада же перманентно стоит на грани распада. «Несмотря на эти флуктуации, — пишет Энрикес, — большая часть лидеров по всей Америке редко признает возможность исчезновения нынешних границ. Но эта ментальная установка — “Такое не может случиться здесь!” — основана на ложной предпосылке. Вопреки популярному ощущению волна сецессионизма, которая захлестывает сегодня весь мир, является не только продуктом древних националистических импульсов и катастрофических социальных волнений. Она подвижна, в частности, глобализацией, которая не оставляет нетронутой ни одну страну мира»¹.

---

¹ Enriquez J. Too Many Flags? (Analysis of Nation State) // Foreign Policy. September, 1999. URL: <http://www.highbeam.com/doc/1G1-56750478.html>

Рис. 3. Карта мира с изображением государств, которые могут образоваться в XXI веке

Рис. 4. Очаги сепаратизма в Европе в начале XXI века (отмечены цифрами)

Иррациональный страх, который международное сообщество испытывает перед «хаосом» свободного самоопределения национально-территориальных меньшинств, впрочем, не так сложно преодолеть. Для этого надо просто подвергнуть его исторически рациональному, а не ситуативно-эмоциональному осмыслению.

Вспомним, какую панику последовательно вызывали у истеблишмента разных стран на протяжении XVIII–XX веков бурно развивавшиеся идеологии — либерализм, антиклерикализм, демократия, социализм, национализм, коммунизм... А ведь перспективы всемирного «восстания масс», которое вызывали к жизни эти радикальные доктрины, в самом деле были пугающе туманны. И страх перед ними был отчасти оправдан — произошедшее под влиянием этих идеологий глобальное пробуждение человечества в самом деле породило целую серию общемировых катаклизмов.

И тем не менее человечество — при всех очевидных издержках и вынужденных жертвах — не погрузилось в пучину хаоса и сумело не только успешно переварить все эти идеологии, но даже продвинуться при их помощи вперед по пути прогресса. Достичь этого удалось за счет перевода радикальных и революционных дискурсов в умеренную, договорно-правовую — либерально-демократическую — плоскость.

Но если в конце концов удалось либерализовать даже марксизм, поначалу делавший принципиальную ставку на радикальное социальное насилие, что мешает предложить столь же общественно приемлемый вариант сепаратизма, для которого вооруженное сопротивление является крайней и совершенно не обязательной формой? В социальном плане эта идеология изначально нейтральна и не программирует разные общественные группы и слои на заведомый конфликт.

Что мешает продумать такую теоретическую модель, которая бы гарантировала ныне существующим территориальным меньшинствам, во-первых, реализацию их права на независимость, а во-вторых, сугубо мирный и правовой характер этой реализации, обеспечивающий соблюдение прав человека и учет интересов новых меньшинств, образующихся в результате сецессии?

Когда-то многим казалось, что жестокая классовая борьба будет продолжаться до тех пор, пока в мире есть частный капитал, что капиталисты всегда будут держать пролетариат в нищете и несправии, а тот, в свою очередь, будет всегда стремиться к уничтожению «буржуазии как класса». Сейчас об этой агрессивной фазе развития общественного самосознания если и вспоминают, то с мудрой историософской улыбкой.

Но почему тогда разговор о сецессии и региональном самоопределении всякий раз, не успев толком начаться, немедленно скатывается к мрачному предчувствию войны всех против всех? Неужели соседние народы и территории имеют меньше шансов при желании прийти к мирному консенсусу, нежели «соседние» социальные классы?

Ясно ведь, что хаосом и войной всех против всех сецессионизм грозит лишь в случае, если он агрессивен и экспансивен. Иными словами, если борьба за независимость «плавно перетекает» в этнические чистки и войну за присоединение чужих территорий. То есть за создание нового «великого национально-го государства» — по возможности «от моря до моря», — в котором усмирены все путающиеся под ногами меньшинства и подавлено всякое инакомыслие.

Но такая этнократическая геополитика не только не имеет ничего общего с фундаментальной региональной идеей, но и прямо ей противоречит, ибо первым делом растворяет регионы в очередном «национальном государстве». Таким образом, вместо прорыва в новую политическую парадигму происходит простой возврат к старой, морально исчерпавшей себя модели, рассуждать о которой всерьез вряд ли стоит — именно в силу ее исторической исчерпанности.

В отличие от традиционного национализма — государственнического или этнического — регионализм территориально не экспансивен. Регион имеет четкие исторически сложившиеся очертания, «расширение» которых так же немислимо, как расширение человека за пределы его собственного тела. Поэтому разговор о создании перспективной идеологии регионализма возможен лишь при условии принципиального отграничения региональной идеи от любых великодержавных и этнократических вариаций «национально-освободительной» темы, неизбежно вступающих в противоречие с принципами свободы и демократии.

Таким образом, по сравнению с национальным региональное государство — «региональный дом» — является следующим шагом на пути развития либеральной демократии. Подобно жилищному кооперативу, «государство-регион» оказывается политическим организмом, который легко корректируется «снизу», в котором голос каждого «жильца» (в том числе каждой этнической группы) слышен и где у всех членов сообщества есть понятный и близкий им общий интерес — процветание и благополучие их общего жилища.

То, что «регионально-домашний» подход отнюдь не является чисто умозрительным или заведомо утопичным, доказывает уже существующая международная практика. Один из наиболее удачных, по-своему образцовых примеров «нации-региона» в современном мире — Финляндия.

Интересы шведского меньшинства (6% от общего числа населения) защищены здесь столь прочно, что его представители с гордостью называют себя финляндцами и не чувствуют себя при этом «младшими братьями» ни своих сограждан-финнов, ни соседних «шведских» шведов. Во время международных спортивных состязаний финские шведы в массе болеют за команду Финляндии, а не Швеции, тем самым лишний раз наглядно подтверждая тот факт, что гражданская идентичность в современном мире приоритетнее этнической. Финляндский пример, как представляется, очень ярко демонстрирует, что у регионализма есть концептуальные основания и необходимый инстру-

ментарий для того, чтобы удержаться от скатывания в пропасть этнократических экспериментов и силовых авантюр, в том числе направленных против этноконфессиональных меньшинств.

Регионалистский подход, утверждающий право территориальных сообществ на независимость, в перспективе способен остановить межэтнические войны в странах третьего мира и создать в них предпосылки для устойчивого развития, выведя эти страны из порочной спирали внутренних смут, полицейского произвола, коррупции и нищеты. Помощь таким странам помимо чисто гуманитарного приобретет в этом случае и экономический смысл. Логично предположить, что в итоге сократится поток беженцев, сегодня миллионами устремляющихся с «проклятого Юга» на «благословенный Север».

Регионалистский подход, возведенный в ранг международного концепта, может принести ощутимую пользу не только стремящимся к свободе меньшинствам, но и вообще всем людям, в том числе жителям зоны золотого миллиарда. Дело в том, что модель регионального суверенитета позволит жильцам «региональных домов» корректировать негативные последствия глобализации более адресно и эффективно, чем это пытаются сегодня делать большие национальные правительства, оторвавшиеся от граждан и витающие в транснациональных высотах корпоративной стратосферы.

Итак, налицо несколько политических реалий, которые никак сегодня между собой идейно-политически не увязаны, но которые сама жизнь все более настоятельно толкает навстречу друг другу.

Во-первых, созрело поколение новых бунтарей и мир вплотную подошел к фазе глобального идейно-политического обновления.

Во-вторых, идейной основой, объединяющей современной протест, является анархизм, суть которого состоит в резкой критике института национального государства, оторванного от граждан и сообществ и являющегося инструментом реализации в первую очередь интересов мегабюрократии и корпораций.

В-третьих, современные национальные государства не справляются с вызовами глобализации и приносят интересы общества в угоду интересам корпораций.

В-четвертых, неустранимые сепаратистские коллизии, существующие внутри многих современных национальных государств, являются одним из главных источников международной нестабильности и форсированной миграции беженцев с «Юга» на «Север».

В-пятых, назрел и в текущем столетии должен произойти пересмотр существующих — архаичных, несправедливых и конфликтогенных — границ национальных государств, на месте которых образуются новые самоуправляющиеся национальные сообщества регионального типа.

Казалось бы, перед нами все ингредиенты нового революционного блюда под названием «Глобальный сепаратизм». Или, если угодно чуть помягче,

«Региональный суверенитет против суверенитета национальных государств». Или «Локальные сообщества против глобальных корпораций». Все это, в сущности, об одном и том же...

И тем не менее это блюдо до сих пор не только никем не приготовлено, но даже не предложено мировому сообществу хотя бы для дегустации. Вместо идеологии, делающей фундаментальный акцент на региональных правах и интересах и наполняющей жаром позитивной энергии воздушный шар новой революции, в этом вялом, полуспусценном монгольфьере по-прежнему царит холодный идеологический вакуум, частично заполняемый давно отработанными и остывшими газами полувековой давности.

То, что к становлению фундаментальной анархо-регионалистской идеи не стремится истеблишмент, понятно и объяснимо: срабатывает базовый инстинкт самосохранения, который присущ всем современным государствам без исключения. Ведь легализация сепаратизма, то есть односторонней сецессии, означает формальное преодоление парадигмы национально-государственного суверенитета, что открывает дорогу к демонтажу любого из ныне существующих государств. А это создает потенциальную угрозу не только ригидным авторитарным режимам третьего мира, но и политически гибким демократическим государствам золотого миллиарда. Власть всегда стоит на страже системного status quo — в этом ее базовая функция.

Но вот почему несистемные протестные силы также отказываются от попытки обрести собственную позитивную Agenda? Почему продолжают покорно идти в идейном фарватере истеблишмента, ограничиваясь его эмоциональной критикой и выклянчиванием у него мелких финансовых подачек, вроде налога Робин Гуда и прочей мелочи?

Одна из причин, наверное, кроется в том, что регионал-сецессионизму — именно в силу его глубокой индивидуальности в каждом конкретном случае — крайне трудно объединиться в международном масштабе. В самом деле, как можно сравнивать проблематику жителей индонезийской провинции Ачех с коллизией в отношениях между кабардинцами и балкарцами на Северном Кавказе или, допустим, между Данией и Фарерскими островами?

Однако эта причина все же не может быть признана решающей. Возникла же в 70-е годы XX века универсальная идеология «зеленых», которая породила «зеленую» политику и всемирное движение за экологию. А ведь, казалось бы, что общего между вопросом сохранения редкой фауны в Центральной Африке и проблемой загрязнения реки Амур китайскими предприятиями? Почти ничего. И тем не менее «зеленая» идеология существует и успешно развивается как теоретическая доктрина и гражданско-политическая практика.

Таким образом, причина, по которой, несмотря на все политологические пророчества, региональный сепаратизм так до сих пор и не превратился в глобальный идейно-политический проект, в другом. А именно в том, в чем заключается и причина, по которой в современном политическом простран-

стве отсутствует не только глобально-сепаратистский, но и вообще какой бы то ни было свежий идейный проект.

Об этой причине уже говорилось выше. Если определить ее одним словом, то это постмодерн. Страх перед новыми идеологиями, который в конце XX века парализовал общественную мысль на несколько десятилетий, а также нашествие гламурного консьюмеризма — все это оставило мировую общественность концептуально безоружной перед новыми вызовами.

Никакой конструктивной работы помимо навязчиво невротической критики мира консьюмеристских симулякров в течение этого времени не осуществлялось. В итоге к началу второй декады XXI века в обществе, подошедшем к очередному революционному порогу, не только не оказалось никакого оригинального идейного проекта, но и в значительной мере утратилась вера в то, что такой проект целесообразен и вообще возможен.

Впрочем, причины, по которым мировой дух как будто капитулировал перед мировой материей и впал в постмодернистскую меланхолию, в данном случае не так уж и важны. Гораздо важнее то, что независимо от этого новая Agenda — стихийно или осознанно — будет проявляться все более отчетливо. «Антигосударственные» прогнозы политологов, а также те глобальные процессы, которые вызвали к жизни эти прогнозы, по-прежнему в силе. Это значит, что перманентная сецессия продолжит развиваться в XXI веке повсеместно.

Империализм национальных государств versus регионализм — вот главная коллизия XXI века. Империализм еще физически силен, но уже морально надломлен. Регионализм потенциально неодолим, но пока раздроблен и, главное, лишен самосознания. Однако есть все основания полагать, что в XXI веке глобальный сепаратизм получит наконец свое идеологическое оформление, перейдя из фазы стихийного саморазвертывания в фазу формирования универсального политического проекта.

Вопрос потому лишь в том, когда конкретно это произойдет — в ближайшие годы или позже. Не исключено, что нынешняя мировая революционная беременность, яркими симптомами которой стали «арабская весна» и Occupy Movement, в итоге кончится «абортом», ничего нового в глобальном масштабе так и не породив. В этом случае Система сохранит свои основные параметры, а протест так и не обнаружит истинного лица, которое останется скрытым под карнавальной маской Гая Фокса. Через несколько лет молодые бунтари неизбежно повзрослеют, примутся делать карьеру, обзаведутся семьями, общественный климат постепенно станет более умеренным — и наступит очередная полоса более чем двадцатилетней глобальной консьюмеристской стабильности.

Но если политика не поспевает за историей, истории ничего не остается, как совершаться помимо политики. А это значит, что, когда спустя еще 20 с лишним лет наступит время очередного «молодежного цикла», революционным поко-

лениям будущего останется лишь запоздало подвести идейную черту под тем, что за эти годы свершится само собой.

Остановить колеса истории не смогут ни материальное торжество Wall Street, ни идейное бессилие Occupy Movement. Гражданская свобода, которой остается все меньше места в амбициозном национально-государственном билдинге, пропитанном духом корпоративного отчуждения и «высокого бюрократизма», в XXI веке обретет новые, более близкие к людям, региональные стены.

Утверждение локального достоинства — local dignity — исторически самодовлеющих региональных домов, как можно предположить, станет в этом случае эффективным противовесом эгоизму самодовлеющего истеблишмента и транснационального капитала.

Институционально оформленная межрегиональная солидарность в конце концов превратит локальную слабость в глобальную силу. И тогда из региональных государств, как из кирпичей, сложится новое международное здание, способное жить в условиях большей политической гармонии и финансово-экономической стабильности.

8. СЕЦЕССИОНИЗМ КАК НОВАЯ РУССКАЯ ИДЕЯ?

Вполне возможно, что страной, откуда миру в XXI столетии будет послан решающий сепаратистский импульс, окажется Россия. Если так, то она в третий раз за 100 лет имеет шанс оказаться точкой бифуркации, меняющей траекторию развития всей международной системы.

ЧТО ВАЖНЕЕ — РОДИНА ИЛИ СВОБОДА?

В пользу предположения о неизбежности распада Российской Федерации свидетельствует прежде всего тот факт, что в историческом плане она продолжает традицию имперской государственности, основы которой были заложены более 500 лет назад. А это значит, что помимо внешнеполитических обременений, доставшихся РФ «по наследству» от СССР¹ и Российской империи², Российская Федерация вместе со статусом «государства-продолжателя»³ унаследовала и те внутренние противоречия, которые на протяжении XX века уже дважды — в 1917 и 1991 годах — приводили к распаду российского государства.

Самым тяжким среди этих «родовых недугов» является «генетическая» неспособность российского государства к полноценной (то есть не только социально-экономической, но и социально-политической) модернизации. Ибо в случае вступления России на этот путь автоматически запускается механизм нагнетания неразрешимого внутривнутриполитического конфликта, обрекающего государство на неизбежный взрыв и разрушение.

¹ «Российская Федерация продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров, заключенных Союзом Советских Социалистических Республик» (Письмо МИД России от 13 января 1992 года № 11/Угн). URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

² «...С международно-правовой точки зрения Российскую Федерацию можно рассматривать преемником Российской Империи только в пределах тех прав и обязательств, которые были признаны в свое время СССР и затем перешли к ней в порядке правопреемства после 1991 года, а также в пределах тех обязательств Российской Империи, которые Россия согласилась принять на себя в добровольном порядке» (Нигматуллина З.Б., заместитель начальника Правового управления Совета Федерации РФ — начальник отдела. Комментарии Правового управления Аппарата Совета Федерации Российской Федерации на справку МВД России). URL: <http://www.savelev.ru/journal/case/attachment/?caseid=49&id=17>

³ См.: Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: <http://constitution.garant.ru/act/base/10103790>

Весь ход российской истории последних двух столетий выявляет неизменно срабатывающую закономерность. Любые попытки правительства осуществить либерально-конституционное реформирование страны (в эпохи Александра I, Александра II, Николая II, Михаила Горбачева, Бориса Ельцина) неизменно оборачивались возникновением и нарастанием взрывоопасных внутренних конфликтов сразу по двум силовым линиям: власть — общество и центр — окраины. И наоборот, подморожение внутривластных конфликтов и стабилизация всякий раз оказывались следствием подавления общественных свобод, что, в свою очередь, ставило крест на перспективах успешной гражданско-политической модернизации страны.

Неспособность российского государства осуществить комплексную модернизацию неизменно оборачивалась нарастающей отсталостью в экономической и военно-технической сферах. Что, как нетрудно понять, рано или поздно подрывало основу геополитических амбиций российской державы, являющихся ее идеологическим фундаментом.

Налицо, таким образом, своего рода квадратура порочного круга. Интересы конкурентоспособного развития России требуют, особенно в XX–XXI столетиях, ее полноценной, в том числе гражданско-политической, модернизации. Однако проведение социально-модернизационных реформ неизменно ведет к нарастанию неразрешимых внутренних противоречий, за которым следуют глобальный политический взрыв и распад российского государства¹.

Причины такого, в общем, пессимистического положения дел лежат на поверхности. А точнее — на поверхности бескрайнего евразийского пространства, «придавленного» вертикально интегрированной пирамидой архаичной имперской государственности.

Московская держава (включая ее «петербургский зигзаг») изначально была соединена и на протяжении веков скреплялась исключительно железом и кровью. В 1917–1921 годах рухнувшую империю воссоздали большевики, которые в течение семи десятилетий удерживали ее в состоянии тоталитарной заморозки. После окончательного оформления Российской Федерации как «единого и неделимого» авторитарного государства, то есть начиная с 1993–1994 годов, силовая компонента также стала одним из важнейших инструментов сохранения относительной внутривластной стабильности державы.

В фатальной тяге России на протяжении всех веков ее истории к перманентному подавлению политических свобод ничего мистически необъяснимого

¹ Характерно, что ключевое макроэкономическое преобразование, позволившее сделать радикальный шаг на пути перехода к современной рыночной модели экономики — ценовая реформа 1992 года, — явилось прямым следствием только что состоявшегося развала СССР. Затем процесс политической дезинтеграции империи был остановлен, и вместе с этим стали тормозиться и искажаться все либерально-демократические преобразования.

нет: политическая свобода разъедает жесткие авторитарные системы (особенно империи), подобно кислоте, и единственный способ остановить этот процесс — подморозить страну, то есть отказаться от ее демократизации, а значит, и от ее полноценной модернизации.

Однако модернизация необходима и...

...И потому перед очередным поколением россиян, вступающим в очередную эпоху реформаторских пертурбаций, встает все та же дилемма: что выбрать — Родину или Свободу? А точнее, какую Родину выбрать — единую, неделимую и несвободную — или же свободную, но уменьшившуюся территориально?

Мысль о том, что именно огромная территория, а также этноконфессиональная и региональная разношерстность обрекают Россию на гражданско-политическую скованность и вечное отставание от ведущих мировых держав, активно обсуждалась еще в начале XX века. При этом авторы, придерживавшиеся зачастую различных идеологических установок, в данном случае парадоксальным образом рассуждали практически в унисон.

«Основное несчастье России в том, что она растянута в пространстве до последнего предела натяжения, до разрыва, — писал русский националист Михаил Меньшиков. — Силы великого племени, приложенные к столь неизмеримой площади, в каждой точке сводятся почти к нулю. <...> Из необъятного протяжения России вытекает не только общая бедность, но и пестрота страны, отсутствие физического единства, физической целостности. Отсюда же наша национальная слабость и пестрота, отсутствие морального единства. Самая превосходная политика не даст нам мощи тех наций, что выработались на небольшой территории. <...> Россия одна из тех незадачливых народностей, которые слишком широко разбросались — чисто пространственно — и утратили в немалой степени цельность своих частей. <...> В необъятном государстве, каково наше, слабые провинции живут на счет сильных. Бездеятельные области паразитничают на хребте трудолюбивых. <...> Разве Финляндия даровитее Вятской или Вологодской губернии? Конечно, нет. Весь секрет в том, что Финляндия живет для Финляндии, тогда как всякий “Русский Манчестер” обложен соседним Пошехоньем и связан с ним круговой порукой. Пошехонью это выгодно, для Манчестера — гибель»¹.

«...Необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русско-го народа, — развивал тот же, по сути, антиимперский дискурс близкий к конституционным демократам Николай Бердяев. — В психологию его вошли и

¹ Чит. по: Коцюбинский Д.А. Утопия русского консерватизма: на примере партии «Все-российский национальный союз» (1908–1917) / под ред. Ю.Н. Солонина // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. ст. Вып. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. С. 87–88. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kotsyubinsky/conserv_06.html

безграничность русского государства, и безграничность русских полей... Формы русского государства делали русского человека бесформенным. Смирение русского человека стало его самосохранением. Отказ от исторического и культурного творчества требовался русским государством, его сторожами и хранителями... Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть, как бы трансцендентную для него. <...> Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, — он расплывался в пространстве. И это было не внешней, а внутренней судьбой русского народа, ибо все внешнее есть лишь символ внутреннего... Сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это — география русской души»¹.

Из такого рода рассуждений с неизбежностью вытекал еретический, с точки зрения догмата о «единой и неделимой» (которого, напомним, придерживались в начале XX века все «системные политики», включая и русских националистов, и кадетов), вывод: о необходимости «расчленения» Великой России на более компактные и хозяйственно самодостаточные образования. Вот как писал об этом М.О. Меньшиков: «При удельной [то есть политически децентрализованной. — Д. К.] системе... мы имели бы отбор сильных областей и только сильных. Погибающие слабые местности уступали бы землю сильным соседям, и от разных Пошехоний не осталось бы и следа. В общих интересах нации это был бы чистый выигрыш. Население государства, может быть, было бы меньше количеством, но несравненно выше качеством»².

НЕОПЕРАБЕЛЬНАЯ ДЕРЖАВА

Первый громкий сигнал того, что период территориальной экспансии Российской империи подходит к своему естественному концу, впрочем, прозвучал за несколько десятилетий до того, как в России стало возможным свободно обсуждать в прессе общеполитические вопросы. Этим контрольным стоп-сигналом стала продажа Аляски Соединенным Штатам Америки, последовавшая в 1867 году.

Правда, после этого Российская империя продолжала на протяжении еще нескольких десятилетий расширяться за счет приобретений в Центральной

¹ Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой : сб. ст. (1914–1917). OCR: Наталья Корчагина. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>

² Цит. по: Коцюбинский Д.А. Утопия русского консерватизма... С. 88. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kotsyubinsky/conserv_06.html

Азии. Обсуждались также проекты российского проникновения в Китай, Корею, Новую Гвинею и Африку.

Дипломатически авантюрная и крайне затратная попытка «освоить» Северную Маньчжурию, как известно, закончилась для России гигантским финансовым кризисом, а также военной катастрофой и революцией 1905–1907 годов, ставшей, в свою очередь, прологом грядущего крушения монархии и общегосударственного распада.

Большая колониальная гонка, таким образом, лишь ускорила взрыв, вызванный непримиримым конфликтом архаично-имперских и модернизационных начал в общественной жизни России конца XIX — начала XX века.

Российская имперская матрица, воссозданная большевиками на новой идеологической основе, так же как и ее монархическая предшественница, позволила решить лишь часть модернизационных проблем, связанных в первую очередь с социальной и экономической сферами.

Так и не сумев перейти к модернизации интеллектуальной и общественно-политической сфер, советская имперская система также уперлась в тупик, что автоматически включило таймер очередного надвигающегося державного распада.

Одним из первых эту фатальную для СССР перспективу разглядел продолжатель публицистической линии «Ивана Хворостинина — Петра Чаадаева» Андрей Амальрик, распространивший через самиздат в 1969 году — когда Советский Союз, казалось бы, находился в зените своего внешнеполитического успеха и военно-экономического могущества, — эссе под названием «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?».

Отрицательно отвечая на этот вопрос, Амальрик подводил черту под историей не только СССР, но и России как исторического феномена: «...как можно опереться на страну, которая в течение веков пучится и расплзается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач?! Массовой идеологией этой страны всегда был культ собственной силы и обширности, а основной темой ее культурного меньшинства было описание своей слабости и отчужденности, яркий пример чему — русская литература. Ее [страны] славянское государство поочередно создавалось скандинавами, византийцами, татарами, немцами и евреями — и поочередно уничтожало своих создателей. Всем своим союзникам оно изменяло, как только усматривало малейшую выгоду в этом, никогда не принимая всерьез никаких соглашений и никогда не имея ни с кем ничего общего. <...> Как принятие христианства отсрочило гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи — третьего Рима, — но не в силах отвратить его».

При этом неизбежный процесс распада российского государства виделся Амальрику в весьма мрачных тонах: «По-видимому, демократическое движение, которому режим постоянными репрессиями не даст окрепнуть,

будет не в состоянии взять контроль в свои руки, во всяком случае, на столь долгий срок, чтобы решить стоящие перед страной проблемы. В таком случае неизбежная «дезимперизация» пойдет крайне болезненным путем. Власть перейдет к экстремистским группам и элементам, и страна начнет расплзаться на части в обстановке анархии, насилия и крайней национальной вражды»¹.

Пророчество Андрея Амальрика сбылось, хотя и не буквально. Демонтаж СССР оказался, во-первых, сравнительно бархатным, поскольку был спровоцирован и до известной степени осуществлен самой властью, а во-вторых, неполным, так как по итогам распада основная часть империи все же сохранилась, государственно оформившись в виде Российской Федерации. При этом на историческую преемницу Советского Союза практически сразу же «автоматически» перенесли эсхатологические прогнозы, до этого касавшиеся СССР.

Уже в середине 1992 года в Los Angeles Times был опубликован материал Робина Райта «Мировой взгляд на внешние границы. Шесть географов обсуждают мировые границы XXI века. Изменения могут быть самыми радикальными». В этой статье американские геополитики высказали прогнозы относительно будущего территорий, входящих в состав различных государств и при этом стремящихся к политической независимости. Хотя Российская Федерация находилась в тот момент еще только в стадии государственно-правового становления, целостность России уже тогда виделась заокеанским экспертам не слишком долговечной: «В России появятся новые государства на Дальнем Востоке, на Урале, в Восточной и Западной Сибири. Различные небольшие этнические анклавы, такие как Татарстан и Дагестан, получат независимость. Территории, на которых расположены Калининград, Тува, Бурятия, станут практически независимыми автономными зонами»².

В российской прессе схожие по содержанию прогнозы стали появляться чуть позже — когда начали рассеиваться надежды на успешное развитие страны по официально провозглашенному ее руководством демократическому («европейскому») пути. Так, практически сразу после силового разгона российского парламента в октябре 1993 года в петербургской газете «Смена» появи-

¹ Амальрик А.А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html>

² Wright R. World View The Outer Limits? Six geographers brainstorm the borders of the 21st Century. The changes may be among the most radical // Los Angeles Times. 1992. Aug 25. URL: [http://pqasb.pqarchiver.com/latimes/access/61613731.html?FMT=ABS&FMTS=ABS:FT&type=current&date=Aug+25%2C+1992&author=ROBIN+WRIGHT&pub=Los+Angeles+Times+\(pre-1997+Fulltext\)&edition=&startpage=1&desc=World+View+The+Outer+Limits%3F+Six+geographers+brainstorm+the+borders+of+the+21st+Century.+The+changes+may+be+among+the+most+radical+ever](http://pqasb.pqarchiver.com/latimes/access/61613731.html?FMT=ABS&FMTS=ABS:FT&type=current&date=Aug+25%2C+1992&author=ROBIN+WRIGHT&pub=Los+Angeles+Times+(pre-1997+Fulltext)&edition=&startpage=1&desc=World+View+The+Outer+Limits%3F+Six+geographers+brainstorm+the+borders+of+the+21st+Century.+The+changes+may+be+among+the+most+radical+ever)

лась статья, заканчивавшаяся следующим пассажем: «Таким образом, ни прагматического, ни идеологического основания для существования “Великой России” в относительно недалеком будущем, похоже, нет. Разумеется, процесс политической дезинтеграции страны будет продолжаться не один год и вряд ли в итоге Россия совсем исчезнет с политической карты мира. ...Однако вряд ли эта будущая “умеренная и аккуратная” Россия будет иметь возможность (да и желание) именовать себя “Великой”»¹.

В следующем году Россия начала военные действия против Республики Ичкерия, провозгласившей независимость. С этого времени публицистическое обсуждение темы неизбежности грядущей дезинтеграции РФ перманентно продолжается в российских СМИ, переживая по временам периоды оживления либо затухания, однако никогда не исчезая полностью.

В то же время тема частичного либо полного демонтажа РФ как одного из прагматически допустимых сценариев развития страны до сих пор не стала предметом обсуждения ни одной из влиятельных политических партий (включая как системные, так и несистемные). Таким образом, эта тема на сегодня сохраняет формат публицистической, но не политической дискуссии.

Данная ситуация объясняется тем, что авторитарная российская власть де-факто установила собственную монополию на любые публичные рассуждения, касающиеся проблемы сохранения единства и неделимости РФ. Более того, «угроза развала страны» стала в начале XXI столетия главным пропагандистским жупелом Кремля, а забота о сохранении целостности — задачей, которую российская власть объявила ключевой и оправдывающей всю ее текущую политику в целом.

25 июля 2002 года в силу вступил специальный закон — «О противодействии экстремистской деятельности». Статья 1 этого закона объявила экстремизмом «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации», а также «публичные призывы к осуществлению указанных деяний»². Как нетрудно заметить, совокупность этих положений при желании можно истолковать как запрет на обсуждение любых проектов (в том числе абсолютно правовых и ненасильственных), которые предполагают возможность «нарушения целостности Российской Федерации». Фактически принятие этого закона ввело табу на свободную политическую дискуссию по данной теме, сохранив де-факто лишь официальный формат ее обсуждения.

Владимир Путин заговорил об угрозе распада, нависшей над страной, в 2000 году, сразу же после того, как был избран на первый президентский срок:

¹ «Великая Россия» может и не ужиться с рынком... // Смена. 1993. 20 окт.

² См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/12127578>

«Чечня 99-го года напомнила о ранее совершенных ошибках. И лишь контр-террористическая операция смогла отвести угрозу распада России»¹.

В 2001 году Путин лаконично подтвердил, что процесс расползания страны остановлен.

Однако в послании к Федеральному Собранию от 16 мая 2003 года президент РФ вновь — неожиданно для многих — пустился в пространные рассуждения о серьезных угрозах, перед лицом которых оказалось российское единодержавие. «Удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире — это не только огромный труд, — многообещающе подчеркнул тогда Путин. — Это еще и огромные жертвы, лишения нашего народа». Оптимистический на первый взгляд финал этого мрачноватого пассажа: «Мы наконец — юридически и фактически — восстановили единство страны»² — отнюдь не означал, однако, что тема «угрозы распада России» закрыта Кремлем.

В инаугурационной речи 7 мая 2004 года Владимир Путин вновь напомнил обществу о том, что российские власти «избавили страну от реальной угрозы распада»³.

Столь методичные возвращения российского лидера к одному и тому же пропагандистскому заклинанию в конце концов спровоцировали очередной всплеск медийного и экспертного интереса к теме возможной дезинтеграции РФ.

В российских СМИ началось активное обсуждение прогноза, сделанного группой американских ученых еще в 2000 году (тогда эти пророчества особого внимания российской общественности не привлекли)⁴. Речь шла об опубликованной на сайте ЦРУ аналитической разработке научного коллектива во главе с географом Госдепа США Уильямом Б. Вудом и его помощником Ли Шварцем, которая представляла собой попытку нарисовать будущую политическую карту XXI века. На этой карте Россия представляла в 2015 году распавшейся на 6–8 независимых государств: Западную Россию, Урал, Западную Сибирь, Восточную Сибирь, Дальний Восток и Северные

¹ Выступление при представлении ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 года. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/42.html>

² Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 года. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_81189.html

³ Инаугурационная речь Владимира Путина 7 мая 2004 года. URL: http://mn.ru/blog_reference/20120507/317331265.html

⁴ См.: Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts. December, 2000. URL: http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000516933/DOC_0000516933.pdf; CIA Experts Accurately Predicted Future Events in 2000 Report. June 29, 2012. URL: <http://beforeitsnews.com/conspiracy-theories/2012/06/cia-experts-accurately-predicted-future-events-in-2000-report-2327600.html>

территории, которые, согласно данному прогнозу, должны будут присоединиться к Аляске¹.

В ходе развернувшейся дискуссии многие российские эксперты — причем из числа настроенных не только либерально-западнически², но и вполне национал-патриотически — чуть ли не хором признали реальность перспективы скорого исчезновения российского государства с политической карты мира: «Такая угроза реально существует. И 2015 год выбран достаточно политкорректно. Я бы говорил даже о 2010–2012 годах» (руководитель Института проблем глобализации Михаил Делягин)³; «Россия идет к завершению своей истории как целостного государства» (вице-президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Леонид Ивашов)⁴; «На повестке дня сегодня потеря Кавказа и остального постсоветского пространства и вообще распад России, начиная с Северного Кавказа» (руководитель Центра геополитических экспертиз, лидер Международного евразийского движения Александр Дугин)⁵.

В идейном пространстве «системной политики», однако, продолжал доминировать «путинский дискурс», в основе которого лежали, по сути, дихотомически противоречивые постулаты о том, что угроза распада страны, во-первых, перманентно актуальна и, во-вторых, «успешно устранена».

В конце 2004 года один из видных членов путинской команды — директор Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков Виктор Черкесов — попытался перевести политический дискурс, касающийся вопроса о возможном исчезновении России, в более свободный формат. В материале, опубликованном в «Комсомольской правде», Черкесов фактически торпедировал официальный тезис Владимира Путина об окончательной избавленности России от угрозы распада: «Надо смотреть в глаза этой страшной правде — правде о возможности очередного, второго после развала СССР государственного распада. Может быть, последнего. Того, после которого историческое бытие наше окажется исчерпано, а мы перейдем в разряд без-

¹ См.: Эксперты ЦРУ считают, что к 2015 году Россия может развалиться на восемь государств. URL: <http://www.newsru.com/world/28apr2004/2015.html>

² См.: Коцюбинский Д.А. Дым из Отечества. Государства приходят и уходят. Регионы остаются // Дело. 2005. 11 апр. URL: <http://www.idelo.ru/367/10.html>

³ До развала России осталось 10 лет. Пока это только угроза... По просьбе редакции OPEC.ru эксперты ЦРУ в очередной раз предсказывают распад России к 2015 г. Комментирует М.Г. Делягин // OPEC.ru. 2004. 29 апр. URL: http://www.opec.ru/comment_doc.asp?d_no=48056

⁴ Цит. по: Тараторин Д., Колесниченко А. Россия на грани распада? Угроза разделения страны на несколько государств — не вымысел, а вполне реальная перспектива // Новые известия. 2004. 16 июля. URL: <http://www.newizv.ru/politics/2004-07-16/8133-rossija-nagrani-raspada.html>

⁵ Цит. по: Максимов В. Национальная угроза. Чем больше наши чиновники говорят о безопасности, тем тревожнее жизнь россиян // 2004. 4 нояб. URL: <http://www.newizv.ru/politics/2004-11-04/14589-nacionalnaja-ugroza.html>

государственных народов и “мертвых” цивилизаций...»¹. Статья Черкесова была посвящена целому комплексу сюжетов, однако тема угрозы распада России являлась ее лейтмотивом.

«Эта статья, — констатировали эксперты, — стала первой ласточкой в охлаждении отношений между Черкесовым и Путиным»². Причиной явилось не столько конкретное содержание данной статьи, сколько сам факт «самовольного» инициирования одним из членов высшего руководства РФ политической дискуссии, вскрывающей идейные противоречия, существующие внутри формально единой президентской команды и касающиеся важнейших государственных вопросов.

Спустя некоторое время руководитель Администрации Президента РФ Дмитрий Медведев дал журналу «Эксперт» пространное интервью, явившееся де-факто ответом Кремля «раскольному» генералу Черкесову. В центре вновь оказалась тема сохранения целостности РФ. Именно эту задачу Медведев выделил в качестве ключевой. Интервью так и было озаглавлено: «Сохранить эффективное государство в существующих границах». В нем будущий президент РФ призвал российскую политическую элиту во имя предотвращения распада страны сохранять максимально плотное единство рядов.

«Если мы не сумеем консолидировать элиты, — пояснял Медведев, — Россия может исчезнуть как единое государство. С географических карт были смыты целые империи, когда их элиты лишились объединяющей идеи и вступили в смертельную схватку. Консолидация российской элиты возможна только на одной платформе — для сохранения эффективной государственности в пределах существующих границ. Все остальные идеологемы вторичны. За последние годы удалось укрепить единство государства, обеспечить должную стабильность для экономического роста. Но если расслабиться и отдаться на волю волн, последствия будут чудовищными. Распад Союза может показаться утренником в детском саду по сравнению с государственным коллапсом в современной России. И тогда уж плохо будет всем, в том числе нашим ближним и дальним соседям»³.

Как нетрудно заметить, по существу, Медведев писал о том же самом, что и Черкесов, — об угрозе развала страны, которую надо во что бы то ни стало предотвратить. Разница, однако, заключалась в том, что руководитель президентской администрации делал это явно по поручению своего патрона, в то время как Черкесов пустился в публичные размышления «демонстративно самовольно».

¹ Виктор Черкесов, директор Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков: Мода на КГБ? Неведомственные размышления о профессии // Комсомольская правда. 2004. 29 дек. URL: <http://www.kp.ru/daily/23433/35559>

² Тайные мотивы экс-чекиста Черкесова. 01.12.2011. URL: <http://ru-compromat.livejournal.com/449437.html>

³ Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. 2005. № 13 (460). URL: http://m.expert.ru/expert/2005/13/13ex-medved_5168

Косвенная полемика между Черкесовым и Медведевым лишний раз подтвердила тот факт, что тема предотвращения угрозы распада России является идейной платформой, объединяющей все без исключения группировки так называемых системных политических сил РФ, независимо от их конкретных клановых интересов и более узких идеологических пристрастий.

Сравнивая новейшие политические дискуссии с теми, что имели место 100 лет назад, нельзя не отметить сравнительную легкость, с которой дореволюционные идеологи и политики обсуждали тему возможной дезинтеграции Российской империи, в отличие от нынешних «системных политиков», для которых бесцензурный разговор о возможном распаде РФ оказывается сродни хождению «по минному полю».

Как представляется, данное наблюдение свидетельствует о том, что в начале XX века у российской государственности еще сохранялся изрядный запас цивилизационной прочности, которым в итоге сумели воспользоваться большевики в целях построения тоталитарной коммунистической империи. В то же время сейчас слишком громкий разговор о перспективах гипотетического распада РФ воспринимается российской политической элитой как своего рода неосторожный шум в горном ущелье, над которым нависли смертоносные каменные глыбы, готовые сорваться вниз в любой момент.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ ИМПЕРИЙ

Тезис о том, что российская империя в очередной раз вплотную приблизилась к моменту державного обрушения, порой подвергается сомнению. Приходится, в частности, слышать возражение, общий смысл которого примерно таков: «Империи империям рознь. Есть империи морские, а есть континентальные. И у первых со вторыми сходства почти никакого. Первые, то есть морские, суть плохие, эксплуататорские и посему недолговечные. Вторые же, то есть сухопутные, напротив — очень хорошие, братско-многонациональные и в силу этого единые и монолитные на века».

Спору нет: одинаковых империй не бывает. Но считать, что одни из них подобны несчастливым семьям, в то время как другие сродни счастливым, вряд ли уместно. Все империи суть несчастливые, насильственно соединенные «семьи», и при этом каждая из них, само собой, «несчастлива по-своему»¹.

Однако, как ни отличны были друг от друга исторические пути «морских» и «сухопутных» империй, в XX веке тех и других ожидал общий финал. С той лишь разницей, что «морские» (Великобритания, Франция) смогли позволить себе роскошь добровольного саморасчленения, в то время как «континен-

---

¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина. Ч. 1. URL: <http://public-library.narod.ru/Tolstoy.Lev/annak1.html>

тальным» (Австро-Венгрия, Турция, Россия-СССР, СФРЮ) потребовался для этого толчок-катастрофа: неудачная война либо удачная революция.

Причем процесс имперского демонтажа оказывался тем более быстрым и необратимым, чем ближе та или иная империя была расположена к Европе и плотнее интегрирована в европейский контекст. В этом смысле у Евразии-России оказалось больше шансов продлить свое имперское бытие, чем у Австро-Венгрии или даже Османской империи, а у Китая сохраняется еще большая «имперская фора», чем у России. Но суть и вектор макроисторических процессов от этого не меняются. Чем полнее империи вовлекаются в процесс модернизации и глобализации, тем быстрее и необратимее вырастают в своих недрах зерна противоречий — политических, экономических, социальных, региональных, — которые рано или поздно разрушают архаичную имперскую оболочку. Именно по этой причине в России и Китае, пронесших в XXI век свое традиционное пирамидально-имперское устройство, сегодня столь остро стоит вопрос об эффективном контроле за распространением информации и о жестком полицейском подавлении гражданских и политических свобод.

Таким образом, то, что российская государственность до сих пор еще не распалась, отнюдь не аргумент в пользу того, что она просуществует еще сколь бы то ни было долго в нынешних границах. Скорее наоборот. Тот факт, что, несмотря на все попытки стать современным устойчиво развивающимся организмом, Россия в начале XXI века по-прежнему остается архаичной бюрократической машиной, неспособной к успешному реформированию ни одной из сторон своего государственного быта, говорит в пользу неизбежности очередной обвальной серии имперского самодемонтажа.

Рано или поздно интересы дальнейшей модернизации страны вновь поставят вопрос ребром: Родина или Свобода? И вновь, как и в 1991 году, общественный выбор, как несложно предположить, будет сделан в пользу Свободы. А точнее, в пользу созревших в недрах империи новых сил, прорывающихся наружу и разбивающих изнутри сковывающий жизнь общества заскорузлый имперский хитин.

Здесь стоит напомнить, что ключевое и по-настоящему радикальное макроэкономическое преобразование, которое помогло России выйти из хозяйственного тупика 1990–1991 годов и заложило основы дальнейших рыночных реформ — ценовая реформа 1992 года, — явилось прямым следствием предшествовавшего ему развала СССР. Затем, правда, процесс политической дезинтеграции империи был остановлен и вместе с ним исчезли те модернизационные перспективы, которые существовали на заре политической юности Егора Гайдара.

Более того. Начавшийся в 1993–1994 годах и резко усилившийся с начала 2000-х процесс имперской реставрации привел к тому, что уровень гиперцентрализации и вертикальной интегрированности всей государственной систе-

мы в современной РФ вполне сопоставим с тем, что имел место в эпоху СССР, а в некоторых моментах даже его превосходит.

НЕНАСЫТНЫЙ РОБИН-БОБИН-БУРГ

Так же как и Советский Союз, Российская Федерация остается единственной страной-гигантом, чья столица — самый крупный национальный мегаполис, в несколько раз превышающий размеры любого другого города страны. США, Канада, Бразилия, Австралия, Индия, Китай — во всех этих странах столица не является «городом № 1». И это, разумеется, неслучайно. Даже авторитарные государства-гиганты, претендующие на историческую долговечность, стремятся к некоторому административно-хозяйственному рассредоточению, дабы избежать синдрома имперской воронки. То есть такого положения дел, когда государственный центр превращается в ненасытного пожирателя всех национальных ресурсов, а остальная страна — в налогово-сырьевую колонию, не имеющую ни шансов, ни средств для хотя бы простого воспроизводства, не говоря уже о расширенном. В этом отношении даже Российская империя и Советский Союз, издержки гиперцентрализации которых в конечном счете обрели их на гибель, были более перспективными государственными образованиями, нежели РФ. Вот лишь несколько сравнительно-показательных цифр.

К 1917 году соотношение численности населения в крупнейших городах России выглядело так: Санкт-Петербург — 2,3 млн жителей, Москва — 1,8 млн (в 1,3 раза меньше), Киев — около 700 тыс. жителей (примерно в три раза меньше, чем в столице).

В конце 1980-х в Москве проживало более 8,5 млн человек. В Ленинграде в 1988 году был торжественно зарегистрирован пятимиллионный житель¹ (в сентябре 2012 года этот позднее утраченный петербуржцами рубеж был повторно взят²). Таким образом, пропорциональный разрыв между двумя крупнейшими городами увеличился — с 1,3 до 1,7 раза. Население Киева составляло 2,6 млн, то есть, как и до революции, было в три с небольшим раза меньше, чем население столицы.

А вот как выглядит демографический разброс в РФ-2012. Москва — 11,8 млн. Санкт-Петербург — в два с лишним раза меньше: 5 млн человек. Следующий — Новосибирск — меньше столицы уже в восемь раз и не дотягивает даже до 1,5 млн.

¹ См.: Счастливый билет Павла Русакова. Как сложилась жизнь 5-миллионного жителя Ленинграда. URL: <http://www.spb.aif.ru/society/article/49571>

² См.: В Санкт-Петербурге родился 5-миллионный житель. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/216155>

Эти весьма красноречивые демографические показатели становятся еще более яркими, если их дополнить экономическими. В этом случае картина централистского абсурда, превращающего Россию, по сути, в страну без будущего, становится предельно наглядной.

Бюджетный разрыв между Москвой и другими крупными городами РФ еще более контрастен, нежели демографический. Так, в 2012 году бюджет столицы должен превысить 1,7 трлн руб.¹ Казна Санкт-Петербурга «стройнее» почти в четыре раза и тянет лишь на 430 млрд руб.² О Новосибирске приходится говорить и вовсе шепотом: 38 млрд руб.³ — в 45 (!) разе меньше, чем в Москве. Ко всему этому стоит добавить, что огромная часть федерального бюджета России также расходуется в благословенных пределах Садового кольца.

В Москве сосредоточено более половины всех банков, зарегистрированных в РФ⁴. Большинство крупнейших компаний также зарегистрированы и имеют центральные офисы именно в Москве, хотя их производство может при этом располагаться за тысячи километров от столицы.

Паразитарную суть московской экономики изобличает ее структура. «...В столичной экономике, — отмечает журнал «Финанс» в статье с говорящим названием «Экономика княжества московского», — громадный перекося в сторону торговли: на нее приходится более 40% создаваемой добавленной стоимости. <...> Казалось бы, статистика указывает на независимость столичного региона от добывающего сектора. На самом деле это всего лишь иллюзия: основной объем в торговле приходится на опт, из которого, в свою очередь, почти две трети — продажа продукции нефтегазового комплекса. Бюджет столицы также в очень высокой степени зависит от сырьевых отраслей. Налог на прибыль — это почти 40% его доходной части, а примерно пятая часть поступлений по этой статье приходится на «Газпром». Тот факт, что большинство крупнейших компаний России зарегистрированы в Москве и платят налоги в ее казну, делает ее бюджет уникально богатым по российским меркам. <...> Да и как заемщик на рынке капитала «Московское княжество» не знает себе равных в России: столица по объему государственного долга на первом месте (92,4 млрд рублей), Московская область — на втором (87,6 млрд

¹ См.: Показатели бюджета города Москвы на 2012 год. URL: http://budget.mos.ru/project_main

² См.: Проект закона г. Санкт-Петербурга «О бюджете Санкт-Петербурга на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов». URL: http://www.fincom.spb.ru/comfin/budjet/laws/doc.htm?id=413@cf_npa_bud

³ См.: О внесении изменений в решение Совета депутатов города Новосибирска от 30.11.2011 N 482 «О бюджете города на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 годов». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/27004542>

⁴ См.: Справка о количестве действующих кредитных организаций и их филиалов по состоянию на 01.03.08. URL: http://cbr.ru/statistics/bank_system/print.asp?file=cr_inst_branch_010308.htm

рублей). Вместе это более 40% суммарных обязательств всех субъектов федерации»¹.

До какой степени в эпоху РФ ускорился и принял, по сути, необратимый характер процесс «засасывания» имперским центром всей хозяйственной жизни страны и подчинения интересов регионов интересам столичной бюрократии, хорошо видно на примере динамики изменения структуры авиаперевозок в России за 1990–2010 годы².

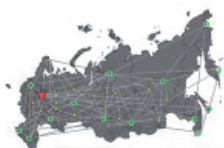
1. Деформация маршрутной сети

1.1. СССР:

- Принцип: каждый город с каждым
- Высокая частота сообщения
- Более 4000 пунктов полетов

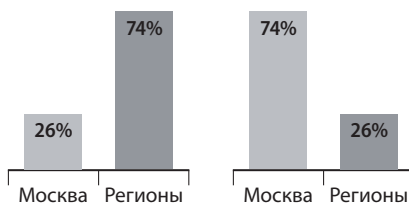
1.2. Российская Федерация:

- Минус 990 (!) региональных аэропортов
- Сокращение межрегиональных связей
- Концентрация на Москве

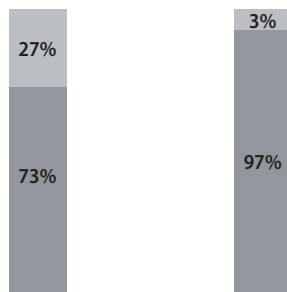
2. Отмирание прямых межрегиональных связей и концентрация потоков на Москве

1990 г. → 2010 г.

3. Деградация местных перевозок

1990 г. → 2010 г.

Рис. 5. Текущее состояние пассажирских авиаперевозок в России

¹ [Ким А.] Экономика княжества московского. URL: <http://stateyka.ucoz.ru/news/2007-11-21-45>. За прошедшие с момента написания статьи годы, а также в связи с вступлением в 2012 году в силу Закона о консолидированном налогообложении конкретные цифры, как следует предположить, частично скорректировались. Однако принципиальных изменений в структуре московской экономики за это время не произошло.

² Из годового отчета ОАО «Аэропорт Кольцово» за 2010 год. URL: <http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?t=295339&page=99>. См. также полный текст Отчета в формате PDF на сайте <http://www.koltsovo.ru>.

Вследствие все расширяющегося диаметра имперской воронки продолжает неуклонно увеличиваться «децильный коэффициент» межрегиональной дифференциации: богатые (прежде всего Москва) становятся все богаче, бедные — все беднее.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ГАРРОТА

На этом фоне начиная с конца 1990-х годов происходит общее неуклонное уменьшение доли регионов в консолидированном бюджете страны. Особенно резкий скачок вниз (почти на 6%) пришелся на 2001 год, когда Кремль официально приступил к строительству «вертикали власти». Как следствие — начался рост числа дотационных и высокодотационных регионов. Согласно данным Счетной палаты, число высокодотационных регионов увеличилось в течение 2004 года с 29 до 31¹. В 2011 году в России было 70 дотационных регионов².

Эксперты интернет-портала «Капитал страны» прокомментировали эту депрессивную ситуацию так: «...число дотационных регионов слишком велико — 70 субъектов РФ из 83, т.е. 84% всех регионов России находится в зоне убыточности. В них проживает 74,2% населения страны, они охватывают 87% территории государства. И такая ситуация сохраняется более десяти лет подряд. Совершенно очевидно, что хроническое пребывание около 85% всех регионов страны в числе убыточных никак не может восприниматься в качестве нормального положения дел».

Далее авторы статьи поясняют, как выглядит один из основных механизмов финансового выдаивания регионов федеральным центром: «...одним из самых сильных налоговых инструментов, способствующих дотационности регионов, служит налог на добавленную стоимость (НДС) и сложившийся порядок его уплаты... Базовая ставка НДС составляет 18%, а это... означает, что 18% объема валового регионального продукта субъектов РФ ежегодно уходит в федеральный бюджет», при этом «никакого расщепления НДС в пользу регионов не предусмотрено»³.

Проблема имперской налоговой удавки, которая держит громадное большинство российских территорий в полузадушенном состоянии, не сводится, впрочем, к одной только налоговой продрозверстке. Не менее важно, что уровень самостоятельности регионов абсолютно недостаточен для их свободного и

¹ См.: Коцюбинский Д.А. Дым из отечества.

² См.: Число дотационных регионов в России может сократиться до 60 // Известия. 2011. 26 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/510755>

³ Балицкий Е.В., Екимова Н.А. Финансовая несостоятельность регионов и межбюджетные отношения. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/176802>

устойчивого развития. В результате они не могут полноценно реализовать свой хозяйственный потенциал и проводить эффективную инвестиционную политику.

В некоторых регионах ситуация выглядит, если так можно выразиться, запредельно тупиковой. Так, согласно данным проверки, проведенной Счетной палатой в 2010 году, республики Дагестан и Тыва зависят от госсредств на 75%, а Чеченская Республика и Республика Ингушетия — на 90%, причем такая ситуация остается неизменной уже на протяжении трех лет¹.

Таблица 1. 20 самых дотационных регионов России.

Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2010 год

№ п/п	Дотационный регион	Дотация (млрд руб.)	Численность населения (тыс. чел.)	Дотация на душу населения (тыс. руб./чел.)
1	Камчатский край	22,250	342,3	65,1
2	Магаданская область	8,510	161,2	52,7
3	Республика Саха (Якутия)	39,200	949,5	41,3
4	Чукотский автономный округ	1,690	48,6	34,8
5	Республика Тыва	9,070	316,9	28,6
6	Республика Алтай	5,850	210,8	27,7
7	Республика Ингушетия	6,650	516,6	12,9
8	Еврейская автономная область	2,300	185,1	12,4
9	Республика Бурятия	11,590	963,5	12,1
10	Республика Дагестан	30,370	2 737,6	11,1
11	Чеченская Республика	13,070	1 267,7	10,3
12	Карачаево-Черкесская Республика	4,120	427,1	9,6
13	Амурская область	7,0490	860,7	8,2
14	Республика Адыгея	3,510	443,1	7,9
15	Кабардино-Балкарская Республика	6,700	893,7	7,5
16	Забайкальский край	8,320	1 117,3	7,4
17	Республика Северная Осетия – Алания	4,760	700,6	6,8
18	Псковская область	4,580	688,7	6,6
19	Республика Калмыкия	1,870	283,2	6,6
20	Алтайский край	16,400	2 491,6	6,6

Примечание. Данные за 2010 год.

Источник: www.kapital-rus.ru; <http://www.online812.ru/2011/11/02/006/>

¹ См.: Дотационные регионы России. URL: <http://www.spb-venchur.ru/news/2176.htm>

Недотационными являются сегодня всего 13 субъектов РФ: Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Пермский край, Вологодская, Ленинградская, Липецкая, Самарская, Свердловская, Тюменская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа¹.

Выглядящая комически абсурдной пропорция между «дотационными» и «недотационными» регионами России говорит, разумеется, не о нежелании или неумении населения большинства российских территорий качественно трудиться, но лишь о глобальной неэффективности и несправедливости всего государственного устройства РФ.

НАКАНУНЕ...

Таким образом, сегодня есть более чем серьезные основания для того, чтобы признать Российскую Федерацию неспособным к нормальному развитию, по сути, смертельно больным хозяйственно-политическим организмом. Его сердце — город Москва — представляет собой не энергичную мышцу, равномерно обеспечивающую питанием все части государственного тела, но громадный вздувшийся и продолжающий распухать административно-финансовый пузырь, куда стекаются деньги и люди со всей страны. Что может стать с таким пузырем в весьма обозримом будущем? Вопрос кажется почти риторическим.

«Сегодня проблема не в русофобе Збигневе Бжезинском и его единомышленниках, — отмечали эксперты еще в ту пору, когда процесс форсированной вертикализации набирал обороты, — а в крайне недальновидной политике центральной власти по отношению к регионам. Именно ее узколобость и неадекватность сегодня наиболее опасны для страны»².

Ситуация выглядит еще более критичной, если учесть, что в отличие от XX века, когда для обрушения Российской империи требовался прямой либо косвенный толчок извне, сегодня такой толчок оказывается «запрограммирован» самой внутривнутриполитической конструкцией РФ.

ПУТИН КАК «ЧЕРНАЯ МЕТКА»

Фактором, который делает возможные последствия любого мало-мальски серьезного политического кризиса фатальными для государства в целом, является персоналистская форма авторитарного режима, существующего в РФ.

¹ См.: Дмитриева А. 20 самых дотационных регионов России // Город-812. 2011. 2 нояб. URL: <http://www.online812.ru/2011/11/02/006>

² Из обзора СМИ о ситуации в Красноярском крае за 3 сентября 2003 года. URL: <http://pda.regnum.ru/news/152539.html>

Тот факт, что «на Путине держится российская политическая система»¹ давно стал общим местом в рассуждениях не только независимых экспертов и наблюдателей (в том числе зарубежных), но также представителей российской власти² и оппозиции³. Как нетрудно понять, из данного обстоятельства с неизбежностью вытекают два крайне неблагоприятных с точки зрения сохранения государственной стабильности и целостности РФ обстоятельства.

Во-первых, в случае ухода фигуры «первого лица» с политической арены (что рано или поздно неизбежно) в одночасье рушатся все межклановые «сдержки и противовесы», которые сегодня замкнуты на личность «нацлидера» и образуют реальное (не путать с конституционно-декоративным!) государственно-политическое тело авторитарно-персоналистской системы.

Во-вторых, персональную харизму, целенаправленно создававшуюся и утверждавшуюся на протяжении долгих лет, невозможно просто механически передать преемнику. В этом отношении между персоналистской («тиранической») и монархической («царской») властью есть принципиальная разница, о которой в свое время подробно писали еще классики античной политологии.

Наглядным мастер-классом того, каким образом сама по себе передача «царских регалий» не приводит к автоматической трансакции властного капитала, явилась недавняя рокировочная четырехлетка. В течение 2008–2012 годов Дмитрий Медведев, формально занимавший пост президента РФ, не только не укрепил свой изначальный политический потенциал, но, напротив, фактически подорвал его, лишив себя серьезных политических перспектив.

В этом отношении даже советская авторитарная модель являлась менее уязвимой, поскольку легитимность власти покоилась в первую очередь не на харизматических качествах лидера, а на коллективной харизме Коммунистической партии и соответствующих «сакральных» партийных процедур: съездов, пленумов ЦК и т.д.

Сказанное позволяет охарактеризовать персоналистскую модель авторитаризма как одноразовую стабильность. По окончании срока политической

¹ Путин стоит на пути «кремлевских кланов». URL: <http://inotv.rt.com/2012-11-02/Putin-stoit-na-puti-kremlevskih>

² «Мне кажется, — заявил прошлым летом замглавы Администрации Президента РФ Владислав Сурков, — если Бог определил народу жить еще какое-то количество веков, то в трудный час он ему посылает тех, кто выводит народ из тупика, из войны, из разорения, из беды». Цит. по: Слова Владислава Суркова о Путине не удивили экспертов. URL: <http://www.iarex.ru/news/17315.html>

³ См.: Владимир Рыжков: Политическая система в России замкнута на Путине. URL: <http://kadry.viperson.ru/wind.php?ID=280473&soch=1>

жизни харизматического лидера эту модель ожидают неизбежные крах и смута, которые должны будут оказаться разрушительными для российского государства в целом.

КУДА ДВИНЕТСЯ ПОСТ-РОССИЯ?

Итак, если вспомнить теперь, что мир в целом вступает в очередную полосу революционной турбулентности и что Российская Федерация стоит одной из первых в списке систем, обреченных на кризис и саморазрушение, остается попытаться очертить будущие политические контуры пространства, ныне занимаемого Российской Федерацией.

Сама страна, то есть органическая совокупность территорий и живущего на них населения, разумеется, никуда не исчезнет. Однако полностью изжившие себя «москвоцентричные» векторы общественного развития сменятся новыми.

Спрогнозировать направленность этих векторов несложно. Достаточно просто принять во внимание тот основополагающий факт, что РФ по сей день остается территориально самым крупным государством в мире, занимающим значительную часть евразийского континента и непосредственно примыкающим к трем важнейшим центрам мировой хозяйственно-политической активности: Евросоюзу (30% мирового ВВП), Азиатско-Тихоокеанскому региону (20%) и зоне НАФТА (30%). В силу этого логично предположить, что возможная дезинтеграция РФ приведет к тому, что разные группы регионов, ныне входящих в состав России, утратив кремлевскую «скрепу», естественным образом обретут различные геоэкономические векторы эволюции и «притянутся» к вышеупомянутым полюсам мировой экономики. Пост-Россия, таким образом, как бы разбредется по трем направлениям, сохранив, разумеется, свои традиционные межрегиональные связи и продолжая играть свою «метафизическую» роль транзитного коридора между Западом и Востоком.

Тенденция к стихийной переориентации российских регионов с Москвы на новые центры экономического тяготения проявляется уже сегодня. Легче всего это заметить на примере социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, все более интегрирующихся с экономиками, трудовыми ресурсами и капиталами стран-соседей.

В рамках официального политического дискурса на свободное обсуждение данной темы — как составной части общей темы «угрозы распада России» — наложено негласное табу. Игнорируя тот факт, что Россия уже сегодня де-факто в социально-экономическом плане «расползается» между различными центрами глобальной экономики, российская власть заявляет о своих «амбициозных намерениях» превратить Россию в мировой центр макроэкономического

тяготения¹. Ей с готовностью вторят официозная пресса² и окол властные эксперты³.

Не надо быть, однако, специалистом в области макроэкономики, чтобы понять всю эфемерность этих пропагандистских заявлений. ВВП современной России, как известно, всецело зависит от конъюнктуры нефтяных цен и даже в периоды их наивысшего подъема едва достигает 3% от общемирового ВВП⁴.

Среди отдельно взятых государств по объему ВВП первое место в мире занимают сегодня США. По ВВП на душу населения лидирует Катар. Россия, по разным оценкам, находится на 6–10-м месте по объему и лишь на 53-м месте по душевому ВВП. Совершенно ясно, что с такой архаичной — сырьевой — структурой экономики, такими незначительными абсолютными показателями ВВП и такой низкой человеческой капитализацией говорить о превращении РФ в новый «центр мирового развития», аналогичный ЕС, АТС или НАФТА, можно лишь в том случае, если полностью абстрагироваться от реальности и уйти в мир ангажированных геополитических фантазий.

ОБ ЭФЕМЕРНОСТИ ИМПЕРСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Таким образом, единство и неделимость Российской Федерации в начале XXI века сохраняется как феномен не благодаря перспективным историческим трендам, а в силу банальной системной инерции, потенциал которой с каждым годом иссякает, не пополняясь новыми животворными импульсами.

Среди конъюнктурных факторов, пролонгирующих status quo современной российской государственности, следует упомянуть, с одной стороны, относительную сплоченность ее правящих элит, а с другой стороны, отсутствие в центре и регионах мощного оппозиционного движения.

Однако недавний исторический опыт СССР убеждает в том, что в условиях внутренней готовности общества к радикальным переменам⁵ раскол элит, а

¹ См.: Путин: Россия превратится в мировой финансовый центр. URL: <http://www.pravda.ru/news/politics/authority/kremlin/08-02-2008/255113-putin-0>

² См.: Миндич Д. Как не споткнуться на старте. Россия становится одним из главных мировых центров развития инноваций. URL: <http://expert.ru/expert/2012/18/kak-ne-spotknutsya-na-starte>

³ См.: Россия готова стать мировым технологическим лидером / [Институт современного развития]. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/315>

⁴ См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82

⁵ О том, что ситуация в современной РФ вплотную приблизилась к этому рубежу, свидетельствует как резкий рост организованной уличной активности оппозиционно настроенных сил, так и стихийное протестное поведение отдельных граждан. См.: Задержан петербуржец, который исписал свой подъезд плохими словами про Путина. URL: <http://www.mr7.ru/articles/62254/>

равно структурирование эффективной оппозиции могут произойти весьма быстро. И в этом случае жесткая авторитарная конструкция оказывается обреченной на сравнительно быстрый слом, так как у нее не остается в арсенале ни одного потенциально верного решения.

Попытки власти достичь компромисса с оппозицией провоцируют лишь повышение планки оппозиционных требований. Любые эксперименты (вроде ГКЧП) с силовым противодействием начавшемуся процессу политической дезинтеграции оказываются еще более сильнодействующим катализатором общегосударственного распада.

Власть, а вместе с ней и государство в целом оказываются в ситуации цугцванга, когда любой следующий ход оказывается заведомо неудачным.

Совершенно безосновательными выглядят и традиционно присущие российской власти расчеты на то, что в критический момент ей удастся в борьбе с оппозицией опереться на консервативно настроенную часть общества, для которой угроза «развала страны» является неизменно актуальной.

Как известно, незадолго до крушения СССР был проведен общесоюзный референдум о сохранении Советского Союза. 17 марта 1991 года гражданам было предложено ответить на вопрос «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Из 185,6 млн человек в референдуме приняли участие 148,5 млн (79,5%). Из них 113,5 млн (76,43%), ответив «да», высказались за сохранение обновленного СССР¹. Тем не менее спустя всего несколько месяцев СССР навсегда исчез с политической карты мира.

Популярным также является мнение — и его, насколько можно заметить, разделяет нынешняя российская власть, — что консервативный потенциал общества, пассивный по определению, можно «сублимировать» и сделать боевым, соединив стихийные государственноческие чувства российских граждан с идеологией уваровской триады самодержавие — православие — народность, адаптированной к современным реалиям. Среди части либеральной общественности в этой связи распространен сегодня страх того, что «безответственные действия» власти, разжигающей в обществе русско-националистические и православно-фундаменталистские страсти, могут явиться триггером, который запустит неподконтрольный и неостановимый «низовой» процесс зарождения и полноценного становления «русского фашизма».

Эти опасения, разумеется, нельзя признать не основанными ни на чем. И тем не менее необходимо принять во внимание один важный нюанс, позволяющий сделать вывод, что нынешняя — путинско-сурковская — копия доктри-

¹ См.: Выборы в Советском Союзе в 1989–1991 гг. URL: <http://www.agitclub.ru/vybory/result3.htm>

ны официальной народности обречена оказаться столь же неспособной породить мощное «низовое» русско-националистическое движение и сдержать грядущий обвал империи, как и ее уваровско-черносотенный оригинал столетней давности.

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ — НЕ НАВСЕГДА

Дело в том, что вопреки распространенному публицистическому стереотипу не российское государство является исторической производной от русского народа, а наоборот — русский народ является «артефактом», возникшим в результате жизнедеятельности российского государства и существующим как единое гражданско-политическое целое исключительно под властным «нажимом сверху».

Это утверждение, могущее показаться парадоксальным, проще всего проиллюстрировать на общеизвестном примере армейских землячеств. Те, кому довелось служить еще в Советской армии, уверен, хорошо помнят, что в войсках солдаты срочной службы неформально группировались по этнорегиональному — «земляческому» — принципу. При этом единственной национальностью, которая не образовывала землячества, оказывалась русская. Даже там, где русских было не большинство — как, например, в Группе Советских войск в Германии, где довелось проходить службу автору этих строк, — русские, как бы им ни было тяжело противостоять экспансивным кавказцам и азиатам, неизменно дробились на региональные земляческие группы.

Ленинградцу не приходило в голову пытаться стать «зёмой» тамбовца или москвича, а воронежцу — новосибирца или мурманчанина. Все, кто происходил из различных российских регионов (включая татар, башкир, чувашей, мордовцев и других представителей российских национальных меньшинств), воспринимались как представители совершенно разных российских земель. Причем «собственно русские» края и области рассматривались как такие же индивидуальные земли, что и национальные автономии. Общим для всех российских землячеств было то, что они довольно четко ощущали свое отличие от более напористых и культурно чуждых выходцев из Центральной Азии и Кавказа, как правило, плохо говоривших по-русски. Тем не менее само по себе ощущение этой языковой и культурной близости между жителями различных российских регионов оказывалось совершенно недостаточным для их «гражданской самоорганизации» в рамках единого «русского землячества».

Причина этого могущего показаться странным феномена очевидна. Дело в том, что фундаментом гражданского единства является прежде всего конкретный, «физически осязаемый» территориальный фактор. На региональном уровне у всех жителей России ощущение «своей земли», безусловно, есть. Что и доказывает вышеописанный армейский пример.

Что же касается общерусского уровня самосознания, то он существует исключительно в комплекте с «имперским обременением». Родина «русского человека» не конкретная территория с четкими очертаниями, но «бескрайняя самая большая страна в мире», во главе которой стоит «самый важный в мире» правитель (царь, генсек, президент), которая призвана быть «главной державой в мире» и на алтарь величия которой необходимо приносить постоянные жертвы.

Неудивительно, что в гражданско-политическом (не путать с культурно-языковым!) отношении «национальное самосознание» такого типа «снизу» само по себе не воспроизводится. Условно говоря, оно существует лишь до тех пор, пока где-то за спиной незримо угадываются «колючая проволока и заградотряды» вездесущего державного Левиафана.

Русское национальное самосознание в его гражданско-политической части до известной степени можно сравнить со стокгольмским синдромом¹, если определить российскую власть как агрессора, а общество — как его беззащитную жертву. Едва ли не в наиболее яркой и гротескно наглядной форме этот феномен перманентного «завоевания» правительством собственного народа описал еще М.Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города».

Как только великое российское государство, принудительно организующее «русский народ» в единое державное целое, по тем или иным причинам перестает быть актуальным, русское национальное самосознание сразу же перестает работать как политически мобилизующий фактор. Вместо него «автоматически» включаются механизмы региональной самоорганизации.

Стоит еще раз подчеркнуть, что речь идет именно о гражданско-политических самосознании и самоорганизации, а не о культурно-языковом единстве — гораздо более прочном, глубоком и гибком. Правда, как можно заметить по некоторым действиям нынешнего российского руководства, оно всерьез уповает на то, что русский культурно-языковой код поможет Кремлю мобилизовать общерусский гражданско-политический потенциал². Не менее серьезные надежды, судя по всему, возлагаются и на апелляцию к русской исторической памяти³.

Расчеты эти, если они и вправду существуют, вряд ли стоит признать состоятельными. Как показывает весь опыт истории Нового времени, языковое,

¹ Подробнее о Стокгольмском синдроме см.: Почебут Л.Г. Стокгольмский синдром. URL: <http://psyfactor.org/lib/pochebut2.htm>

² См.: Премьер сориентировал диаспору. Дмитрий Медведев пообещал финансировать продвижение русского языка за рубежом. URL: <http://www.vz.ru/politics/2012/11/3/605577.html>

³ На праздничном приеме в Георгиевском зале Кремля глава государства выступил с речью, в которой подчеркнул: есть мощная сила, которая веками создавала великую державу и помогала в борьбе с врагами и внутренними междоусобицами, — это дух единства. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/362963/#ixzz2BxR6k4Hq>

конфессиональное, историко-культурное и даже этническое единство сами по себе являются весьма зыбкими факторами гражданско-политической консолидации (язык великого Шекспира и этническая родственность, как известно, ни на одну лишнюю секунду не задержали США в имперских объятиях Великобритании). И наоборот, фактор территориального единства оказывается решающим.

ОРДЫНСКОЕ ТАВРО

В том, что русское национальное самосознание, созданное государством «сверху», лишено конкретного территориального фундамента и потому неспособно породить феномен «низовой» гражданско-политической самоорганизации, ничего иррационально непостижимого нет. Причины такого положения дел уходят своими корнями в древнее московское прошлое.

Первоначально оформившаяся не как независимое государство, но как улус Золотой Орды, то есть, по сути, как колониальная администрация, московская государственность в дальнейшем, после того как зависимость от Орды исчезла, сохранила и пронесла сквозь столетия изначальный «ордынский» тип взаимоотношений власти и общества.

В основе этих отношений:

- «колониально-данический» (недоговорной) принцип распределения прав и обязанностей между правящим классом и классом управляемых;
- отсутствие обратных связей и вертикальная top-down-проводимость всех государственных импульсов;
- усеченный — в угоду авторитарной власти — пакет гражданских свобод;
- тотальный запрет на независимую политическую деятельность.

Московское государство (включая, с определенными оговорками, и петербургский период его истории), основанное на этих принципах, унаследовало от монгольской империи также стремление к перманентной внешнеполитической экспансии, успех которой напрямую коррелировал с внутривнутриполитической стабильностью державы.

Абсолютное большинство территорий, из которых состояла Российская империя и из которых состоит РФ, были присоединены в той или иной степени насильственно. Даже в тех случаях, когда имел место договорный формат вхождения какой-то территории в состав России, в будущем эта земля лишалась права участвовать в решении вопросов о любых изменениях своего политического статуса и де-факто превращалась в российскую провинцию.

Насильственным образом были присоединены к Московскому государству и большинство восточнославянских земель, включая огромный массив новго-

родских владений, а также земли Твери, Рязани, Пскова, Смоленска, Суздальско-Нижегородского княжества, Вятки и др. Более отдаленные территории России — Поволжье, Урал, Сибирь, Кубань и ряд других, где со временем стало доминировать православно-восточнославянское население, также были завоеваны.

Таким образом, русский народ, упрощенно говоря, представляет собой совокупность потомков православных восточных славян (новгородцев, псковичей, тверичей, рязанцев, ярославцев, нижегородцев, смолян, волжских, кубанских и яицких казаков, etc.), некогда насильственно интегрированных в московскую имперскую государственность.

На протяжении истории России русский народ выступал в роли формально наиболее привилегированного (по причине этноконфессиональной родственности имперскому центру), а фактически — наиболее эксплуатируемого имперского этноса, на плечи которого была взвалена основная часть тягот, связанных с финансовым и военным обеспечением российских государственных нужд.

В силу формирования русского этноса «сверху», со стороны власти, а не «снизу», со стороны «земли», у него отсутствует своя, исконная этническая родина с более или менее четкими очертаниями. Русский народ размыт по всей территории России. Выделить из нее собственно «Русь» в итоге совершенно невозможно. Прежде всего потому, что, как уже было сказано выше, этой «этнической Руси» не было изначально.

Точнее, изначально было небольшое княжество Ивана Калиты, признать которое аутентичной «Русью» означало бы назвать 90% российских территорий «Нерусью».

Таким образом, в основу русской национальной идентичности изначально была положена не идея «родного дома», стены которого необходимо крепить и защищать, а идея великого государства, противостоящего всему внешнему миру и постоянно расширяющего свои внешние рубежи.

Слабым местом такой — государственнической — национальной идентичности является то, что, как нетрудно понять, она не слишком надежна. В отличие от любой, самой маленькой, самой бедной и самой исторически неблагополучной территории, которая, как бы ни складывалась ее судьба, будет существовать всегда, государство — даже самое богатое и мощное — в один прекрасный момент может ослабнуть, впасть в кризисное состояние или вовсе рухнуть. На время либо навсегда.

РЖАВЫЕ СКРЕПЫ

И потому, если бы в основе русской национальной идентичности лежала одна лишь государственная идея, история России и русского народа оборвалась бы еще в начале XVII века, в эпоху Смуты.

Однако был и второй идеологический обруч, который на протяжении столетий скреплял русское национальное самосознание, — православная вера. Ее политический смысл состоял в утверждении праведной исключительности российской государственной власти («Москва — Третий Рим») и необходимости в силу этого для всех православных сохранять безусловную лояльность своему правительству, каким бы тягостным для общества оно ни оказывалось в конкретных своих проявлениях.

К началу XX века православный обруч, скреплявший русское народное самосознание, а вместе с ним и государство в целом, заметно проржавели. В итоге, когда в феврале 1917 года лопнула самодержавная скрепа, вся имперская конструкция уже к 1918 году разлетелась в щепы. А точнее, распалась на земли, из которых когда-то была насильственно сколочена.

Воссоздание российской империи, осуществленное большевиками в 1919–1921 годах, сопровождалось появлением двух конструктивно новых, однако функционально прежних обручей, призванных скреплять русское национальное единство. «Страна Советов — страна победившего социализма» в этом плане оказывалась полным функциональным аналогом «Святой Руси».

Крах коммунистической модели великой российской государственности, случившийся в 1990–1991 годах, вновь, как и в начале XX века, немедленно запустил процесс стихийной регионализации, который затронул не только национальные окраины и анклавов, но и многие «собственно русские» территории (регионы Сибири, Урал, Кубань и др.).

Правда, в отличие от событий 1917–1918 годов крах централизованного государства в начале 1990-х не был тотальным. Через некоторое время, оправившись от перестроечного шока и опираясь на традиционные финансовые и административно-полицейские рычаги, оно перешло в реставрационное наступление и смогло восстановить на территории РФ имперскую управляемость.

В идеологическом плане имперская реставрация, однако, оказалась неполноценной. Государственническая идея хотя и не исчезла полностью, заметно поухля в результате крушения СССР и утраты Россией значительной части бывших имперских владений, а заодно и статуса одной из двух главных мировых сверхдержав. Что же касается идеи «праведной исключительности» российского государства, то здесь в обществе скорее сформировалось нечто прямо противоположное — априорное недоверие к государству как корпорации «жуликов и воров» и моральное отторжение от него.

В силу сказанного нетрудно предположить, что очередной политический обвал, близость которого — в силу всего, о чем шла речь выше, — становится все более очевидной, будет сопровождаться неизбежной и весьма быстрой «стихийной» региональной самоорганизацией.

МЕЧТЫ МАТЕРИАЛИЗУЮТСЯ?

Тот факт, что в случае гипотетического общегосударственного кризиса национальные республики, входящие ныне в состав РФ, в той или иной степени устремятся к независимости, вряд ли требует специальной аргументации. Хотя степень выраженности центробежных трендов в различных национальных республиках, разумеется, сегодня далеко не одинакова.

Менее очевидной может показаться готовность «собственно русских» регионов к политической самоорганизации, автономной от Москвы. Однако при ближайшем рассмотрении ростки будущих региональных сепаратизмов отчетливо различимы.

Наибольшую потенциальную готовность к тому, чтобы при соответствующих обстоятельствах перевести разговор о политической независимости в практическую плоскость, среди прочих «русских регионов» традиционно выказывает Сибирь. Это и неудивительно: во-первых, за плечами сибиряков почти двухсотлетняя традиция сибирского областничества, во-вторых, в их потенциальном активе — сырьевые богатства, которыми ныне полнятся кремлевские золотовалютные закрома.

«Здесь, за Уралом, могла быть построена великая сельскохозяйственная держава посильнее Канады или Австралии, — сокрушались сибирские публицисты еще в самый в разгар тучных нулевых. — Но Сибирь не превратилась в Новый Свет», она «стала жить по планам, написанным в Кремле». И вот результат: «Все соки наши высасываются Москвой. Гигантские корпорации олигархов качают наши богатства в московские банки... При дележе в парламенте мы имеем скудное представительство, несопоставимое с нашим вкладом в национальную экономику. Как и при коммунистах, страна горбит на образцовый город вождей. <...> Мы не можем даже туристический бизнес на Байкале построить. А знаете почему? Подсознательно уверены — все отберут»¹. «Сибирь была и остается внутренней колонией страны под названием Россия, — с горечью писал Ю. Пронин в «Байкальских вестях» в 2004 году и грозно продолжал: — Если... могущество России будет прирастать Сибирью, а Сибири по-прежнему будут кидать кости с барского стола, то зачем и кому нужна “территориальная целостность” Российской Федерации? Во всяком случае, не нам, сибирякам... Другими словами, пора предметно, без лишних эмоций обсудить перспективу создания Государства Сибирь...»².

Регионал-патриотическая риторика на протяжении последних лет была востребована в Сибири не только в журналистском кругу, но и в массе избирателей, которые охотно голосовали за кандидатов, эксплуатирующих местниче-

¹ Симоненко В. Россия как колония Москвы // СМ. 2004. № 1. 12 авг.

² Пронин Ю. Государство Сибирь: факт или химера? // Байкальские вести. 2004. 15 апр. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1095883260>

ские настроения. Приверженность такой риторике порой выказывали и сибирские чиновники, независимо от их партийной принадлежности. Так, в 2003 году руководитель комитета по делам национальностей администрации Красноярского края Марк Денисов (к слову, сторонник лояльности центру и противник излишне радикального сибирского областничества) заявил: «Существует сибирский субэтнос, и красноярцы являются одной из точек его роста», после чего многозначительно добавил фразу (воскрешающую в памяти сецессионистскую риторику техасского губернатора Рика Перри, цитированную выше): «Поэтому быть или не быть сибирскому сепаратизму, зависит от разумной политики федерального центра, России, нации, народа»¹.

За прошедшие годы новейшее сибирское областничество продолжало развиваться и идеологически ветвиться. В настоящее время существует несколько структур, развивающих идею сибирской независимости. Лидер одной из них — «Освободительной армии Сибири» (ОАС), возникшей в 1998 году и позднее «по “совету” спецслужб»² переименованной в «Областническую альтернативу Сибири», — Михаил Кулехов уверен, что тема сепаратизма сегодня универсальна и актуальна отнюдь не только для Сибири: «Свой “сепаратизм” есть в Питере, в Новгороде Великом, в Рязани и Казани, в Краснодаре и Брянске и даже в Москве. Я думаю, что будущее “оппозиции” именно в этом, а не в “Роспиле” Навального или в “честных выборах” Немцова. Золотая Орда у Руси забирала 10% — и это называлось татарским игом. А как назвать, когда забирают 70%? Мы видим, что в рамках нынешнего устройства эти проблемы решаться не будут никогда».

Как отмечает «Коммерсантъ-Власть», протестная кампания «Я сибиряк!» стала самой успешной во время последней переписи населения. По оценкам автора идеи — еще одного идеолога сибирского областничества начала XXI века Дмитрия Верхотурова, — сибиряками в 2010 году записалось около 4,1 млн человек. Росстат, правда, утверждает, что «сибиряков» набралось существенно меньше 400 тыс. человек, а потому их даже нельзя включить в «таблицу национального состава». В местной прессе называли еще более приятную для кремлевского недреманного ока цифру — 4 тыс.³ Ясно, однако, что в данном случае важны не заявленные цифры, а тенденция.

Вот какой увиделась корреспонденту журнала «Коммерсантъ-Власть» одна из важнейших предпосылок современного сибирского сепаратизма: «Билет в купе на поезд Новосибирск — Москва за 7 тыс. руб. сравним с биле-

¹ Красноярский край: руководитель комитета по делам национальностей администрации края Марк Денисов: «Существует Сибирский субэтнос, и красноярцы являются одной из точек его роста». URL: <http://pda.regnum.ru/news/133900.html>

² См.: Герасименко О. «Как колонией была, так и останется» // Коммерсантъ-Власть. 2012. № 15 (969). URL: <http://kommersant.ru/doc/1907724>

³ См.: Там же.

том на самолет до столицы. Железная дорога перегружена. Лететь за границу дешевле через Китай или Турцию, чем через российские перевалочные пункты. Например, улететь из Новосибирска в Берлин с остановкой в Стамбуле стоит 16 547 руб., а если через Москву с прилетом на следующий день — почти 20 тыс. Уже сейчас недалеко от Хабаровска в приграничном городе Фуюань достраивается китайский аэропорт, пропускная способность которого через восемь лет должна составить 157 тыс. пассажиров в год. Местные жители говорят, что, как только китайцы запустят аэропорт, крупный хабаровский аэропорт, через который проходят почти все сибирские рейсы, «схлопнется», главное будет — добраться до Пекина, откуда каждый день есть несколько рейсов почти во все крупные города мира»¹.

Корни сибирского областничества, однако, уходят глубже, и то, что в ходе недавно состоявшегося в Новосибирске шествия «За честные выборы» о себе заявила отдельная «Сибирская колонна» с бело-зелеными сибирскими флагами и лозунгом, позаимствованным у басков, «Демократия — это право народа на самоопределение»², объясняется не только завышенными ценами на железнодорожные билеты или несправедливостью в распределении налогов между федеральным центром и сибирскими регионами. Сибиряки все более настойчиво хотят стать полноправными хозяевами собственной земли. Экономические аргументы выступают в данном случае скорее как идеологическая обертка, нежели как истинное содержание их центробежных устремлений.

Сходная картина на Дальнем Востоке, где еще в начале 2000-х был отмечен феномен «рыбного сепаратизма». «Тихоокеанский вестник. Деловая рыбацкая газета» писала в ту пору: «Москва де-факто раскрылась в своем стремлении сломать экономику Дальнего Востока. Дальневосточные рыбацкие окраины все более и более подталкиваются извне к идее сепаратизма»³.

Помимо обычных экономических претензий к федеральному центру, Дальний Восток де-факто подталкивает к сепаратизму демографическая ситуация, складывающаяся в регионе.

В Дальневосточном федеральном округе, который занимает треть РФ, проживает всего 4% населения России — 6,2 млн человек. Население Приморья — 2 млн, Владивостока — 600 тыс. «В тысячекилометровой зоне вокруг города (в Южной Корее, Японии, Китае, КНДР) — зоне часовой доступности для самолета и девятичасовой для поезда — живет около 414 млн человек, — комментирует эти цифры «Коммерсантъ-Власть». — Это единственный город России со

¹ Цит. по: Герасименко О. «Как колонией была, так и останется».

² См.: Там же.

³ Великодержавье. Дальневосточные рыбацкие окраины все более и более подталкиваются извне к идее сепаратизма // Тихоокеанский вестник. Деловая рыбацкая газета. 2003. 13 марта. URL: http://www.npacific.ru/np/gazeta/2003/?n=5&id=582&nb=582_1&d=0

столь мощным окружением. Вокруг Москвы на таком же расстоянии живет менее 100 млн человек. При этом в зоне вокруг Владивостока ежегодно создается ВВП на сумму около \$ 7 трлн — почти в четыре раза больше ВВП России. И находясь в зоне такой экономической концентрации, больше 20% жителей Приморья живут за чертой бедности».

Неудивительно в этой связи, что несколько лет назад руководитель управления по инвестициям администрации Владивостока Николай Матвиенко предложил сдать половину города в аренду Китаю. «У нас тут не сепаратизм, — пояснил он. — Просто шило выперло в этой части мешка, — уверен Матвиенко... — Люди, те, что уезжают из этой страны в одиночку, и те, что предполагают “отъехать” целыми территориями, в сущности, думают одинаково. Они не верят в способность власти грамотно управлять»¹.

Сходные настроения и тенденции существуют сегодня и во многих других регионах РФ.

Не умерла и продолжает бродить в умах местных интеллектуалов и общественных активистов идея Уральской республики².

На Русском Севере беспокойство федеральных чиновников и местных спецслужб вызывает крепнущая идея поморской национальной идентичности, ориентированной на тесную региональную интеграцию с Норвегией³.

Балтийская республиканская партия, которая в 2005 году была вынуждена преобразоваться в Калининградское региональное общественное движение «Республика», продолжает выступать за возвращение бывшей Восточной Пруссии в Европу⁴.

С середины 1990-х годов развивается идеология петербургской политической независимости⁵, ныне существующая в нескольких идейно-организационных вариациях: сторонников автономии Петербурга, образования отдельного государства Ингерманландия в границах Санкт-Петербурга и Ленобласти⁶ и, наконец, образования Республики Санкт-Петербург как независимого балтийского города-государства⁷.

«Сепаратистские» идеи в последние годы захватили даже столицу РФ, где

¹ Цит. по: Герасименко О. «Мы не за сепаратизм, мы против Москвы» // Коммерсантъ-Власть. 2012. № 19 (973). URL: <http://kommersant.ru/doc/1930145>

² См.: Она же. «Местных ставить нельзя — они договорятся и устроят республику» // Там же. 2012. № 26 (980). URL: <http://kommersant.ru/doc/1966881>

³ См.: Она же. «Мы на своей земле не хозяева» // Там же. 2012. № 23 (977). URL: <http://kommersant.ru/doc/1947315>

⁴ См.: Швиртц М. Недовольство на западном аванпосте России. URL: <http://www.medianews.com.ua/prensa/inonews-7500.html>

⁵ См.: Петербург без России: Pro Et Contra. Материалы газетной дискуссии о политическом статусе Санкт-Петербурга. СПб., 2004.

⁶ См.: Шаву В. Русская Ингерманландия. URL: <http://www.uusikotimaa.org/14/027.htm>

⁷ См.: Коцюбинский Д. Петербург в XXI столетии — независимое государство, член Евросоюза. URL: <http://kotsubinsky.livejournal.com/259327.html>

сторонники так называемого Залесья выступают с идеей перенесения столицы московского региона в другой город.

«Что есть Залесье? — пишет идеолог этого движения Алексей Широпаев. — Строго исторически, это регион Золотого Кольца, Владимиро-Суздальская Русь... Однако сейчас вполне уместно именовать Залесьем всю территорию Центрального федерального округа (по площади это больше Германии)... Сразу возникает вопрос: какое место в проекте “Залесье” займет Москва? Сразу и ответчу: только не в качестве столицы Залесья, ни в коем случае. Ни при каких условиях нельзя дублировать москвоцентрическую схему, которая сразу же начнет регенерировать имперские стереотипы, а в конечном счете и саму Империю. Москву как Центр необходимо раз и навсегда дезактивировать. Да, Москва — мегаполис, но при этом, как и Нью-Йорку, ей совсем не обязательно быть столицей. Столицей Залесья разумнее сделать нормальный, не патологический русский город вроде Владимира или Ярославля. Москве же можно предоставить особый статус, скажем, свободной экономической зоны (технополиса). Пусть и дальше возводит сингапурские небоскребы (без ущерба своей исторической части), мы ее даже полюбим такую — при условии, что бывшая столица будет щедро делиться своими прибылями с остальным Залесьем. Только так, стимулируя европейское становление Залесской Руси, Москва сможет исправить свою историческую “карму”»¹.

В последнее время российские теоретики-регионалисты предпринимают попытки обобщить разрозненные регионалистские опыты и выстроить на этой основе комплексные прогнозы. Идеолог карельского регионализма Вадим Штепа, в частности, полагает, что у России как единого государства есть шанс сохраниться, но лишь в случае радикальной регионализации: «Если... назревшая регионалистская трансформация осуществится мирным и ненасильственным путем, слово “Россия”, возможно, станет географическим аналогом слова “Европа”... <...> Если же российская имперская традиция будет всячески препятствовать этой регионалистской трансформации, тогда слово “Россия” (и страну, которая так называется) постигнет судьба Римской империи»².

БУДУЩЕЕ НЕИЗБЕЖНО

«В любой стране сепаратизм отнюдь не сводится к проискам “антигосударственных” элементов. Его источниками обычно являются и диспропорции в развитии отдельных регионов, и игнорирование центральными властями специфики отдельных территорий, и внешнеполитические факторы. Наконец,

¹ Широпаев А. Залесье: Обретение Родины. URL: <http://shiropaev.livejournal.com/15017.html>

² Штепа В. Interregnum. 100 вопросов и ответов о регионализме. Петрозаводск: ИП Цыкарев Алексей Васильевич, 2012. С. 78.

нередко он становится результатом умственных “упражнений” местной интеллектуальной элиты, стремящейся предложить оригинальный “проект будущего”. Все эти источники в современной России налицо» — так оценивали ситуацию, складывающуюся в стране, эксперты Центра коммуникативных технологий «ПРОпаганда» Михаил Виноградов и Андрей Ядыкин в начале 2000-х годов. Правда, затем они делали вывод, что в нынешней России все сепаратизмы, за исключением чеченского, носят маргинальный характер и что «политических сил внутри страны, способных поставить под угрозу территориальную целостность РФ, в настоящее время нет»¹. Ключевым словосочетанием здесь, как представляется, было «в настоящее время». Ибо, как было подробно сказано выше, в ситуации общегосударственного политического кризиса «маргинальные центробежные силы» оказываются способны в одночасье стать реальными и даже неодолимыми.

Можно, конечно, оценивать такую перспективу как «катастрофу» и всячески пытаться ее предотвратить, в том числе ценой изоляции России от внешнего мира по образцу Китая времен династии Цинь, хотя вероятность такого проекта представляется ничтожной.

Но можно попытаться взглянуть в будущее по-иному, понимая, что, в конечном счете, государства приходят и уходят, а регионы остаются. И задача, которая стоит перед Россией и перед миром в целом в этой связи, — не пытаться подлатать исторически обветшалые и давно ползущие по швам государственные формы, а обрести новые, более удобные и современные политические одежды, чтобы дать начало новому витку человеческой истории.

---

¹ Виноградов М., Ядыкин А. Сепаратизм в современной России // Со-Общение. 2003. № 3. URL: http://vinogradov.h1.ru/2003/co_separatizm.htm

ГЛОБАЛЬНЫЙ СЕПАРАТИЗМ КАК AGENDA ДЛЯ XXI ВЕКА

Материалы круглого стола. Фонд «Либеральная Миссия»,
24 декабря 2012 года

Стоит ли говорить о «поколенческих циклах» в новейшей истории как о политическом явлении глобального характера? Переживает ли сегодня «вестфальско-версальская» международная система моральный кризис? Насколько правомерно считать региональный сепаратизм новой ступенью в развитии либеральной демократии? Над этими вопросами предложил задуматься участникам очередного круглого стола в «Либеральной Миссии» петербургский историк и публицист Даниил Коцюбинский. С полным текстом его доклада «Глобальный сепаратизм как преодоление “конца истории”, или Что таит революция в маске?» можно ознакомиться на сайте фонда. В обсуждении приняли участие политологи Ирина Бусыгина, Дмитрий Травин, Михаил Филиппов, Вадим Штепа, культуролог Игорь Яковенко и другие эксперты. Ведущий — вице-президент фонда «Либеральная Миссия» Игорь Клямкин.

Игорь КЛЯМКИН: Добрый вечер, коллеги. Сегодня мы будем обсуждать доклад Даниила Коцюбинского о глобальном сепаратизме. То есть о сепаратизме как возможном будущем всего человечества. Полный текст доклада размещен на нашем сайте, и вы могли с ним предварительно ознакомиться. Кстати, текст этот вызвал большой интерес, став одним из лидеров по посещаемости.

Я рад, что мы можем обсудить предложенную Даниилом Александровичем тему. В том числе и потому, что мы очень редко обсуждаем проблемы России в мировом контексте, а когда обсуждаем, то это в основном касается экономики. Более общие и фундаментальные вопросы мирового развития на наших собраниях почти не затрагиваются, и сегодня есть возможность этот пробел хотя бы отчасти восполнить.

Соображения, высказанные в представленном тексте, можно рассматривать прежде всего как прогноз. Как проект их вряд ли можно рассматривать, для этого они недостаточно конкретны. Но это все же идеологически акценти-

рованный прогноз, прогноз-идея. Ее осуществление автору представляется желательным, причем, обращаю ваше внимание, именно с либерально-демократической точки зрения.

В подтверждение своего прогноза Даниил Александрович указывает на определенные симптомы, свидетельствующие, по его мнению, о том, что вектор мирового развития направлен в сторону регионализации. Ссылается он и на обнаруженные им поколенческие циклы происходящих в мире изменений, которые тоже брошены им на помощь его идее в качестве теоретического обоснования. Под этими углами зрения я бы и предложил обсуждать доклад. Во-первых, с точки зрения рельефности симптомов, на основании которых строится прогноз, а во-вторых, исходя из убедительности либо неубедительности предложенной поколенческой схемы. Хотя, разумеется, если кто-то предпочтет другие ракурсы, я возражать не буду. Не забудем только, что глобальные тенденции и перспективы интересуют нас и под углом зрения тенденций и перспектив развития страны, в которой живем.

Коротко о докладчике. Он очень известный человек в интеллектуальных кругах Санкт-Петербурга. В Москве, может быть, меньше известный, поэтому я несколько слов о нем скажу. Насколько я представляю, человек он никем и ничем не ангажированный — кроме разве что собственных представлений о прекрасном и безобразном. Даниил Александрович, если я что-то совру, вы меня поправляйте...

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Пока все точно.

Игорь КЛЯМКИН: Он историк. Преподает в Санкт-Петербургском государственном университете. Одновременно он журналист и публицист. В прошлом редактор. В разное время был главным редактором трех петербургских газет.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Наверное, только хотел быть. А был заместителем главного редактора газеты «Дело» и редактором отделов политики еще в двух газетах — «Час пик» и «Смена».

Игорь КЛЯМКИН: Не знаю, откуда у меня предрасположенность повышать вас в статусе. Даниил Александрович пишет в основном на политические и исторические темы, многие его тексты собраны в нескольких изданных им книгах. Он очень жесткий интервьюер, что могли почувствовать некоторые московские оппозиционные политики во время бесед с ним. Печатается на сайте «Эха Москвы», очень часто присутствует в «Росбалте». До закрытия питерской студии «Радио Свободы» регулярно в нее приглашался, я его всегда с интересом слушал. Был замечен и в политике, какое-то время состоял в партии «Яблоко». А потом оказался единственным в этой партии человеком, который после начавшихся визитов Григория Алексеевича Явлинского в Кремль

предложил ему подать в отставку. После чего, понятно, в партии состоять перестал.

Вот таков наш сегодняшний гость, которому я и предоставляю слово для вводного сообщения.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: «Глобальный сепаратизм представляется мне неким ключом к цивилизованному будущему человечества в XXI веке»

Прежде всего, я хочу поблагодарить фонд «Либеральная Миссия» за такую прекрасную возможность, которая мне предоставлена, — выступить с моими скромными тезисами. Хочу персонально выразить благодарность Игорю Клямкину и Татьяне Кутковец за большую моральную поддержку, которая была ими мне оказана на протяжении нескольких месяцев, пока шла подготовка текста. Последняя его часть была прямо написана по предложению Игоря Моисеевича, потому что изначально я вообще не хотел включать раздел про Россию. Дело в том, что я столько уже текстов про нее написал, что в какой-то момент у меня возникло внутреннее ощущение самоинтоксичированности от рассуждений о «грядущем крахе Российской империи». И мне захотелось взять паузу и порассуждать о мире в целом. Но оказалось, что какая-то прикладная составляющая этого текста, адресованная именно российскому читателю, российскому собеседнику, все же необходима. И разумеется, я считаю, что мне был дан правильный совет, потому что, пока я писал этот российский раздел, какие-то новые интеллектуальные молекулы в мозгу зародились и сцепились...

Вообще, по моему глубокому убеждению, хороший доклад (равно как и хорошая статья) — это доклад, в котором есть всего один тезис. Один тезис и, соответственно, аргументы, которые подтверждают его справедливость. Увы, в моем докладе будет несколько тезисов. Поэтому я заранее понимаю, что он уязвим для критики и его легко атаковать с флангов, по линии сцепок между тезисами, которые я буду пытаться соорудить. Поэтому я, во-первых, выношу априорную благодарность тем, кто будет подвергать критике мои рассуждения, а во-вторых, призываю оппонентов к некоторому интеллектуальному снисхождению, учитывая сложность задачи, когда докладчик вынужден от одного пункта переходить к другому. И тем не менее по-другому у меня, увы, не получится.

Суть гипотезы, которая положена в основу моих рассуждений, заключается в том, что в XXI столетии главная политическая интрига будет заключаться в «вылуплении» новых государственных образований регионального масштаба из старых государств. Государств, привычно именуемых нами национальными, хотя они условно национальные, о чем я чуть позже, наверное, еще скажу.

Отправной точкой рассуждения я бы хотел взять феномен, который всем уже даже немного примелькался, но который еще год-полтора назад воспринимался как неожиданный и удивительный, когда одновременно в разных

частях света — в Америке, на Арабском Востоке, в России — вдруг пробудились протестные движения. И в Европе тоже, кстати сказать. Но Европа более бурлящее политическое пространство, поэтому там это, может быть, не так бросилось в глаза.

С чем это связано? Естественно, первое, что приходит на ум касательно западного мира, когда мы говорим о протестных движениях (движении Occupy Wall Street, победе левых на выборах в Германии, многотысячных манифестациях во Франции, активизации сепаратистов в Шотландии и Каталонии), — это экономический кризис. В Европе кризис зоны евро, а в США, соответственно, последствия кризиса 2008–2009 годов. И вроде бы такие аргументы имеют под собой основание. Но ведь экономические проблемы существовали всегда. И нельзя сказать, чтобы сейчас, особенно в России, они вдруг особенно усугубились. Мои студенты пишут в своих эссе, посвященных текущей политике: «Нет, мы живем хорошо. Но жить противно. Мы не хотим больше так жить».

Я думаю, что примерно такие настроения характерны и для молодежи в других странах. У меня, кстати, в прошлом году учились американские студенты, и они говорили примерно так же: «Мы устали находиться в бушевском застое, в этом совершенно лживом, оторванном от народа политическом контексте, где власть США от нашего имени воюет за рубежом, хотя мы этого не хотим, где власть позволяет корпорациям обогащаться, а мы вынуждены с трудом выплачивать образовательные кредиты...»

Одним словом, эта экономическая аргументация скорее является формой проявления какой-то иной субстанции, иной — внеэкономической — сущности. Почему одновременно в разных точках земли вдруг воспламенились в первую очередь молодые, а во вторую очередь и не столь молодые поколения (ведь молодежь в данном случае выступает своего рода инструментом создания атмосферы недовольства и ожидания радикальных перемен, которой начинают дышать и другие поколения)? Если задуматься об этом, то выявится довольно жесткая закономерность.

Новейшая история, история XX–XXI столетий, развивается по принципу смены молодежных революционных циклов, между которыми каждый раз пролегают 21–23 года. То есть время, в течение которого вырастает «застойное поколение». Оно не боится революции, потому что никогда ее не видело. Оно не разочаровано неудачами предшествующей революции, не обременено рухнувшими иллюзиями. И наоборот, оно хочет хоть чего-то новенького, остренького и радикальненького. В 21–23 года эти люди только окончили институт либо еще учатся на старших курсах. И вот именно они выходят в жизнь и создают вышеупомянутое настроение. С момента окончания Первой мировой войны, то есть с 1918 года, до начала Второй мировой — 1939–1941-й — прошло 21–23 года. Потом с 1945-го по 1966–1968-й (то есть до момента максимального взлета молодежной революции 1960-х) также прошло 21–23 года.

При этом совсем необязательно воспламеняются все, везде и сразу. Какой-то локальный молодежный кластер является инициатором этого всемирного бурления. Кто-то выстреливает первым. В 1968 году это был, условно говоря, Запад: Америка, Великобритания, Франция, Германия — ведущие страны золотого миллиарда. А спустя 21–23 года таким застрельщиком оказался Советский Союз. Наступила эпоха Перестройки, которая тоже повлияла на весь мир, тоже радикальным образом переформатировала мировое пространство. И если эту закономерность признать как имеющую право на интеллектуальное существование и прибавить к 1991 году 21–23 года, то мы получаем дату следующего мирового революционного всплеска: 2012–2014 годы.

Впервые мне пришла в голову эта мысль в 2007–2008 годах, на излете второго срока Путина и в начале первого срока Обамы. Помню, я тогда напечатал материал в газете «Дело», где попытался спрогнозировать, что в 2012 году в мире «что-то начнется». И никто из коллег мне тогда не поверил! А началось даже чуть раньше. Если иметь в виду и Америку, и Россию, и Арабский Восток, это где-то конец 2011 года. Таким образом, хотя и примерно, прогноз все-таки сбылся.

В чем специфика нынешнего бунта в отличие от всех предыдущих бунтов, революций, войн? Ведь все эти прорывы, эти импульсы не походили один на другой с чисто формальной точки зрения, потому что мировая война — это одно, а, скажем, сексуальная революция — совсем другое. И тем не менее это каждый раз был прорыв в какую-то новую реальность.

Так вот, в чем отличие нынешнего бунта, если он начался? Отличие его заключается в том, что у него нет позитивной повестки дня. В 1968 году все было ясно: «Запрещено запрещать!», «Даешь полную личную свободу!», «Общество! Прекрати нами манипулировать!», «Отцы, вы нас достали!». Одним словом, идеология полной личной свободы: «Нам надоело быть одномерными людьми, мы хотим быть многомерными!» То есть бунт личности, бунт индивидуума. Плюс к этому, конечно, еще какая-то левозакономическая добавка: социальная справедливость, Маркс, Маркузе и т.д.

Все это являлось неким идеологическим фундаментом молодежной революции 1968 года. Под эту революцию были как бы подложены уже готовые тексты, которые писались на протяжении предшествующих десятилетий: сюрреалистические, битнические, экзистенциалистские, «франкфуртские», ситуационистские — из всех них и выросла потом идеология нового бунта. И мир действительно переформатировался.

Перестройка была, так сказать, 1968 годом для стран Восточного блока. Все то же самое, что выплеснулось на Западе в конце 1960-х, проросло наконец и в посттоталитарных обществах, в которых тогда, в 1968-м, не случилось полноценного идейного переворота.

А вот в 2011, 2012, 2013 годах, как выясняется, бунтарской идеологии нет. Ярче всего это видно на примере того, что происходит в США, — я имею в виду

прежде всего движение Occupy Wall Street. Что они требуют конкретного? А ничего! Они выходят на свои манхэттенские площади и скверики и говорят друг другу: «Давайте обсудим, давайте что-нибудь придумаем!» И ничего придумать не могут, кроме эксгумации каких-то экономических законов и проектов из 70-х, даже 30-х годов XX века, ограничивающих свободу действий корпораций и банков. То есть никакой полноценной политической программы или хотя бы экономической у «окуппантов» нет.

И здесь мы наблюдаем некий парадокс, связанный с тем, что со времени Перестройки, то есть со времени слома биполярной мировой парадигмы, и до настоящего времени мировая общественная мысль не породила никаких «установочных» текстов. Их нет, они просто не написаны. За все это время так и не появилось книг, из которых выросла бы идеология очередного поколенческого обновления.

Почему эти книги не появились? Не потому, что они были не нужны. И не потому, что таких книг не могло быть в принципе. И не потому, что прав был Френсис Фукуяма, сказавший в 1989 году, что история закончилась и западная либеральная демократия как конечный пункт исторического развития теперь будет мирно распространяться по всему земному шару. Эти книги не появились потому, что возник своего рода негласный интеллектуальный консенсус, было наложено некое табу на создание новых идеологий. И вся интеллектуальная жизнь устремилась в русло постмодернистской, постструктуралистской рефлексии, когда идет бесконечная критика существующего положения вещей, бесконечная, опять-таки, эксгумация каких-то остатков, рудиментов прошлых идеологий при отсутствии даже попыток создать что-то принципиально новое.

Наверное, здесь сказался своего рода посттравматический синдром, наступивший у мировой общественности после XX века. Идеологии истекшего столетия до такой степени напугали всех, в том числе интеллектуалов, что в XXI веке стало страшно придумывать что-то новое: «Как бы чего не вышло! Как бы не началось новое большое кровопролитие!»

Но жизнь-то тем не менее все равно продолжает идти. Правда, в данном случае ей приходится идти «вслепую», без идеологии. Однако все равно она движется в том направлении, в каком ей предписано двигаться. И если мы это направление попробуем увидеть, то обнаружим, что во всех точках возбуждения, которые сейчас так или иначе существуют в современном политическом мире, присутствует один и тот же компонент.

Условно его можно назвать «пугающим», но в то же самое время точным и вполне перспективным и мирным, как мне представляется, словом «анархия». Если, конечно, понимать под анархией протест общества и «нижних этажей» государственных зданий против национального государства с его неизбежными авторитарными и бюрократическими обременениями. Одним словом, если понимать под анархией не то, что под ней понимали матрос Железняк и какие-

то хулиганствующие персонажи эпохи Гражданской войны, а то, что старались вложить в смысл этого понятия теории анархизма (в частности, такие, как Петр Кропоткин).

Речь идет об анархистской концепции региональных самоуправляющихся образований. Кропоткин и другие авторы анархистской теории называли их «общинами», «вольными городами» и т.п. По сути же, речь всякий раз шла о демократических республиках регионального масштаба, конфедеративно интегрированных друг с другом. Прообразом свободной общины для Кропоткина был вольный феодальный город. Собственно, это и есть регион *per se*.

Куда стихийно устремляются сегодня все протестующие? И «оккупанты Уолл-стрит», и не согласные с результатами президентских выборов жители южных американских штатов, собирающие подписи за выход из состава США, и обеспокоенные экономической ситуацией жители развитых европейских регионов (Каталония, Шотландия и др.)? Все они так или иначе стремятся к тому, чтобы выразить вотум недоверия национальному государству как скомпрометировавшему себя и не оправдавшему доверия среднего класса, доверия граждан. Все эти оппоненты «большого национального государства» стремятся выработать ту или иную модель либо прямой, либо представительной локальной демократии — с разной степенью, конечно, успешности.

Наиболее утопическими выглядят, разумеется, попытки протестантов с Уолл-стрит создать прямую демократию «прямо на лужайке». Благо там, в США, даже зимой не так холодно, как в России порой бывает летом. В Нью-Йорке можно себе позволить даже в декабре сидеть в палатке и проедать чужие денежки, которые другие американцы выделили «на мирные революционные свершения». То есть «оккупанты» не предпринимают никаких попыток создания устойчиво развивающейся политико-экономической модели. Зато они широко пользуются понятием «анархизм» и считают себя идейными анархистами, реализующими концепцию прямой демократии.

Что же касается сепаратистов Техаса и других южных штатов, то, не называя себя анархистами, они, по сути, также бросают вызов национальному государству. Понятно при этом, что их (так же как и «оккупантов») пока далеко не большинство и что США в ближайшее время не рассыплются на отдельные штаты. Но важно другое.

За последние 150 лет впервые американская общественность, недовольная результатами политики федерального правительства, вместо того чтобы, как это случалось раньше, начать готовиться к следующим выборам и попытаться выбрать через четыре года другого президента, решила перевести разговор в совершенно другую плоскость: «А мы вообще хотим выйти из состава США!» Да, людей, поставивших подписи под обращениями, во всех США пока 700 тыс. Это, разумеется, немного. Однако сам по себе сепаратистский тренд перестал в США казаться заведомо абсурдным, и это куда важнее абсолютных цифр. В

Техасе сепаратистские дискуссии идут, впрочем, уже давно – 25 млн техасцев производят ВВП, равный ВВП России, и этот штат совершенно спокойно может существовать автономно от США.

Точно так же рассуждают сепаратистски настроенные граждане и в Европе. Притом еще более радикально. В США в отличие от Европы над обществом довлеет идея «великой американской миссии», согласно которой XXI век, так же как и век XX, тоже должен быть «веком Америки» (то есть в США у граждан есть помимо региональной еще мощная имперская идентичность). А в Европе имперские грезы давно уже канули в Лету. И поэтому те европейские территории, которые хотят «прорваться в завтра» в виде самостоятельных государств регионального типа, практически уже подходят к финишной прямой.

На 2014 год назначен шотландский референдум о независимости. В Каталонии принят план из шести шагов по достижению полной независимости. Каталонцам приходится сложнее, чем шотландцам. Дело в том, что в Великобритании никто не запрещает шотландцам провести референдум о независимости. Прекрасная страна! В Великобритании нет Конституции. Поэтому там можно, в принципе, все, чего хотят люди. Они могут реализовывать свои права и интересы в пределах Великой хартии вольностей, Хабеас корпус акта и прочих основополагающих документов.

А в Испании есть Конституция, в которой записано, что никто не имеет права отделяться. Поэтому каталонцы и вынуждены были разработать план из шести пунктов. Но в конечном счете они собираются в том же 2014 году одновременно с шотландцами провести референдум о независимости и стать полноценным независимым государством. Если это случится, если у этих двух экспериментов будет позитивный итог, нетрудно предположить, что то же самое произойдет в Бельгии, которая разъединится на Фландрию и Валлонию. В Италии в 2011 году снова активизировались сепаратистские настроения на севере, где функционирует Ломбардская лига. И так далее. Территорий, тяготеющих к независимости, в Европе довольно много. Но в Европе это все происходит в основном мирным, спокойным способом.

Да, я не упомянул, что за океаном есть еще Квебек, который внимательно присматривается к тому, что происходит в Шотландии. И если Шотландия отделится, то и Квебек, судя по всему, проведет уже третий свой по счету референдум о независимости от Канады...

Если же мы теперь переведем взор на ту часть политической карты мира, в которой расположены так называемые развивающиеся государства, то обнаружим едва ли не повсеместно распространенную террористическую и военно-полицейскую активность. Однако практически во всех случаях речь идет не о действиях каких-то метафизических злодеев, а о неразрешенных сепаратистских коллизиях.

Попробуем теперь предположить, что мир вступает в полосу разрешения этих коллизий через предоставление явочным порядком независимости тем

регионам, которые стремятся ее обрести. Если, таким образом, допустить, что преодолевается вестфальско-версальская парадигма (когда каждое государство суверенно и может, грубо говоря, творить все что угодно со своими подданными по принципу *cuius regio, eius religio*¹), если предположить, что этот догмат будет ниспровергнут, то открывается путь не только к разрешению противоречий между Барселоной и Мадридом. И не только к тому, чтобы как-то мягко дезинтегрировать США. Открывается путь к тому, чтобы разрешить массу кровавых конфликтов, которые сегодня раздирают человечество и в Африке, и в Азии, и на территории России.

Логично предположить, что в случае торжества такого международного подхода произойдет неизбежное сокращение потока беженцев, являющегося сегодня для глобального Севера одной из важнейших проблем, с которой он не очень понимает, что делать дальше. Ведь сегодня экономических беженцев с глобального «Юга» все больше и больше. Причем интегрируются в социум «Севера» они все же не так динамично, как приезжают. И это в итоге создает проблемы, осложняющие устойчивое развитие стран Севера.

Если же предположить, что, условно говоря, в Конго не будут каждый год убивать по миллиону людей, то, соответственно, количество беженцев оттуда сократится, поскольку люди там смогут спокойно существовать в рамках тех государств, которые им граждански адекватны. А это, в свою очередь, оздоровит и общую экономико-миграционную ситуацию в мире.

Вот почему то, что я называю глобальным сепаратизмом, есть, как мне представляется, некий ключ к цивилизованному будущему человечества в XXI веке. И сегодня это уже неодолимо прорывается — в форме террористических войн между меньшинствами и правительствами в странах третьего мира (глобального «Юга») либо в форме бесконечного препирательства за налоги и полномочия между регионами и центральными правительствами в странах золотого миллиарда.

Итак, это некий путь и одновременно ключ к решению, оптимально адекватному тем вызовам, на которые XX век к своему исходу приемлемых вариантов ответа так и не нашел. Да, есть косовский прецедент, но он так и остался необъяснимым — с точки зрения права, а не *Real Politik* — исключением из правила.

Теперь, кратко изложив общеполитическую часть, я должен чуть более подробно сказать о России, коль скоро во вступительном слове было заявлено, что мы должны коснуться перспектив того государства, в котором имеем — кто просто удовольствие, а кто и бесспорное счастье — проживать. У меня осталось всего две минуты, поэтому мне будет легко широкими мазками обрисовать эти перспективы.

В XX столетии Россия уже дважды выступила в качестве застрельщика неких глобальных процессов. Поэтому ее пассионарный потенциал, наверное,

¹ Чья страна, того и вера (*лат.*).

можно считать израсходованным. Это видно хотя бы на примере нынешней российской оппозиции, которая не может ни лидера выдвинуть, ни толком что-то внятное сформулировать. Вместо этого со стороны общества раздается какое-то бесконечное унылое скуление, хотя, казалось бы, есть все предпосылки для того, чтобы это был не нудный стон, а такой же задорный крик, как у арабов на Тахрире или на центральной площади в Тунисе. Тем не менее, несмотря на то что, может быть, Россия и не будет застрельщиком новой мировой волны, предпосылок для того, чтобы стать одной из модельных площадок глобальной сепаратизации, у России более чем достаточно.

Во-первых, это единственная страна-гигант, столица которой является самым большим городом страны, концентрирующим львиную долю финансово-экономических активов, транспортных потоков, принимаемых решений по вопросам, касающимся всех уровней, etc., то есть таким городом-пауком, который доит и душит всю остальную территорию, все остальные земли, не давая им устойчиво развиваться.

Во-вторых, это страна, которая не может себе позволить «роскошь» политической модернизации, без чего развитие в XXI столетии просто невозможно. Политическая модернизация в такой многонациональной и никогда не существовавшей в условиях свободы стране всегда приводит только к одному — к моментальному распаду. Едва такое политическое пространство либерализуется, земли, из которых оно состоит, тут же начинают разбегаться в разные стороны, как тараканы с включенной плиты. Так было и в 1917 году. К 1918 году России уже не существовало. Ее большевики затем железом и кровью собрали заново.

Такой же моментальный обвал случился и в 1991–1992 годах. Советский Союз распался, и вслед за тем сразу продолжила расползаться собственно Россия. Ведь Чечня отделилась от России еще даже до того, как рухнул Советский Союз, — мы про это как-то забываем! А Дудаев между тем пришел к власти и провозгласил суверенитет Чечни еще в октябре 1991 года.

То есть, в принципе, процесс понятный. Как только легитимность имперского дракона начинает шататься, как только он начинает чихать, кашлять или у него, допустим, спина начинает побаливать слишком заметно, так — через весьма непродолжительное время — стартуют дезинтеграционные процессы. Потом, когда процесс распада так или иначе завершается или останавливается, люди начинают думать, нужен им был этот распад или нет. Но к этому моменту старая система разваливается безвозвратно.

И последняя мысль. Что произойдет, когда Россия прекратит свое существование как единое государство в ныне существующих границах? Скорее всего, в экономическом плане построссийская территория разойдется по трем направлениям. Уже сейчас наблюдается тяготение разных групп регионов РФ к разным полюсам мировой экономики: азиатско-тихоокеанскому, североамериканскому и евросоюзному. Если исчезнет имперский московский держи-

морда, московская вышка, на которой сидит главный надсмотрщик, то процесс интеграции по этим трем направлениям просто будет осуществляться более свободно и динамично.

Это абсолютно не означает, что внутри построссийского пространства исчезнут связи. Сохранятся общие транзитные «евразийские» функции, никуда не денутся языковые и культурные контакты. Однако макроэкономически разные построссийские регионы просто «уйдут» в разные зоны. То есть никакой евразийский проект, о котором ныне так любит говорить Кремль, мне кажется, Россию не ждет. Ее ждет построссийский проект расхождения по трем упомянутым базовым направлениям.

Спасибо за внимание.

Игорь КЛЯМКИН: Благодарю вас, Даниил Александрович. Надеюсь, под «вышкой» вы имели в виду не Высшую школу экономики?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Нет, конечно! Я имел в виду аутентичную тюремную вышку.

Игорь КЛЯМКИН: Вопросы есть к докладчику? Дмитрий Борисович, пожалуйста.

Дмитрий ЗИМИН (основатель фонда некоммерческих программ «Династия»): Часто приходится слышать, что, кроме тех трендов, о которых вы убедительно говорили, проявляется еще и что-то типа какого-то средневекового религиозного движения — я имею в виду Ближний Восток. Нечто похожее, возможно, мы наблюдаем и в России, где светская власть сливается с православием. Это не глобальный тренд?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Если мы говорим о так называемом исламском ренессансе, то, мне кажется, в этой форме проявляется не стремление мусульман вернуться в Средневековье, а скорее своего рода комплекс неполноценности тех обществ, которые хотят быть, условно говоря, тоже первого сорта, но у которых это пока не очень получается. В этой ситуации и происходит некое педалирование ими своей цивилизационной инаковости. То, что на самом деле арабские общества (особенно молодежь) не стремятся всерьез строить Халифат и жить по фундаменталистским законам шариата, очень хорошо видно на примере того, что сейчас происходит в Египте.

Там, по сути дела, столкнулись две равновеликие части общества, еще недавно одинаково сочувствовавшие свержению авторитарного режима. Да, революция шла под общим приятным для большинства египтян знаменем «демократического ислама»: «Вот у нас будет демократический ислам, то есть политический плюрализм, парламентская демократия и немножечко шариата».

та». Но потом, когда выяснилось, что президент всерьез хочет повести дело к переформатированию светской жизни в менее светскую и более авторитарную, начались массовые протестные движения, и пока трудно сказать, чем это закончится...

Дмитрий ЗИМИН: 50% населения выступают в поддержку такого курса.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Да, 56% проголосовали в первом туре за предложенную президентом Мурси Конституцию. Однако при этом оппозиция заявила, что были нарушения. Но дело даже не в этом. Понимаете, Мурси, если он не скорректирует курс, просто не сможет успешно управлять обществом, где почти половина не хочет жить по законам шариата в их фундаменталистской версии. Значит, это будет некий долгий процесс адаптации утопических революционных лозунгов «демократической исламской революции» к социальной реальности. Тем более что именно наиболее активный революционный класс — молодежь выступает против президентских инициатив. Например, «Движение 6 апреля». А что в Ливии было, когда Аль-Каида убила американского посла? Возмущенные молодые люди отправились громить штаб-квартиру Аль-Каиды.

В пробудившихся арабских странах нет всеобщего движения в сторону архаики. Но ущемленная гордыня, повторяю, есть. Когда я в начале 2000-х был в Тунисе, помню, ко мне подошли два тунисца и спросили по-французски: «А почему вы не изучаете арабский язык»? То есть им хочется, чтобы их уважали. Но при этом им хочется быть современными людьми.

Да, они хотят, чтобы иностранцы уважали их специфику, но, как мне представляется (если говорить о молодом поколении в тех странах, о которых мы сейчас рассуждаем), они отнюдь не стремятся всерьез осуществить то, что осуществила, допустим, иранская молодежь в 1980-м. Современная «арабская весна» — это, как мне кажется, не аналог иранской революции 1980 года. Давайте посмотрим, что будет дальше, события разворачиваются буквально на наших глазах.

Что же касается сращивания российской власти с православием и русским национализмом, я про это более подробно пишу в моем тексте. Может быть, если вы еще не посмотрели, логичнее будет взглянуть — там это подробно аргументировано. Но если вкратце, то русский национализм, все эти уваровские и прочие «триады» («православие, самодержавие, народность», «Россия для русских» и т.д.) как гражданско-политический проект жизнеспособны лишь в определенной ситуации. А именно когда этот курс активно насаждается «сверху». Самим обществом «снизу» он не порождается. Российское общество стихийно (то есть без властного принуждения) не порождает парадигму «православия, самодержавия и народности». Как ни странно, стихийно оно порождает не русско-националистическую и не имперскую, а региональную «парадигму идентичности».

В своей работе я привожу пример — для меня очень убедительный. Я два года отслужил в Советской армии и мог наблюдать за тем, как самоорганизуются так называемые русские. Так называемые — поскольку в Советской армии не было «русских людей» как самоорганизующегося элемента. В солдатском бытовом лексиконе понятие «русский» отсутствовало. Никакого «русского землячества» не существовало. Понятно, что само слово, возможно, и использовалось, но не в земляческо-прикладном смысле, то есть не в плане «низовой» неформальной самоорганизации.

Тот, кто формально — по паспорту — был русским, никогда не поддерживал другого только потому, что другой тоже русский. Русские сознавали себя прежде всего жителями тех или иных регионов. Ленинградец и, допустим, тамбовец были друг для друга такими же разными людьми, как, скажем, ленинградец и татарин. А кавказец и уроженец Средней Азии были более далекими персонажами — притом и для ленинградца, и для тамбовца, и для татарина.

Одним словом, внутри России никакой русской идентичности в гражданско-политическом смысле нет. И прежде всего потому, что нет никакой собственно русской территории. А идентичность всегда привязана к какой-то конкретной и четко очерченной территории. И потому не может быть успешного православно-русского проекта. Успешный проект должен быть привязан к какой-то земле. Но никакой Святой Руси на карте и в жизни нет. Точнее, она есть только в Интернете и в воспаленных мозгах неких бородатых идеологов.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо, Даниил Александрович. Покороче, пожалуйста, отвечайте. Если ответы на задаваемые вопросы есть в письменном тексте, отсылайте к тексту.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Просто других желающих задать вопрос пока не было, поэтому я позволил себе быть многословным.

Игорь КЛЯМКИН: Будут вопросы. Господин Филиппов, пожалуйста.

Михаил ФИЛИППОВ (профессор Государственного университета штата Нью-Йорк, США): Правильно ли я вас понял, что существуют какие-то исторические циклы, связанные со сменой поколений? И что мы сейчас находимся в цикле, который, по вашему мнению, приведет к росту сепаратизма?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: К росту сепаратизма уже привело развитие современного мира. Просто в нынешний пиковый момент «молодежного цикла» может появиться идеологический концепт. Но может и не появиться. Если он появится, процесс ускорится и уплотнится, если не появится — все продолжит течь так же стихийно и разрозненно, как до сих пор.

Михаил ФИЛИППОВ: Но тогда логически из вашего аргумента следует, что все, что нужно сделать государству — тому самому, которое на грани распада, — это немножко подождать, не делая резких движений. Потому что это новое протестующее поколение, как и его предшественники, со временем тоже обуржуазится и у национального государства появится по меньшей мере еще 20 лет, чтобы подготовиться к следующему циклу. Я не прав?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Разумеется, правы. Другое дело, что процесс пред-революционного «самоутомления» захватывает не только молодежь, но и функционеров государства. Они тоже начинают «уставать». Ведь и Перестройка началась не потому, что Советский Союз не мог дальше жить, а потому что самим «начальникам» в какой-то момент просто «все надоело». Да, они были романтиками-шестидесятниками, а нынешнее начальство — сплошь прагматики-нулевика, но и их постепенно утомляет ситуация триумфального тупика. Все равно ведь видно, что не сегодня-завтра что-то случится. А это значит, что кто первый прыгнет с корабля, давшего течь, тот и спасется. Вот так, мне кажется, сработают эти закономерности. Но если говорить чисто абстрактно, то вы правы.

Михаил ФИЛИППОВ: То есть, если говорить о России, стратегия государства, желающего избежать распада, должна быть в том, чтобы просто постараться переждать несколько лет?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Ну да. Просто поморозить еще какое-то количество раз на Болотной площади демонстрантов — вот и все. Но, повторяю, сохранить единство и незыблемость рядов в «верхах» у Кремля может и не получиться. Впереди еще минимум два года перманентного революционного зуда — все же это изрядный срок...

Татьяна КУТКОВЕЦ (социолог, ведущий аналитик IQ-marketing): Вы сказали, что у русских нет этнической консолидации. И объяснили это тем, что нет такой земли — Святой Руси. И ее действительно нет, и это проблема. Все постсоветские годы, а раньше, можно сказать, столетия ее удавалось камуфлировать какими-то разнообразными — более удачными или менее удачными — «объяснялками». Тем не менее факт остается фактом: нет у русских своей земли. У татар есть, у калмыков есть, у всех есть, а у русских нет. Не считаете ли вы, что это может стать некой миной для русского регионализма, как вы его формулируете?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Я не считаю это миной, я считаю это предпосылкой. То есть я с вами в целом согласен. Конечно, это предпосылка того, что в условиях политической свободы гражданский политический проект под названием «Русь» не реализуется, а реализуются региональные проекты.

Татьяна КУТКОВЕЦ: Но тогда получается, что все регионализмы, которые существуют — в Испании ли, в Америке ли — спровоцированы иной мотивацией. Есть Техас — есть техасцы, есть Каталония — есть каталонцы, а у нас, получается, есть некая в большой степени химера...

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Я понял ваш вопрос. Мне кажется, что химера есть только в Москве. Ее жителям и вправду трудно осознать себя какой-то «региональной нацией», потому что Москва — это вроде как вся Россия в целом, только в концентрированном виде. Но вот что такое Карелия, например, в Карелии прекрасно знают. Что такое Сибирь, в Сибири тоже знают. Что такое Приморье — знают на Дальнем Востоке. Что такое Кубань, на Кубани тоже знают. И что такое Поморье, знают архангелогородцы и мурманчане.

Да, конечно, есть Золотое кольцо вокруг столицы, которое «подавлено» образом Москвы и осознает себя частью московского региона. Но это сравнительно небольшая территория.

Так что, мне кажется, проблем с формированием региональных политических проектов, которые будут основываться не на русской идентичности, не появится. Эти проекты возникнут без упоминания слова «русский», на основе той или иной региональной идентичности.

Федор ПОПОВ (Институт востоковедения РАН): Как видно из вашего доклада, опубликованного на сайте, вы активно используете два термина: привычный уже более или менее «сепаратизм» и фонетически более сложный «сецессионизм». Вы как-то разделяете эти два понятия или они для вас синонимы?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Это понятия, сопрягающиеся друг с другом. В чем здесь нюанс? Сецессионизм применим и к политике самого центра. Допустим, центр может проводить сецессионистскую политику по отношению к какому-то своему региону. А сепаратисты — это всегда сами регионалы, то есть те, кто стремится отделить себя. Я так для себя это различаю.

Эрик КУДУСОВ (глава землячества крымских татар в Москве): Я хочу спросить насчет «молодежных циклов». Когда в XX веке эти циклы начались у нас? И какие они?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Как мне представляется, глобальный мир, ориентированный на идею прогресса, сформировался к окончанию Первой мировой войны. Вот с этого момента, с 1918 года примерно, циклы и «стартовали».

Эрик КУДУСОВ: А после 1918 года?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: 1939–1941 годы.

Эрик КУДУСОВ: А потом?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Потом, с 1945 года, когда закончилась Вторая мировая война, начинается новый цикл. Войны мы все-таки исключаем, потому что это экстраординарная ситуация. Потом 1945–1968-й.

Эрик КУДУСОВ: А 1956-й, венгерские события вы пропускаете?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Это не глобальные события. Ясно, что в период застоя где-то что-то происходит, но за свои локальные границы идеологически не выходит. Точнее, выходит не сразу. Строго говоря, подготовка молодежной революции началась как раз в середине 50-х годов XX века. Так что какой-то ветер перемен тогда уже начал дуть, но апогея достиг все-таки во второй половине 60-х, к 1968 году.

Дмитрий ТРАВИН (профессор Санкт-Петербургского Европейского университета): Даниил, уточни, пожалуйста, что ты имеешь в виду, когда говоришь, что в регионах люди четко осознают, кто они. Я, конечно, понимаю, что живу в Петербурге, но я не имею четкого ощущения, что я какой-то такой сильно особый, не российский. И, думаю, не только я. Ведь когда ты в свое время создавал в Петербурге региональное политическое движение, народ тебя не сильно поддержал...

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Дима, хоть ты и действуешь не по правилам, поскольку используешь факты моей биографии, как будто свидетельствующие против моих тезисов, я, конечно, отвечу. Для этого тоже обращаюсь к фактам твоей творческой биографии. Ты работал, по-моему, в газете «Невское время» в 1990-х годах. И вот как раз тогда эта газета провела опрос среди петербуржцев. В те годы еще были свежи в памяти идеи Ленинградской зоны свободного предпринимательства, а Собчак казался чуть ли не самым прекрасным политиком постсоветского пространства. Ну, был такой период, хотя сейчас трудно это даже вспомнить... Так вот, на вопрос «Кем вы себя считаете в первую очередь — петербуржцем, россиянином, кем-то по национальному признаку?» 70% ответили: «Петербуржцем».

В 1993 году в ходе апрельского референдума в Петербурге его жителям был также задан вопрос «Хотите ли вы придать Санкт-Петербургу статус республики?». И большинство опрошенных высказались за придание Санкт-Петербургу статуса республики.

Так что у Петербурга своего рода «плавающая идентичность». В ситуации, когда Петербург «прижимают», у него воспаляется имперская половина мозга и он становится таким «путиноидным городом». В ситуации же, когда вроде как можно вспомнить о том, что «мы — самый европейский город России», тут же

начинается парад инакомыслия: «Мы не просто “провинция у моря”, мы инаки, мы — наследники новгородских каких-то корней...» То есть о Петербурге нельзя судить по сиюминутному состоянию умов в нем. Ибо это состояние умов — плавающее.

Я думаю, что в этом смысле Петербург, может быть, даже отличен от других регионов. Полагаю, у татар, допустим, самосознание более устойчивое. Они каждый год, несмотря ни на какие изменения политического климата, вспоминают о событиях 1550 года. Ну а про Карелию нам, вероятно, расскажет присутствующий здесь представитель карельского регионализма Вадим Штепа. О том, как себя регионально ощущают и сознают жители Карельской республики.

Илья ЛАЗАРЕНКО (сопредседатель Национального демократического альянса): Я хотел бы продолжить тему идентичности. Даниил, вы говорите о том, что региональная идентичность в любом случае будет не русской, а какой-то просто региональной. Но ведь большое количество макрорегионов — таких, как Русский Север, как так называемая Центральная Россия, как Поволжье, — это регионы в основном этнически русские. Почему вы считаете, что их идентичность будет настолько далеко уходить от этнического самосознания, этнического самоопределения, что пропадет само понятие «русское»? Это во-первых.

Во-вторых, по поводу Москвы. Должен с вами не согласиться, так как не считаю, что Москва — это как бы отдельный космос, который существует где-то во Вселенной. Москва — это тоже регион, который тоже имеет свою специфику, и гипотетическая Московская республика могла бы стать вполне полноценным субъектом федерации со своей своеобразной идентичностью. Она не обязана быть таким евразийским, скажем, даже не Нью-Йорком, а Вавилоном, поскольку у Нью-Йорка тоже своя собственная идентичность. Как бы вы это прокомментировали?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Начну с конца, так проще, наверное. Что касается ваших представлений о том, что можно переформатировать Россию в федерацию, я уже об этом коротко сказал. Но еще раз повторю, что империя в федерацию в принципе не превращается. А уж такие государственные образования, как Россия, переобремененные окраинами и завоеванными территориями и вообще структурированные изначально по принципу ордынского захвата и придавливания сверху всех «освоенных» территорий, в федерацию не могут преобразоваться ни при каких, даже самых благоприятных обстоятельствах. Просто потому, что, как только в эту регионально-тюремную по своей природе систему запускается вирус свободы, система немедленно разваливается. И уже потом начинаются рефлексии на тему о том, хорошо это или плохо — то, что империя развалилась.

Но, опять-таки, как показывает постсоветская история, назад все равно ничего не склеивается. Никакая постсоветская федерация на обломках СССР не образовалась. И никакой настоящей, не фиктивной федерации из России не может произрасти в принципе.

Далее. Москва — это не Нью-Йорк. То есть не город, который честно зарабатывает себе на жизнь, не прибегая к внеэкономическому принуждению. Вы только посмотрите, за счет чего живет и процветает Москва. Она живет за счет имперски структурированного госорганизма, когда все решения принимаются в Москве, все ресурсы проходят через Москву, даже транспортные потоки — самолеты все через Москву теперь летают. А если это у нее отнять, то в Москве возникнет куда больше проблем, чем тех бонусов, о которых вы говорили.

И наконец, о том, с чего вы начали, о русской идентичности. Я ведь и в тексте несколько раз подчеркиваю, что не говорю об исчезновении русской языковой и культурно-исторической идентичности. Я веду речь именно о гражданско-политической идентичности, которая лежит в основе свободного государственного строительства «снизу». Понимаете, в США тоже есть английский язык, и в Австралии — английский язык, и в Канаде — английский язык, и везде в школах читают Шекспира, и везде существует англоязычная среда. Рок-н-ролл — тоже единый для Англии и Америки как некий пласт культурный. И многое другое — по сей день. Но тем не менее Америка еще в XVIII веке отделилась от Великобритании. И правильно сделала.

Точно так же и с гипотетическим построссийским пространством. Да, разумеется, граждане в большинстве построссийских региональных государств будут говорить на русском языке, на котором они и сегодня говорят. Но это вовсе не значит, что Архангельску и Кубани надо жить в одном государстве. Это все-таки разные гражданские общности, им не требуется «общерусское» начальство даже в лице такого прекрасного города, как Москва

Виктор КУВАЛДИН (заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова): Даниил, а вот Индия, она ведь еще более хрупкое образование, чем Россия. Она тоже развалится? И если нет, то почему?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Если говорить о тех проблемных штатах, которые уже существуют — Кашмир, Пенджаб, — то, конечно, они должны будут в обозримом будущем отделиться. Как только в мире идеологически стартует сепаратистский тренд, они и отделятся. Но что будет с остальной частью Индии? Я задавал в свое время этот вопрос одному индийскому политологу, спрашивал, почему Индия не разваливается, хотя вроде бы предпосылки для этого есть: этническая пестрота плюс значительная политическая свобода, по крайней мере бо́льшая, чем в России, независимая пресса, партии, выборы...

Он назвал две причины. Обе они рано или поздно, с моей точки зрения, перестанут срабатывать.

Первая причина — это великая сила инерции жизни различных этносов на таком самой природой «сконструированном» полуостровном пространстве Индостана. Индия похожа на огромный и в то же время компактный дом с четко простроенными стенами (по крайней мере, со стороны моря). Это была его первая мысль.

Вторая мысль заключалась в том, что у индийцев нет проблемы межэтнического соперничества. Там нет «старшего брата», потому что все индийцы говорят по-английски. Я думаю, что, если бы англичане не оставили индийцам в наследство английский язык как язык внутрисообщественного общения, Индия бы уже распалась. Но именно отсутствие там преириательств по поводу того, кто из них главнее, и наличие в каждом штате своего особого государственного языка уменьшают межрегиональную и межэтническую напряженность. Хинди ведь не единственный «правительственный» язык в Индии. Такой же точно государственный язык — английский.

К слову, по той же схеме могла бы в будущем возникнуть федерация горских народов Кавказа как неконфликтное сообщество, если там будет функционировать русский язык в качестве общегосударственного. Тогда они как-то смогут, мне кажется, между собой ужиться. Но, конечно, если чеченцы будут пытаться навязать чеченский язык соседям в качестве главного, то такая конфедерация окажется нереальной.

Но в России даже такой вот конфедеративной, не говоря уже о федеративной, возможности нет. Потому что сама конструкция России предусматривает наличие «старшего брата», который навязывает всем остальным свой язык, свою идеологию или религию, свою политику, свою столицу. И все это, разумеется, вызывает напряжение и отторжение.

Одним словом, если бы Россию сколько-то столетий назад завоевали англичане и английский язык стал бы языком внутривосточного общения, то у России, быть может, и появился бы такой же шанс, как у Индии, и она какое-то время смогла бы просуществовать как федерация. Но потом все равно процесс регионализации сделал бы свое дело и каждый регион двинулся бы в будущее самостоятельно.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо, Даниил Александрович. Вопросов больше нет. Сейчас перейдем к выступлениям оппонентов, которых мы попросили подготовиться заранее. Начнет Ирина Марковна Бусыгина. Она автор многих работ, в том числе у нее есть книжка по германским регионам.

Ирина БУСЫГИНА (профессор МГИМО): И по западным, и по восточным.

Игорь КЛЯМКИН: Пожалуйста, вам слово.

Ирина БУСЫГИНА: «Отдельные примеры не могут служить аргументами, подтверждающими реальность глобальной тенденции»

Прежде всего, большое спасибо за то, что предоставлена возможность сюда прийти и обсудить текст, размещенный на сайте. Я буду говорить и о нем, а не только о вашем сегодняшнем выступлении. Я, конечно, понимаю, что вы слегка попытались «обставиться», сказав, что вас можно критиковать и с флангов, и с тыла, и со всех возможных сторон. Да, можно. И по-моему, даже нужно.

Я не буду говорить отдельно про Россию, а буду говорить про ваш общий замысел, потому что, мне кажется, тема России вытекает из общей схемы. Если общая схема верна, то можно говорить и о том, что и рассуждения про Россию тоже верны. Но так ли это?

Предварительное замечание хотела бы сделать такое: этот текст меня очень взбодрил, просто чрезвычайно. Я чувствовала бодрость на протяжении всего его прочтения. И именно потому, что почти ни с чем не согласна.

Текст чрезвычайно амбициозный. А большая амбиция, соответственно, чревата большой критикой. Когда я читала, все время себя сдерживала и говорила себе примерно следующее: это текст не академический, это не академическая статья, он написан в жанре эссе. И соответственно, большая часть критики должна быть снята просто потому, что от жанра эссе мы не можем требовать ни ясного «большого» аргумента, ни внятных объяснений. И тем не менее меня довольно сильно удивило то, насколько текст императивен: словосочетания «очевидно, что», «диагноз точен» повторяются довольно часто. Но кого можно этим убедить?

Далее, в тексте встречаются слова «возможно, что», а дальше автор говорит так, будто эта возможность уже есть доказанная реальность. То есть это уже не «возможно, что», а «так и есть, что». Но ведь это «так и есть» нельзя доказать примерами, которые вы приводите вместо аргументов. Наверное, методологически это не очень корректно, а у вас это сплошь и рядом. Примеры могут «доказать» все что угодно. Один пример сюда повернет, другой — в иную сторону.

Сейчас мы начали обсуждать наши регионы — что чувствует Карелия, что чувствует Санкт-Петербург... Но ведь докладчик говорит не только о регионах, это только один из элементов его схемы. Нам предлагается и некое «общее блюдо» из нескольких частей.

Часть первая: существуют поколенческие молодежные циклы. Сейчас протест назрел, но у него нет позитивной идеи. Ожидалось, что она будет сформулирована в ходе самого протеста. Однако бог из машины не вылез, и, значит, по каким-то причинам позитивная идея сформулирована не была.

Часть вторая: этот протест можно описать как анархизм. А что делает анархизм? Анархизм отрицает государство как то, что душит и давит инициативный индивидуализм. Отрицает такое положение вещей, когда, скажем, национальное государство может по каким-то основаниям принять решение поддерживать интересы финансовых корпораций, а не интересы граждан. Но этот анархизм, утверждаете вы, лишен позитивной цели.

Между тем в мире, мол, есть позитивные идеи, с помощью которых можно сформировать и позитивную политическую повестку дня. Одна из них называется «глобальный регионалистский вызов», который мы якобы наблюдаем повсеместно. Я так понимаю докладчика, что этим вызовом можно воспользоваться, сделав из него искомую позитивную глобальную идею. То есть, с одной стороны, есть энергия протеста, используемая без толку, а с другой — есть идея, которую мы никак не можем сделать общественно приемлемой. Идея, которая называется «глобальный сепаратизм» или «глобальный сецессионизм». Поэтому давайте их «поженим», учитывая, что Россия может стать здесь даже каким-то закоперщиком.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Пока все правильно.

Ирина БУСЫГИНА: Отлично! Значит, и критика моя будет в тему. А то я боялась: вдруг вы скажете, что я все неправильно поняла. Что бы я тогда делала?

Итак, на что бы мне хотелось услышать ответ? На несколько вопросов, которые, мне кажется, немножко подмывают всю конструкцию.

Во-первых, вы говорите, что существует идея молодежных поколенческих циклов, которая, однако, требует массы оговорок. В подтверждение же приводите только одну такую оговорку. А именно что разные страны участвуют в мировом процессе развития по-разному и что из этого следует исходить. Но почему тогда вы с такой легкостью утверждаете, что феномен поколенческих циклов по своей природе универсален?

Во-вторых, о доказательствах примерами. Вы пишете о том, что происходит в США. О том, что люди из 15 штатов подписываются под тем, что неплохо было бы отделиться. Сколько этих людей? Они составляют меньше половины процента населения. А вы тем не менее считаете возможным писать «штаты-подписанты», «штаты обращаются». Извините, но это же совершенно разные вещи. Одно дело, когда отдельные люди посылают петиции в Белый дом, и совершенно другое, когда штаты официально говорят о том, что неплохо бы им отделиться. В вашем примере действуют люди, а не штаты. Вы очень сильно преувеличиваете американский сепаратизм. Скажем, партия независимости Аляски уже не выступает с сепаратистскими требованиями. Раньше выступала, а теперь этого не делает. И сами американцы постоянно говорят и пишут о том, что ничего похожего на происходящее в Европе у них не наблюдается. Что вы на все это можете возразить?

Еще один вопрос касается Африки. Да, там льется кровь, страдают люди. Скажите, пожалуйста, каковы основания ожидать, что если сецессионизму или сепаратизму будет придана общественно привлекательная или общественно нейтральная форма, то те африканские лидеры и те граждане, которые этим занимаются, окажутся минимально способными построить какую-то стабильную форму жизнедеятельности? Что свидетельствует в пользу этого? Ну а

насчет их способности построить либеральную демократию я даже и спрашивать не буду.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо, Ирина Марковна. По-моему очень продуктивный тип анализа вы представили — анализа изнутри, а не извне текста, как у нас сплошь и рядом бывает. Надеюсь, другие оппоненты последуют по этому же пути. Пожалуйста, Дмитрий Яковлевич, теперь вы.

Дмитрий ТРАВИН: «Нынешний российский политический режим сумел сделать многое для того, чтобы страна приблизилась к точке распада»

Спасибо. Я буду говорить не обо всем мире, а только о России. И наверное, уже в силу этого не последую, к сожалению, тому примеру анализа, который был предъявлен Ириной Марковной.

Наверное, среди присутствующих я лучше других знаком с взглядами Даниила Коцюбинского. О регионализме и сепаратизме мы спорили с ним, по-моему, еще лет пятнадцать, если не двадцать назад. Я довольно скептически оценивал перспективы распада России. За исключением, разумеется, возможности отделения Северного Кавказа, с которым, по-моему, все было ясно с самого начала, и здесь мы особо не расходились в своих представлениях. Однако нынешний российский политический режим сумел сделать много для того, чтобы страна приблизилась к той точке, за которой распад станет реальностью. Страну очень умело подвели к этой точке, желая, конечно, достигнуть прямо противоположных результатов.

Приведу только один пример, потому что за 10–12 минут невозможно что-то основательно проанализировать. Я совсем недавно был на конференции в Новосибирске, и там каждый приехавший участник должен был провести мастер-класс в одном из местных университетов. Я приезжаю в выделенный мне университет, там человек двести студентов, человек пятнадцать преподавателей. Я им рассказываю минут сорок. Тема была «Проблема нынешнего политического кризиса и возможности выхода из него». И когда я закончил, то предложил слушателям высказаться: что они на этот счет думают. У меня ни слова не было о регионах, о сепаратизме, я вообще рассказывал о другом.

И вот выходит преподаватель и говорит: «Самого главного вы нам не сказали. Сейчас идет Третья мировая война». Я спрашиваю: «Кто с кем воюет»? Он отвечает, что американцы с исламским терроризмом. И в результате этой Третьей мировой войны Россия, естественно, распадется. Я уже не стал уточнять, в чем тут связь, но было интересно послушать. И он говорит, что, поскольку Россия распадется, он выступает за то, чтобы их край отдать Америке. По крайней мере, хоть порядок какой-то будет.

Я ему на это в ответ: «Спасибо, очень интересно, но я воспользуюсь вашим выступлением и поставлю перед аудиторией вопрос, поскольку помимо вашей точки зрения существуют и другие. Одна из них состоит в том, что

совсем рядом с вами есть держава, которая с гораздо большим основанием, чем Америка, имеет надежду вас к себе прихватить, — это Китай. А кроме того, есть мнение, что Сибирь может стать независимой либо остаться с Россией. Давайте проголосуем».

Результаты голосования были примерно такие: за присоединение к Китаю — три человека из двухсот, за присоединение к Америке — примерно пятнадцать. Я считал, как Чуров, но, в общем, думаю, что не сильно ошибся. Все остальные разделились, примерно поровну — на тех, кто хочет остаться с Россией, и тех, кто хочет сибирской независимости. После чего вышла еще одна преподаватель и сказала: «А вы вообще вопрос неверно поставили, некорректно. Потому что это не Москва — Россия, а это мы — Россия. Так что мы от России не отделимся, когда отделимся от Москвы».

С тем, что в последнее время в регионах все активнее и активнее проявляются сепаратистские настроения, желания создать свой отдельный регион, отдельное государство, приходится сталкиваться довольно часто. Но на это накладываются, как мне представляется, как минимум две проблемы. И они не позволяют пока делать вывод, что Россия в обозримой перспективе действительно будет представлять собой комплекс отдельных независимых государств или регионов.

Проблема первая. Все-таки склонность к отделению сильнее не у тех, кто как-то чувствует свою особую идентичность. Я не случайно задал Даниилу вопрос о том, как ее люди чувствуют и в чем это проявляется. Пока мне это не очень понятно. Иногда за ощущением идентичности, на мой взгляд, кроются просто верхушечно-интеллигентские тенденции. А вот там, где есть ресурсы для того, чтобы отделиться и жить лучше, чем в условиях нарушения бюджетного федерализма, такого рода тенденции, конечно, более явные. Это можно сказать, например, о Сибири, Татарстане, не говоря уже о Чечне. Но вот в Петербурге, а я петербуржец уже далеко не в первом поколении, я не чувствую, что народ очень хочет отделяться.

Вторая проблема — это проблема вашего города, проблема Москвы. Я в свое время подробно занимался Австро-Венгрией и печальной судьбой, которую она претерпела. Когда в 1918 году эта империя развалилась, где были самые большие трудности? Самые большие трудности были в Вене, в столице. И понятно почему. Потому что Вена была городом, очень адекватным большой империи. Это был город чиновников, который худо-бедно управлял всей империей. Это не был город, рассчитанный на управление маленькой Австрией. Причем и чиновничество-то там было интернациональное, многие приехали из регионов: поляки, чехи и т.д. Они приехали в Вену для того, чтобы стать федеральными чиновниками. И 1918–1919 годы, 1920 год — это для Вены была просто катастрофа: кушать стало нечего! Венгрия перестала поставлять зерно. И как прокормить все это огромное количество людей, было непонятно.

Москва, в общем, идет в том же направлении. Город быстро разрастается, и чиновничья часть разрастается тоже. Поэтому и Москва, и политический режим не могут не понимать, что в случае серьезного распада России для уже двенадцатимиллионной, по-моему, Москвы это будет просто физическая катастрофа. Я имею в виду ситуацию, когда нефть перестанет кормить Москву, а будет кормить Ханты-Мансийск, Новосибирск. Поэтому, какие бы ни были тенденции в регионах, пусть самые что ни на есть сепаратистские, Москва просто так Россию не отдаст, как она отдала Советский Союз. Для этого должен случиться полный политический развал, когда режим уже вообще ни на что не окажется способным.

Вот эти два момента я хотел бы выделить.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо, Дмитрий Яковлевич. Последний оппонент — Игорь Григорьевич Яковенко. Тем, кто не в курсе, скажу, что он еще в 1990-е годы выпустил книжку, в которой доказывал, как культуролог и цивилиционист, что некоторые регионы России не удержать ни за что, имея в виду прежде всего Северный Кавказ. Пожалуйста, Игорь Григорьевич.

Игорь ЯКОВЕНКО (профессор РГГУ): «Мир, распавшийся на регионы, несовместим с современной экономикой и технологией»

На мой взгляд, доклад Даниила Александровича ставит серьезную теоретическую проблему — проблему восприятия прогнозов качественных перемен. Дело в том, что мы более или менее спокойно воспринимаем прогнозы, основанные на тех количественных изменениях, которые происходят на наших глазах. Условно говоря, самолеты будут летать еще скорее, дома станут еще выше, автомобили будут тратить еще меньше бензина и т.д. Что же касается прогнозов, которые предрекают в будущем существенные качественные изменения, то такие прогнозы чаще всего встречают неприятие и отторжение.

Здесь и возникает теоретическая проблема: чем задано наше настороженное отношение к прогнозам, подобным изложенному в докладе? Стоят ли за этим ценностные или теоретические барьеры? Связано ли наше неприятие с психологической инерцией или предложенный прогноз является спорным объективно и вероятность его реализации низка? Это проблема и для меня тоже.

Нам предлагается модель фазового перехода, в которой указаны исходное и завершающее состояния системы. Как может разворачиваться такой переход, я не вижу. Но этого явно не видит и Даниил Александрович. Он лишь утверждает неизбежность слома существующей системы и установление нового мирового порядка.

Конечно, все, что имеет начало, имеет и конец. Это одна из философских максим. Поскольку национальное государство имело начало, то оно тоже с необходимостью должно иметь свой конец. Национальное государство и система национальных государств не из пены морской вышли и не пребудут

до конца времен. Однако в каких формах может наступить конец национального государства и что может прийти ему на смену — вопрос открытый.

Я к этому еще вернусь, но, пока не забыл, выскажу три частных замечания, возникших у меня по ходу дискуссии. Докладчик обозначил интересную проблему — проблему исторического тупика как целостно-психологического переживания. Я давно приглядываюсь к тупикам в истории. В них действительно возникает иррациональное на первый взгляд переживание усталости на фоне чувства безысходности. Устала власть, заинтересованная вроде бы в сохранении существующего порядка вещей, устала молодежь, принуждаемая к нему приспособляться. Дела вроде бы идут не так уж и плохо, но в действительности сил на то, чтобы воспроизводить утративший смысл мир, не осталось. И когда Даниил Александрович рассматривает под этим углом зрения перспективы качественных перемен в стране, к его суждениям стоит, по-моему, прислушаться.

Второе замечание — относительно русской нации. Я остаюсь при убеждении, что русских как нации не существует. Народ есть, а нации нет. Возможно, последние 20 лет она формируется. Возможно, однажды она сформируется. Но то, что русской нации в классическом европейском смысле, который мы вкладываем в это понятие, не существует, для меня очевидно.

Третье замечание навеяно прозвучавшим вопросом, начнется ли деструкция Индии. Про Индию сказать ничего не могу, но в том, что «посыпется» Китай, я убежден. Это экспертное суждение. Его можно принять либо отбросить, но, что китайская цивилизация не вышла из модернизационного кризиса, представляется достаточно очевидным. Отмечу также, что фрагментация Китая будет дестабилизировать ситуацию на широком пространстве сопредельных территорий.

Возвращаюсь к основной линии доклада. Нам была предложена поколенческая схема генерирования нестабильности. В целом она работает. Тут, конечно, есть и теоретическая проблема: почему эта механика поколенческих циклов включилась в XX веке? Ответа в докладе не дается, но допустимо ограничиться и зафиксированной корреляцией. Автор выявил эту корреляцию, и мы говорим, что в XX веке она появилась, а в XIX ее еще не было. О том, почему именно не было, стоит размышлять, но поначалу, повторяю, допустимо ограничиться и констатацией.

Несколько слов об анархизме. Мне представляется, что анархизм и радикальные левые идеологии есть род ретроспективного утопизма, который присутствует на протяжении всей истории человечества. У нас в крестьянской среде жила мифология Беловодья и «Опоньского» царства, в Германии был Мюнцер, в Италии — Савонарола, в Чехии — табориты. Люди восстают и протестуют против государства, против эксплуатации, против ужасов жизни в истории. А в качестве альтернативы привлекается идеализированный образ жизни до государства и цивилизации. То, что сегодняшний человек не способен жить вне государства и цивилизации. То, что сегодняшний человек не способен жить вне государства и что вернуться к догосударственному существованию невозможно, лежит за гранью понимания носителей утопии. Идеал дого-

сударственного существования есть предмет веры. Я 45 лет прожил в СССР и в отмирание государства не верю.

Теперь по поводу сецессионизма. Докладчик говорит, что современные протестные движения апеллируют к прямой демократии. Но дело-то в том, что прямая демократия более или менее реализовывалась в античном полисе. Однако уже скромная по размерам Швейцарская конфедерация сочетает прямую демократию и представительную. А те регионы, которые нам называют — Сибирь, Дальний Восток, — это довольно большие территории со средним, по европейским меркам, размером населения. И если эти регионы отделятся, там возникнут самостоятельные государства, основанные отнюдь не на полисных принципах прямой демократии.

Что же касается регионализации в Европе, то прошу вас обратить внимание на то, что после 1945 года Европа существует как целое постольку, поскольку над нею был простерт ядерный зонтик Соединенных Штатов Америки. Иными словами, Европа со всеми ее противоречиями была, возможно, потому, что была великая американская империя, которая гарантировала существование и развитие этой Европы. И если весь мир рассыплется на регионы, неумолимая геополитическая логика потребует от этих небольших образований делегировать полномочия и ресурсы какой-то надрегиональной структуре, которая будет обеспечивать оборону и выполнение других функций.

Не следовало бы забывать, что современный экономико-технологический комплекс — это в высшей степени сложный, громоздкий и большой объект, демонстрирующий тенденцию к глобализации. Он может существовать только в том случае, когда ему гарантированы устойчивые правила игры, стабильность во времени и пространстве. Каким образом это условие может быть реализовано в регионализованном мире, я себе не представляю. На мой взгляд, это главная проблема. Мир, который распался на регионы, несовместим с современным экономико-технологическим комплексом. Придется делегировать многие функции и ресурсы каким-то надрегиональным структурам, и тогда мы получаем новую форму интеграции больших пространств. Однако логика такого процесса приводит нас к Мировому правительству. Между тем, Даниил Александрович говорит, насколько понимаю, совсем о другом.

И наконец, о России. Исходя из совершенно других оснований, нежели в предложенном нам докладе, я пришел к выводу, что России предстоит фрагментация, и пишу об этом не первый год и даже не первое десятилетие. Выделение Сибири, Дальнего Востока, Уральской республики, о чем пишет Даниил Александрович, — перспектива отнюдь не утопическая. Такого рода идеи зарождаются и живут в самих регионах. В татарской среде я слышал разговоры об Идель-Урале. На Дальнем Востоке вспоминают ДВР. В Петербурге издадут сборники статей, посвященные идее регионального суверенитета.

Как будет происходить «разборка» целого, сказать трудно. Если это случится, то Россия будет фрагментироваться по этнокультурным и ландшафтно-климатическим границам. Любой элементарно наблюдательный человек видит, что, скажем, юг России и российское Поморье — это разные миры, разные культуры, говоры, разный антропологический тип. Россия как единое целое создавалась насильственно, это чистая правда, и без насилия ее целостность долго сохранять не удастся.

Увидеть те силы, которые разрывают Россию, не составляет труда, но это не снимает проблемы, о которой только что говорил Дмитрий Травин. Москва без империи просто рухнет. Она гигантский мегаполис, живущий за счет проходящих через центр потоков, а это означает, что центр будет стоять до последнего. Если через Москву не будут идти деньги за сибирскую нефть и остальные радости, то здесь начнется полный провал, и никакое Золотое кольцо само по себе не выживет. Иными словами, я не вижу сценария, по которому может спокойно распасться ядерная страна.

А что касается мировых тенденций регионализации, они в докладе отмечены, но, пожалуй, несколько «пережать». С примером Квебека я согласен. Что же касается Соединенных Штатов, там действительно дело не идет дальше отдельных деклараций. В Италии Ломбардская лига существует, но особых успехов в последние годы не демонстрирует.

Вообще говоря, в любом государстве существуют дезинтегративные тенденции. Это нормально. В разные эпохи они принимают разные формы. Существование государства и его целостность задаются балансом интегративных и дезинтегративных тенденций. Доклад фиксирует тенденцию к дезинтеграции устойчивых целостностей. Она действительно существует. Однако те данные, которыми мы располагаем, не позволяют представить себе стабильный рисунок мира, сформировавшегося после переструктурирования. Полагаю, что здесь главная теоретическая проблема.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо, Игорь Григорьевич. Мысль о грядущем глобальном сепаратизме вам, насколько понял, чужда. Переходим к обсуждению. Первым записался Вадим Штепа. Он из Карелии и известен тем, что тоже давно занимается проблемами регионализации. Послушаем, что он скажет.

Вадим ШТЕПА (автор книги «Interregnum. 100 вопросов и ответов о регионализме»): «Современный регионализм — это новая философия самоуправления, за которой будущее»

Спасибо. Я хотел бы вспомнить нашу давнюю дискуссию с Даниилом. Это вроде бы спор о словах, но в действительности спор о концептах. Я все-таки предпочитаю говорить не о сепаратизме, а о регионализме, потому что мне этот термин кажется более широким и лучше объясняющим нынешние мировые тренды.

Дело в том, что сепаратизм — термин, можно сказать, из имперского лексикона. Люди имперского мышления, сталкиваясь с какой-либо волей к региональной самобытности и самоуправлению, сразу называют это сепаратизмом. Но зачем говорить на их языке и их терминами?

Если мы посмотрим на шотландское движение или каталонское движение, они могут выглядеть сепаратистскими лишь с позиции прежних имперских столиц — Лондона и Мадрида. А вот, например, с точки зрения Брюсселя, Страсбурга и партии «Европейский свободный альянс», которая заседает в Европарламенте, это регионалистские движения. Потому что ни шотландцы, ни каталонцы не хотят выходить из ЕС, а, напротив, видят себя в будущем новыми странами — членами Евросоюза.

Регионализм, на мой взгляд, это новая политическая философия. Если философии национального государства, можно сказать, соответствовала модель пирамиды, то регионализм — это модель сети. И поэтому у европейского регионализма интегральный характер. Он построен на прямых взаимосвязях регионов, которые уже не нуждаются в каких-то централизованных вертикалях. Говорить о сепаратизме в данном случае не совсем корректно, потому что сам по себе сепаратизм — своего рода уход от вопроса о сущности, скажем так. Кто-то хочет отделиться от национального государства. И что, они создадут свое такое же национальное государство, только поменьше?

В чем состоит специфика новых регионов? Регионалистские движения в Европе выходят за пределы прежней классической идеологической схемы «правые и левые». Вот, скажем, Шотландская национальная партия. Ее членов в наших СМИ называют националистами, но на самом деле это левоцентристская партия, и в Европе много таких парадоксов. Двойственная «право-левая» идеологическая схема в современном регионализме уже не срабатывает. И что еще очень отличает регионализм от прежних политических движений — это определенная «постполитическая» надстройка. Ее можно также назвать креативной. Каждый регион сегодня старается как-то выделиться в мировом контексте за счет своих уникальных брендов.

Приведу пример финской Лапландии. Эта северная провинция почти до 1960-х годов считалась совершенно заброшенной, архаичной и неразвитой. Но потом жители смекнули, что Лапландия в мире ассоциируется с родиной Санта Клауса. И решили: «Давайте-ка все это развивать и поднимать!» И за несколько лет они построили деревню Санта Клауса, затем множество гостиниц, ресторанов и т.п. Ныне этот регион ежегодно посещают сотни тысяч туристов, и в региональный бюджет попадает сумма, которая сопоставима с тем, что получают какие-то нефтяные или газовые страны. Все это строится на региональном бренде.

Я полагаю, что это один из главных путей развития будущего регионализма.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо, Вадим. Следующий — Виктор Борисович Квалдин.

Виктор КУВАЛДИН: «В XX веке годом реальных молодежных волнений был только 1968-й»

Спасибо, Игорь Моисеевич. Я, конечно, не в состоянии изложить свои мысли с таким же блеском, как Ирина Марковна, но, в принципе, согласен с ее подходом. Действительно, прежде всего надо проанализировать основные, ключевые положения докладчика.

Здесь прозвучало странное для меня утверждение, что были какие-то пики молодежных движений в 1918, 1939, 1968, 1989, 2011 годах. Дело в том, что в связи с одним из курсов, который я читаю для магистров Московской школы экономики, мне как раз приходится углубленно заниматься XX веком. Могу сказать, что из всей этой гирлянды дат реально годом молодежи, годом студентов был только один — 1968-й.

Все остальные — очень значимые даты в европейской и мировой истории, но вовсе не отмеченные какой-то сверхактивностью молодежи. Если взять дату, самую близкую по времени к нам, а именно 1989 год, то, конечно, тогда произошел грандиозный поворот в Европе и мире. Но нет никаких оснований утверждать, что на этот поворот наиболее сильный отпечаток наложила молодежь. Ни один серьезный аналитик не писал этого в то время, да и сегодня все это не видится таким образом.

Вообще, надо сказать, что время от времени появляются такого рода механистические схемы, например работа Артура Шлезингера о циклах американской истории. Он признанный авторитет в своей области, но, как мне кажется, это не лучший его труд. И именно потому, что в основу положена искусственная схема.

Далее, Даниил Александрович сказал, что глобальный мир — феномен последнего столетия. Позвольте обратить ваше внимание на то, что и 100 лет назад существовал глобальный мир — весь XIX век прошел под знаком его созидания. Он был, конечно, другим, чем сегодняшней: покоился на других основаниях, там был несколько иной набор главных действующих лиц, но это была целостная конструкция. И, как мне кажется, именно постепенная, мучительная трансформация этой конструкции как раз и объясняет появление тех пиковых точек, о которых говорил докладчик.

Третье замечание по поводу России, Китая и других государств. Я вовсе не уверен в том, что Китай распадется, по двум причинам. По-моему, там сепаратизм не силен, он характерен только для Тибета и Синьцзян-Уйгурского района. А ханцы составляют более 90% населения страны.

Китай по своему опыту прекрасно знает, что распад государства — национальная трагедия. В последний раз он прошел через это в прошлом веке, после 1911 года, когда закончилась Цинская династия, и лишь в 1928 году Чан Кайши во главе армии Гоминьдана объединил большую часть страны. Это было очень тяжелое, унижительное для нее время, когда великий Китай был низведен до положения полукolonии. И сегодня китайцы — не только элита,

но и рядовые люди — не забыли то окаянное время. Почему мы не усвоили аналогичный урок 1991 года, я, честно говоря, понять не могу.

Что касается возможности нового и окончательного разрушения России, не буду выступать ни с пророчествами, ни с категорическими утверждениями. Это вопрос политической борьбы, исход которой будет решаться в России. И здесь я согласен с Дмитрием Травиным: какова бы нынче ни была наша элита — ради объективности я бы назвал ее петербургско-московской, — ей есть что терять и она не сдастся без борьбы. Потому что многое из того, что находится в Сибири и в других дальних регионах, она воспринимает как свое, кровное, и, кстати говоря, имеет на это формальные политико-правовые основания, если вспомнить о контроле над ресурсами, который осуществляют наши крупнейшие монополистические группировки.

Поэтому говорить с такой легкостью и определенностью, даже «с чувством законной гордости и глубокого удовлетворения», что Россия распадется, у меня просто язык не поворачивается. Надеюсь, что этого не произойдет. Ну и, естественно, я буду делать все, что в моих слабых силах, для того, чтобы это не случилось. Благодарю за внимание.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо, Виктор Борисович. Следующий выступающий — Михаил Филиппов.

Михаил ФИЛИППОВ: «Прогнозируя, что Россия неизбежно распадется в результате демократического процесса, мы даем оружие в руки противников демократической идеи»

У меня три коротких замечания. Во-первых, мы сильно преувеличиваем мировую тенденцию к сепаратизму. Действительно, примеров можно привести много, но задайтесь вопросом: а сколько реально стран получили независимость? Косово, Южная Осетия, Абхазия, какие-то страны в Африке. Возьмите еще пример Тайваня, который формально является независимым государством. Но, в принципе, ведь никаких новых государств не создается. То есть получить независимость, получить международное признание крайне трудно. Распад Советского Союза, когда образовалось 15 новых государств, — это было все же чрезвычайное событие.

Какой отсюда вывод? Да, действительно, территориальное управление, территориальная политика — чрезвычайно сложное дело. Особенно в условиях демократии. Конфликты неизбежны. Но конфликты вовсе не означают, что все распадется и «все пропало».

Нам почему-то хочется всегда найти универсальное решение. Хотя вся, в общем-то, политологическая наука говорит о том, что ни в этнических конфликтах, ни в территориальных конфликтах универсальных решений не существует. Это такие задачи, в которых нет эквилибриума. Всякий раз вы будете что-то переделывать, стараться что-то изменить и сделать по-другому. Ну и что ж, такова реальность.

Второе замечание. То, что было предложено, никак не является решением, и уже несколько человек об этом сказали. Ведь что предлагается? Предлагается от большого государства перейти к маленькому. Ну да, убрали приставку «национальное», но ведь, по существу, предполагается, что в будущем будет просто больше независимых государств. Эти малые независимые государства неизбежно будут вынуждены как-то объединяться, вступать в новый Европейский союз, вступать в новое евразийское образование или куда-то еще. И здесь возникает главная проблема.

Десятки исследований показывают, какой проблемой для демократии является наднациональное образование. Европейский союз — это не демократическое образование. Это союз демократических государств, который сам страдает от того, что граждане не могут его ни контролировать, ни выбирать, ни делать подотчетным. То есть в предлагаемом нам будущем возникнут многочисленные государства, которые по экономическим, политическим, геополитическим причинам вынуждены будут образовывать принципиально недемократическими союзы.

И это просто утопия, что будет какая-то прямая демократия. Будет то же самое, что и сегодня, но с еще большими проблемами. Ведь опять же реально ожидать, что национальное государство не будет просто смотреть и ничего не делать; национальное государство как-то должно реагировать. Если будет один пример распада, то есть если из Испании, скажем, выйдет какой-то регион и останется частью Европейского союза, то другие государства начнут принимать какие-то меры.

Какие меры они начнут принимать? Мы этого, конечно, не знаем, но можем предсказать с большой степенью вероятности, что будет делать Российское государство.

И здесь, мне кажется, самое неприятное, вытекающее из прогноза докладчика. Ведь что мы слышали? Что Россия распадется. Почему Россия распадется? Потому что начнется демократический процесс. Из чего я делаю вывод, что в России демократический процесс невозможен. Потому что всегда найдется гигантское количество людей, которые скажут: я предпочту целостность России какой-то утопии демократизации. Вы даете оружие в руки тех, кто говорит, что демократия в России невозможна. По образцу: «Вы уже развалили Советский Союз!»

Хотя это ведь не так. Это миф. Посмотрите на Бразилию! Есть Бразилия, есть Индия, и они являются демократическими государствами. Бразилия, которая была недемократической приблизительно в то же время, когда Советский Союз распался, успешно демократизировалась. Это одно из наиболее децентрализованных государств в мире, где практически все налоги переведены на региональный уровень. И никакого даже намека на то, что Бразилия собирается распаться, нет.

Почему бы нам эту модель не взять и сказать: «Вот пример демократизации, и ничего страшного не случилось!» А что мы видим вместо этого?

Демократизации еще нет, но мы уже страшаем друг друга тем, что, как только она начнется, России не будет. Думаю, что это неправильно.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо. Новых государств в последнее время возникло все же больше, чем вы сказали. Они возникли, как известно, и на территориях бывшей Югославии и бывшей Чехословакии. Что касается последствий демократизации, то думаю, что важно обсуждать как то, удастся ли сохранить целостность страны при нынешнем режиме, в чем есть основания сомневаться, так и то, что может происходить с этой целостностью в результате демократизации. Равно как говорить и о цене, которую придется платить за возможную дезинтеграцию при авторитарном и демократическом режимах. Пожалуйста, господин Попов.

Федор ПОПОВ (научный сотрудник лаборатории общей географии и страноведения географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова): «Глобальный сецессионизм не представляет собой альтернативы национальным государствам»

Тема сецессионизма мне очень близка, я занимаюсь ею профессионально. Хочу поставить под сомнение один из тезисов Даниила Александровича. А именно тот, согласно которому глобальный сецессионизм есть некая альтернатива национальному государству.

Сецессионизм — феномен довольно многоликий, но в том виде, в каком он сейчас в основном встречается, это, с моей точки зрения, не альтернатива национальному государству, а совсем наоборот. То есть все сецессионистские движения сегодняшних дней, начиная от басков, не направлены против национального государства, а являются прямыми продуктами его идеологии. Либо же стремятся использовать идеологию национального государства как инструмент для достижения своих каких-то более конкретных целей, что, в общем, способствует интенсификации глобального сецессионизма. Когда-то национальное государство было возведено в ранг явления естественного и положительного. И следствием этого является тот факт, что сейчас симпатии общественности в основном на стороне национальных государств и, как ни странно, на стороне сецессионистов.

В национальном государстве есть внутреннее противоречие. Оно априори предполагает деление населения на людей «первого сорта», представителей титульной нации, и всех остальных. И эти самые «все остальные» в этой системе координат, системе ценностей имеют такое же право на собственное национальное государство, как и титульные нации. То есть получается, что принцип национального государства, создавший национальные государства и их легитимизировавший, идентифицирует как раз сецессионизм и делает его глобальным.

Да, сейчас мы видим, что сецессионизм набрал довольно большой ход. Но это не продукт 2012 года (21–23 года с 1991-го), корни его гораздо глубже. Да,

сейчас это Шотландия, Каталония. Можно вспомнить Южный Судан 2011 года, можно вспомнить Новую Каледонию, где это, в общем, ближайшее будущее. Но был и Квебек 1995 года, когда его отделение было реально. Был Восточный Тимор — это 2002 год, была Черногория — это 2006-й. Перечень можно продолжать и дальше вглубь и вспоминать менее очевидные примеры, но факт остается фактом. Говорить о сецессионизме в том смысле, что он (а) есть нечто, направленное против национального государства, и (б) есть нечто, что возникло именно и только сейчас, на мой взгляд, не совсем корректно.

А завершу я тем, что выражу благодарность Даниилу Александровичу за то, что он использует термин «сецессионизм», поскольку я, со своей стороны, его активно пропагандирую, хотя немного в другом смысле. Но тот факт, что он здесь звучит довольно часто и без усмешек в кулак, меня лично радует.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Это трудно произносится...

Федор ПОПОВ: Да, это трудно произносится. И я, будучи вынужден в течение всей своей и учебной, и научной деятельности выслушивать разные издательства над этим термином, очень доволен, что люди используют его в серьезном ключе.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо, слово Илье Лазаренко.

Илья ЛАЗАРЕНКО: «Не исключено, что распад России может положить конец воспроизводству одних и тех же, по сути, исторических циклов»

Я остановлюсь только на двух вопросах, которые мне кажутся существенными.

Здесь много говорили о регионализме. Так, Вадим Штепа, который постоянно говорит об этой проблеме, считает, что регионализм отменяет национальное государство. То же самое мы слышали от Даниила Коцюбинского в самом начале. Мне кажется, эта проблема не так проста и здесь рано ставить точку, поскольку, когда мы говорим о процессах, происходящих в Европейском союзе, мы не видим регионализма в чистом виде, направленного на сецессионизм как на образование государства абсолютно нового типа.

Мы видим, что Испанская империя в действительности разваливается просто на национальные государства более локального характера, меньшие территориально и по количеству населения, ну и, соответственно, имеющие другой геополитический вес, скажем так. То же самое происходит с Шотландией, Квебеком и далее по списку.

И как раз там, где мы не видим каких-то серьезных успехов сецессионизма или сепаратизма, может идти речь о том, что повышается роль региона как региона, в обычном понимании этого слова. То есть успешный сецессионизм связан с образованием нового государства, которое опять же является национальным по своей внутренней структуре, но просто занимает меньшую пло-

щадь и обладает меньшим количеством населения. Это во-первых. Мне кажется, эту проблему так до конца и не разобрали.

Во-вторых, здесь было сказано о том, что вот, мол, какие-то нехорошие либералы говорят о том, что Российская империя или «федерация» с современной демократией несовместимы. Позвольте, а в чем трагедия? Да, несовместимы. Самое лучшее, что было в истории русского народа в XX веке, — распад Советского Союза. Это совершенно очевидно. Вот он распался, и кто пострадал? По-моему, современная Россия от этого ничуть не пострадала. И русский народ от этого нисколько не пострадал.

Я не соглашусь с теми, кто говорит, что русские должны до конца стоять за единство Российской Федерации. Да с какой стати? Россия — это антирусское государственное образование. Вся ее история это подтверждает. Российская империя — это евразийский монстр, который на самом деле никакого отношения к русской государственности не имел и не имеет.

Я не обсуждаю сейчас, неизбежен ли распад России, как считают некоторые. Но если это действительно так, может быть, у нас появляется исторический шанс выйти из бесконечного блуждания по евразийским лабиринтам чередования оттепелей и заморозков, возвращения авторитарных режимов вслед за проблесками свободы? Может быть, пора закончить со всеми этими циклами, со всеми этими евразийскими проектами, со всей этой огромной тушей, которая разрывается под воздействием разных цивилизационных центров?

Так что я не вижу тут никакой трагедии. И странно звучит паническое заявление: как же, мол, так, неужели любой либерал должен быть врагом российской имперской государственности? Мне это кажется очевидным: да, он должен быть врагом российской имперской государственности!

Игорь ЯКОВЕНКО: Приятно услышать человека, мыслящего резонансно. Я тоже убежден, что распад Советского Союза — это самая большая удача, которая выпала русскому народу в XX веке.

Игорь КЛЯМКИН: Но тип государства это принципиально не изменило. Дмитрий Борисович давно просит слова.

Дмитрий ЗИМИН: «Управление по типу “вертикали власти” лишает государственную конструкцию устойчивости»

Я аплодирую всем высказываниям по поводу оценки распада Советского Союза. И слова одного нашего очень известного политического деятеля, говорившего о некой глобальной геополитической катастрофе, которая случилась в нашей истории, наверное, можно перефразировать. Действительно, такая глобальная катастрофа была. Но она была связана не с распадом Советского Союза, а с его образованием. Это действительно было очень большое несчастье, которое случилось в нашей истории.

Я считаю, что сегодняшний круглый стол очень интересный. Большое спасибо организаторам. Я хотел только дать небольшую справку. Процессы, которые происходят сейчас в мире и у нас в стране, были подвергнуты математическому анализу одним совершенно гениальным ученым, недавно умершим. Речь о Владимире Арнольде. Это один из крупнейших математиков современности. И он в 1997 году прочел для членов Президентского совета лекцию о «жестких» и «мягких» математических моделях. Сейчас эта лекция издана, и это удивительно увлекательное чтение.

В частности, там сказано, что, когда количество пунктов управления до принятия решения больше трех, система неустойчива. Такая система идет вразнос. Арнольд с помощью простейшего дифференциального уравнения доказал, что такая система абсолютно неэффективна и опасна для страны.

Это вполне относится к нынешней нашей «вертикали власти». Видно, что такая конструкция, безусловно, опасна и исторически обречена. Во что все выльется? В образование множество мелких региональных общностей? Или государство сохранится в том или ином виде на принципах федерализма, который позволит развивать региональное самоуправление? А что тогда останется сверху? Это очень интересные вопросы, которые нужно обсуждать.

Но то, что монстр, который у нас есть, обречен, можно считать доказанным.

Реплика: Вы считаете, что это доказано?

Игорь КЛЯМКИН: По поводу будущего ничего доказать нельзя. Пожалуйста, господин Ермолов.

Арсений ЕРМОЛОВ (доцент НИУ ВШЭ): «Качественно новая российская государственность может возникнуть лишь на основе великой идеи»

Говоря о возможности распада России, надо ответить на ключевой вопрос: а зачем будет существовать эта страна? Если это просто еще один хищник, который будет пытаться поделить мир с другими хищниками или, наоборот, ужиться с этими хищниками, это одно. И мне кажется, что наш народ не хочет такого пути. Нашему народу нужна некая глобальная великая идея. Сейчас такой нет.

Но если нет государства, которое служит великой идее, тогда то, что называется Российской Федерацией, вполне может распасться. А если такая идея появится, то, может быть, это будет другое государство, и название другое, и, совершенно точно, оно будет не таким, каким сейчас мы его наблюдаем. Но это на самом деле для него единственный шанс преобразоваться.

В тексте Даниила Александровича упоминаются Кулехов и Верхотуров. Я немного с ними переписывался в Интернете и могу сказать, что...

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Это сибирские областники.

Арсений ЕРМОЛОВ: ...У этих людей есть некоторые интересные идеи. Но если кто-то думает, что Кулехов и Верхотуров нам построят либеральную демократию, то это заблуждение. Распад России на мелкие княжества приведет к тому, что власть окажется в руках либо Кулехова и Верхотурова, это еще хороший вариант, либо просто, извините, каких-то бандитов.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Вам больше нравится Путин?

Арсений ЕРМОЛОВ: Да, лучше Путин в Москве, чем Кулехов в Сибири. Я уж не говорю, что мы получим, скорее всего, на местах тех же региональных чиновников, которые уже довели нашу страну до катастрофы, и действовать они будут абсолютно бесконтрольно. В литературе XIX века есть много портретов чиновников, но даже фантазии великих русских писателей не хватило бы, наверное, чтобы изобразить современных представителей этого сословия.

Дмитрий ЗИМИН: Избави нас Бог от великой идеи!

Игорь КЛЯМКИН: Не будет, Дмитрий Борисович, такой идеи. Впрочем, доказать я это тоже не смогу. О будущем можно только предполагать.

Все, кто хотел, выступили. Даниил Александрович, у вас есть возможность отреагировать на все услышанное.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: «В условиях региональной самоорганизации рано или поздно выстраивается модель либерального устройства общества»

Огромное спасибо всем, кто прочел мой текст или хотя бы выслушал сегодня мое выступление и подверг его критике. В чем-то выступавшие иногда со мной даже соглашались, как мне было приятно заметить, но в основном все-таки полемизировали. И это прекрасно!

Я заранее приношу извинения, если не смогу стопроцентно ответить на все ремарки. Их было много, и отреагировать на каждую мне просто не хватит времени. Но какие-то ключевые моменты я, разумеется, прокомментирую.

Ирина Марковна Бусыгина задала высокую планку интеллектуального атакерства...

Ирина БУСЫГИНА: Что вы смеетесь?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: От радости. Когда человеку хорошо, он смеется.

Начну с главного аргумента, который высказала Ирина Марковна. Он заключался в том, что не расписана процедура, по которой новая идея срастется с новым социальным трендом. Но я в своем тексте специально подчеркнул, что если не срастется, то, значит, тренд продолжит развиваться как идея в себе, а

не идея для себя. То есть он будет развиваться спонтанно на протяжении следующего исторического отрезка, до какого-то следующего возбуждения, когда, может быть, концептуализация наконец произойдет. Хотя мне кажется, что она произойдет раньше, чем через 20 с лишним лет.

Сегодня предпосылок, которые бы позволили мне с уверенностью сказать, что завтра все в мире прочтут мою статью и поймут, как надо действовать, я не вижу. Резонансность моего скромного труда я отнюдь не переоцениваю. Повторяю: пропущены те 20 лет, в течение которых надо было писать книги. Эти годы пропущены. Но процессы все равно идут.

Ирина Марковна говорила также о том, что я якобы преувеличиваю масштаб сепаратистских процессов, происходящих в США. Это замечание, на мой взгляд, не вполне справедливо. Я ведь называю конкретное число людей, подписавших сепаратистские петиции, — 700 тысяч. Я в курсе, что в США живут 300 миллионов человек и что, стало быть, 700 тысяч не так уж и много. Но я говорю о другом. О том, что за 150 лет, прошедших со времени окончания Гражданской войны в США, это первый раз, когда идея отделения охватила пусть относительно небольшое, но все же заметное число граждан в разных штатах. Значит, идея эта перестала восприниматься как заведомый абсурд, она стала восприниматься как некий радикальный, но все же не лишенный здравого смысла аргумент в политической дискуссии. Это показатель того, что в мире дуют некие ветры, которые доходят в том числе и до Америки — одного из самых прочных сегодня государств мира. С чем, разумеется, я спорить не собираюсь.

И еще, уважаемая Ирина Марковна, мне показалось — хотя, может, я и не прав, — что вы пренебрежительно говорили о гражданском потенциале жителей африканского континента, рассуждая о том, могут ли им принести счастье изменения границ между разными государствами. Если так, то я с вами буду спорить. Ведь если посмотреть на то, как международное сообщество пытается разрулить ситуацию в Африке — когда оно и вправду пытается это сделать, — то оно все-таки первым делом разграничивает конфликтующих.

Возьмем, например, тот же Судан. Надавили на центральное правительство, заставили признать независимость Южного Судана. То же самое рано или поздно случится с Сомали. Когда-нибудь признают все три сомалийских государства, и они, может быть, пиратствовать тогда будут не так активно, как сейчас, по крайней мере два из них. Дело в том, что непризнанные государства всегда представляют собой очаги криминальных форм ведения бизнеса, включая разного рода захваты. Так было и с Чечней, и с Южной Осетией, и с Абхазией, и с Приднестровьем. Это некая аксиома. Поэтому, разумеется, если конфликтующие племена разделить какой-то стеной, они перестают на какое-то время конфликтовать, а потом постепенно привыкают жить мирно.

Появится ли либеральная демократия в Африке в том виде, в каком она существует сегодня в Англии? Сомневаюсь, что это произойдет на нашем веку. Однако я бы все-таки не скатывался — мы же либералы! — к каким-то расист-

ским стереотипам восприятия себя и других народов. А исходил бы из того, что в условиях региональной самоорганизации, когда устанавливаются некие общие правила общежития разных региональных домов, в них все-таки в итоге выстраивается максимально приближенная к пожеланиям тех людей, которые там живут, модель либерализма.

Пусть этот либерализм не всегда «классический», пусть он даже исламский или, может быть, какой-нибудь вуду-либерализм, но это все-таки либерализм. То есть такой политический режим, который дает людям возможность уехать, приехать, высказаться публично с критикой действующей власти, переизбрать ее. Но необязательно, разумеется, при этом во всем следует тем канонам политкорректности, которые сейчас процветают в англосаксонских и прочих западных странах.

Что касается претензии Ирины Марковны, что эссе не является научным произведением, которое можно было бы последовательно раскритиковать... Конечно! И я сразу сказал, что написал нечто среднее между паранаучным текстом и идеологическим месседжем, «обращением к человечеству с посланием». Да, это смешанный жанр. Но мы ведь живем в эпоху постмодерна (на которую я, впрочем, активно нападаю в своем тексте). Так вот, эта эпоха позволяет мне пользоваться ее же собственным оружием — стилистикой постмодерна — «в корыстных целях», как мне представляется. Поэтому суггестивная составляющая моего текста не отменяется. Вот вы же, Ирина Марковна, обратили внимание на какие-то образы, они вам запомнились, эта цель мною и преследовалась!

Далее, вы говорите, что примеры не заменяют аргументы, что на каждый мой пример можно привести другой. Вот и привели бы!

Ирина БУСЫГИНА: Ну, когда я напишу такой же труд...

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Полагаю, что нет их у вас, других примеров, мои опровергающих! А значит, мои примеры были точные.

Коротко отвечу Дмитрию Травину. Не знаю, может, я тебя неправильно услышал, но ты говорил, что сегодня к сепаратизму в России в основном готовы те, у кого есть ресурсы. И упомянул в этой связи Чечню. Но Чечня на 90% сидит на дотациях, хотя там есть нефть. То есть, конечно, не в ресурсной базе дело. К отделению готовы в первую очередь те, кто обладает определенным запасом исторической памяти, подталкивающей к этой идее. Это Татарстан, Чечня, Тыва, которая только в 40-е годы XX века вошла в состав России.

Как пойдет, если он пойдет, процесс распада? Условно говоря, происходит либерализация и сразу же «выстреливают» те, кто морально наиболее готов к отделению (как Прибалтика в конце 1980-х — начале 1990-х). А дальше срабатывает принцип домино: если им можно, то почему нам нельзя?! Вот такая схема. А не так, что одновременно везде «что-то произойдет». Нет, это будет некая цепь событий, когда и станет ясно, кто окажется в первых рядах, а кто во

вторых или в третьих. Петербург, к слову, в третьих будет рядах. Сибирь, быть может, во вторых.

Что касается того, удержит ли Москва власть и контроль над территорией страны, то в истории, думаю, не было таких правителей, которые хотели бы власть потерять. И тем не менее империи рушились. Даже Ромул Августул тоже хотел, наверное, удержаться. Того же хотят Путин и его гипотетические преемники. Но это хотение ничего им не гарантирует.

Начать с того, что Путин не вечен — ни физически, ни политически. При этом нынешний российский режим сугубо персоналистский. РФ даже не Советский Союз, где была отработана схема передачи власти, была легитимная преемственность: собирается съезд, кого-то ставят на Мавзолей на определенное место, и все уже понимают, кто будет следующим лидером. Им будет именно тот, кто назначен председателем похоронной комиссии.

В нынешней же РФ никаких схем легитимного преемства нет. Значит, будет драка, склока, в ходе которой начнется стихийное расползание страны. Я другого сценария просто не вижу. Не вижу, как можно обойти тупик персоналистской модели, которая сейчас утвердилась в России. То есть РФ менее прочна, чем Советский Союз, который, в свою очередь, был менее прочен, чем когда-то была монархия, в которой существовал определенный законом порядок престолонаследия. Так что Москва в лице московских правителей будет, конечно, любой сепаратизм блокировать. Но в один прекрасный момент может выясниться, что ее возможности в этом отношении исчерпаны.

С тем, что говорил Игорь Григорьевич Яковенко, я в основном согласен. В частности, насчет перспектив регионализации Китая, в возможности которой сомневается Виктор Кувалдин. Виктор Борисович сказал, что у китайцев запас национальной гордости столь велик, что они не допустят развала своей державы. Мне же кажется, что запас национальной гордости рано или поздно упрется в дикие контрасты (помимо Тибета, Синьцзяна и Гонконга), которые сейчас возникают между зонами свободной и несвободной экономики Китая. Думаю, развитые китайские регионы имеют все шансы, подобно каталонцам, в какой-то момент задаться вопросом: а зачем нам кормить других? Каталония сегодня возмущена тем, что ей приходится каждый год 16 миллиардов евро отправлять в центральную казну, притом что у самой Каталонии долг 40 миллиардов. Не лучше ли, рассуждают каталонцы, оставить себе эти деньги, расплатиться с долгами и процветать дальше в условиях любого кризиса, потому что туристы будут ездить в Каталонию всегда?

Так же рано или поздно начнут рассуждать и в Китае. Часть регионов научится устойчиво жить и процветать — конечно, «за счет ограбления остального Китая», но это уже будет неважно. И в какой-то момент в Китае начнется либерализация, ибо она неизбежна в условиях глобальных процессов. В стране подрастут поколения, которым не захочется работать за 100 долларов в месяц. И начнутся перемены — экономические, а затем и политические.

В свое время казалось, что «японское чудо» никогда не кончится. Но кончилось ведь! Устали работать японцы, решили отдохнуть, уступили место китайцам. Теперь вот китайцы вкалывают. Но когда-то это все закончится и возникнет вопрос: а почему богатые регионы должны делиться с бедными?

То есть предпосылки для распада Китая в текущем столетии есть. Сингапурские политологи про это писали еще в 1990-е годы, говоря, что Китай распадется на несколько десятков государственных образований «масштаба Сингапура». Вероятно, сингапурским политологам так было приятно думать. Как бы то ни было, дезинтеграции Китаю, скорее всего, избежать не удастся, и в этом я, повторяю, с Игорем Яковенко согласен.

Правда, мне показалось, Игорь Григорьевич, что вы не совсем точно интерпретировали мое рассуждение насчет анархизма и оптимальной модели регионального государства. Наверное, это моя вина, я недостаточно четко сформулировал мысль.

Так вот, я не подразумеваю под анархизмом тот утопический вариант общественного устройства, который прописан в трудах Бакунина и даже Кропоткина. Под анархизмом я понимаю некий вызов национальному государству, то есть примерно то, о чем говорил уважаемый Дмитрий Борисович Зимин. Я понимаю анархизм как идейный вызов вертикальной системе управления обществом, как идею снижения верхнего этажа самоуправления до регионального уровня. Разумеется, речь не идет о прямой демократии. Это там, у «окупантов» на Манхэттене, «прямая демократия». А я веду речь все же о представительной демократии, а точнее о локальной либеральной представительной демократии. То есть о либеральном парламентаризме и регионализме в одном флаконе. Вот что такое анархия в ее современном «постмодернистическом» варианте, как мне она представляется.

Теперь что касается того, что распадающиеся государства якобы порождают некий хаос региональных домов, которые будут вынуждены начать молиться какому-то новому, недемократически надстроенному над ними властителю, о чем говорил не только Игорь Яковенко, но и Михаил Филиппов. Что можно на это ответить?

Мне все-таки кажется, что не совсем правильно вслед за Филипповым интерпретировать Евросоюз как недемократическое образование. Он все же структурирован через процедуру выборов и референдумов. Другое дело, что электорат оказывается слишком далеко от Еврокомиссии и Европарламента, но тем не менее это все-таки демократия, притом конфедеративная, то есть с абсолютно свободным входом и выходом. Это во-первых.

А во-вторых, то, что регионы могут успешно координировать свои собственные интересы, оставаясь при этом независимыми, отнюдь не утопия. Это существовало в истории много раз — о чем, кстати, и Кропоткин писал. Пожалуйста — вольные феодальные города. Та же Ломбардская лига. Ведь откуда пришло к нам это словосочетание? Из Средних веков. Была лига, объединявшая города друг с дру-

гом для совместной торговли и обороны. Такие же объединения были и в других частях феодальной Европы. Далее, Эллада. Это, пожалуй, еще более классический пример регионального объединения, сумевшего победить самую мощную на тот момент в мире державу — Персидскую империю, отстоять свою независимость.

Существует возможность создавать какие-то надрегиональные конструкции, которые работают на пользу регионов, а не пытаются узурпировать власть. Да, когда Спарта и Афины стали играть в «великую национальную государственность», тут все и кончилось. Пришли македонцы и сказали, что у них это лучше получается. Но пока Эллада сохраняла свой федеративный дух, она процветала и оборонялась успешно.

Перехожу к выступлению Вадима Штепы, которому хочу сказать следующее. Когда вы говорите о том, что в отличие от меня считаете нецелесообразным использовать слово «сепаратизм» и предлагаете заменить его словом «регионализм», а потом приводите в пример каталонцев, называя их «регионалистами», вы просто пытаетесь не называть вещи своими именами. Ведь все мы понимаем под сепаратизмом стремление территории отделиться от национального государства. Почему же каталонцы, которые именно этого и хотят, регионалисты, а не сепаратисты?

Есть некий термин и есть традиция его употребления. Когда вы говорите: я не сепаратист, я регионалист! — предполагается, что вы принципиально против отделения регионов от национальных государств. Но раз вы поддерживаете линию каталонцев, значит, на самом деле вы такое право за регионами признаете. Значит, вы идейный сепаратист, только не хотите использовать само это слово. Однако вам все равно придется его использовать, если вы действительно хотите ставить вопрос об отделении той или иной территории от национального государства.

Виктору Борисовичу Кувалдину, с которым я уже полемизировал по поводу Китая, хочу пояснить, в ответ на его критику, что я понимаю под молодежными циклами. Я не понимаю их таким образом, что молодежь всякий раз, как в 1968 году, выбегает на улицы и начинает строить баррикады. Я лишь обратил внимание на то, что, когда подрастает поколение, не видевшее радикальных перемен и видевшее только нудный застой, оно, это поколение, становится «мясом» следующего цикла.

Вспомним мировые войны — кто в первую очередь были их солдатами? Молодые люди. Молодежь создает атмосферу, при которой власть или, скажем так, высшие социально-политические этажи власти могут либо вынуждены инициировать радикальные перемены. Я описывал эмпирическую реальность и шел от нее, а не от схемы.

Если же вы эти четкие хронологические отрезки, о которых я говорил, и их смену интерпретируете как-то по-другому, буду вам признателен. Мне же кажется, что, когда подрастает поколение заскучавшей молодежи, происходит социальный «выхлоп». И наиболее ярко это проявлялось, наверное, не в воен-

ных вариантах такого «выхлопа». Это проявилось в 1968-м, но также и в 1989–1991 годах. Все-таки нельзя недооценивать роль молодежи в эпоху Перестройки. «Перемен требуют наши сердца» — это стало общим кличем всей перестроечной эпохи. А ведь это был все же именно молодежный клич.

Теперь что касается Индии и Бразилии, о чем тоже говорил Михаил Филиппов. Может ли Россия пойти по пути этих стран, сочетая политическую свободу и реформы с сохранением единого державного пространства? Мой оппонент полагает, что может. Я думаю, что не может.

Дело в том, что ни Индия, ни Бразилия не являются территориями, завоеванными и насильственно присоединенными к какому-то «центру». Россия же (Московия) — это изначально территория, которую завоевали монголы. Потом у монголов перехватили шапку Мономаха московские великие князья и цари. Причем перехватили с помощью тех же самых татар (к тому времени наследники Орды уже назывались татарами), потому что борьба Москвы с Большой Ордой шла при помощи крымского хана, который в итоге (а вовсе не Иван III) и уничтожил Большую Орду, если вы помните. То есть не было придуманной историками «борьбы русского народа за национальное освобождение», просто переместился — из Сарая в Москву — имперский центр, центр сбора дани.

При этом Россия — страна, возникшая сравнительно недавно, всего 500 лет назад. В отличие, скажем, от Индии, которая существует пять тысяч лет — пусть и с поправкой на то, что индийские цивилизации уходили и приходили. И Китай в этом смысле тоже гораздо более древняя цивилизация. А Россия очень молодая для того, чтобы претендовать на какую-то историческую инерцию. Очень многие территории еще помнят, как их завоевывали. Чеченцы, например, не просто помнят. Их до сегодняшнего дня завоевывают. В Индии это все же не так. А в Бразилии этого и вообще не было. Это первое.

Второе. Разве в Индии и в Бразилии столица — самый крупный город страны, который под себя все подгрел и не дает никому дышать? Нет, это не так. В Бразилии специально построили в джунглях маленький городок Бразилиа. Коста и Нимейер его придумали и построили. А Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, которые всегда конкурировали между собой, в итоге примирились с тем, что ни тот ни другой не тянет на себя одеяло. И в Индии Мумбаи (Бомбей) и Калькутта — более крупные города, чем Дели. Поэтому в Индии и Бразилии более децентрализованная, чем в России, структура экономики и демографии.

А реформатировать империю, построенную при помощи завоевания и превратившуюся в огромную воронку, с одной стороны, и пирамиду — с другой, преобразовать ее в федерацию мог бы разве что старик Хоттабыч. Потому что первейшим условием такого превращения является либерализация. Разумеется, это если говорить о реальной федерации, а не о чисто декларативной, бумажной. Советский Союз формально ведь тоже был федерацией.

Итак, первый шаг к федерации — либерализация. А на вопрос о том, какие это повлечет за собой неизбежные последствия, российская история дала уже ответ в истекшем столетии, причем дважды. Как только начинается либерализация, страна рушится. Потому что к борьбе за независимость в тот момент уже морально готовы те, кто давно хочет отделиться. Эти силы находятся, конечно же, не в Москве. Эти силы — в регионах. И они немедленно воспользуются своим шансом на независимость, как только перестанут бояться московского дракона. А они его перестанут бояться, как только он ослабнет. А ослабнет он, судя по всему, уже скоро.

Что может возникнуть в результате этого процесса? Федор Попов говорил, что сецессионистские процессы обязательно связаны с идеей национального государства. И Илья Лазаренко говорил о том же. Но тут необходимо иметь в виду следующее.

Конечно, самые задорные сепаратисты — те сообщества, которые имеют этническую (либо конфессиональную) основу. Но это не означает, что сепаратизм идентичен этнократии. В Каталонии, например, на стороне каталонских сепаратистов выступают иммигранты. Они поддерживают не сторонников «больших» испанских партий, не централистов, а именно каталонских сепаратистов. То есть этнократия и сецессионизм — понятия не симметричные.

Да, в наиболее диких странах (если использовать все-таки деление народов на более и менее культурные) сепаратизм больше связан с выплеском этнократической агрессии. Но когда-то ведь и марксизм был кровожадным. А потом «либеральные миссионеры» превратили марксистов в социал-демократов. А националистов и этнократов превратили в национал-демократов и национал-либералов. А христианских фундаменталистов — в христианских демократов. То же самое и с сепаратизмом. Сепаратистская идея, которую переварят и «опошлят» либералы, — вот то, что можно будет презентовать как перспективный проект для XXI столетия. То есть проект либерального сецессионизма.

Я понимаю такой проект не в том смысле, как понимает его Илья Лазаренко. В его глазах, насколько я уловил, это проект русского национального государства. Я же согласен с Игорем Григорьевичем Яковенко, полагающим, что поскольку русской нации нет, то и русской демократической государственности быть не может. А что может быть? Может быть лишь свободная ассоциация русскоязычных государств, которые не будут иметь единого начальства. Координироваться она будет примерно так, как координируется тот же Евросоюз. Возможно также, что часть этих государств войдет в Евросоюз, а часть не войдет. То есть сохранится не единое государство, а лишь память о приятно проведенном вместе времени в прошлом.

Я попробовал ответить на все основные замечания оппонентов. Если кто-то не удовлетворен или я что-то забыл, то прошу прощения. Большое всем спасибо.

Игорь КЛЯМКИН: Спасибо и вам, Даниил Александрович. Будем завершать. Я не собираюсь подводить итоги состоявшейся дискуссии. Скажу лишь о том, какие вопросы, с моей точки зрения, остались непроясненными даже после ответов Даниила Александровича. Да и вряд ли они вообще, учитывая тему обсуждения, могут быть сегодня прояснены.

В докладе Коцюбинского речь идет о будущем. И уже одно это, по-моему, снимает прозвучавший здесь упрек в неакадемичности представленного для обсуждения текста. Рассуждать о будущем строго академично невозможно, для этого наш теоретико-познавательный аппарат не приспособлен. Поэтому и говорить о том, что́ будет, можно лишь так или примерно так, как мы сегодня говорили. Говорили, руководствуясь своими ценностно окрашенными представлениями о том, как *должно* быть, и своими же представлениями о симптомах и тенденциях, которые к желаемому будущему ведут. Естественно, что к какой-то общей интерпретации этих симптомов и тенденций приблизиться не удалось, каждый остался при своем мнении.

Нужны ли такие дискуссии? Думаю, что они необходимы. Будущее всегда и везде начинается с прогнозов и проектов будущего, которые в русло сложившихся академических дискурсов не укладываются, и их, прогнозов и проектов, публичных столкновений. А потом какие-то из этих прогнозов и проектов становятся жизненной реальностью, хотя и не всегда с ними полностью совпадающей. Реальностью, становящейся в свою очередь новой добычей академического дискурса. Но предшествуют ей все же прогнозы и проекты, свидетельствующие о запросе на определенное будущее и его упреждающие. Именно это соображение мотивировало нас вынести доклад Даниила Александровича на обсуждение.

Какие-то положения доклада в ходе дискуссии стали понятнее. Но какие-то, повторяю, оказались, на мой взгляд, непроясненными. Что я имею в виду?

Начну с того, что докладчик рисует картину будущего, руководствуясь своей негативной реакцией на постмодерн. Это воспринимается как заявка на замену постмодерна чем-то другим. Но чем именно? Речь идет о возврате к модерну?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: К феодализму тогда уж. К «вольным городам». Можно говорить и о неоромантизме...

Игорь КЛЯМКИН: Это значит, что вы апеллируете к ценностям домодерной эпохи. И вам в таком случае предстоит пояснить, почему второе издание феодализма не будет сопровождаться последующими централизацией и бюрократизацией, которыми сопровождалось первое. Я понимаю, что идея регионализма — это реакция на кризис идеологического универсализма. Но я пока не понимаю, почему эта идея может претендовать на статус универсальной. Игорь Григорьевич Яковенко вам на сей счет возражал, и его замечания, мне кажется, есть смысл обдумать.

Не удовлетворили меня и ваши разъяснения относительно распада централизованных имперских или национальных государств и его возможных последствий. Вы считаете, что он может осуществляться необязательно по этническому принципу. Но эмпирически это ничем не подтверждается. Все примеры распадов, которые вы приводите, так или иначе связаны именно с этническим фактором.

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: США от Англии в XVIII веке отделились, хотя этнически были практически однородны.

Игорь КЛЯМКИН: Конечно, американская революция вдохновлялась не этнической идеей. Но бывают, как известно, исключения, подтверждающие правило. К тому же речь в данном случае идет об отделении от метрополии заморской колонии. Таких колоний сегодня нет, а мы же говорим о современных процессах...

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Напомню о Черногории, о Ломбардской лиге...

Игорь КЛЯМКИН: Куда ушла Ломбардия?

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Пока она не отделилась, но хочет. Чтобы то ли к Швейцарии затем примкнуть, то ли просто стать независимой.

Игорь КЛЯМКИН: Присоединиться к другому государству — это все же нечто иное. Но я хочу сказать только то, что эмпирических симптомов, позволяющих говорить о неэтнической регионализации как глобальном проекте пока слишком мало. Пока это все из разряда исключений. Не спорю: отслеживать такие симптомы важно и интересно. И меня, кстати, вовсе не смущает ваше пристальное внимание к проявлениям подобных симптомов в Америке. Я говорю лишь о том, что они пока слишком слабы и потому не могут служить убедительным фактическим основанием для того, чтобы склонить людей, в том числе и присутствующих в этом зале, к выводу о бродящем по миру призраке глобального сепаратизма. Особенно в его неэтнической версии.

К тому же конкретный процесс реализации этой идеи очень трудно себе представить. Вряд ли он может начаться с ее предварительного глобального освоения как идеи универсальной. У альтернативной ей идеи мирового правительства, здесь упоминавшейся, в данном отношении больше шансов, хотя и она пока выглядит утопической. А реализация вашего сценария может начаться только с отдельных регионов. Но какие это могут быть регионы? Вы об этом сами говорите: наиболее сильные и богатые. Такие, как Техас, как Каталония. А что дальше? Как на это будут реагировать остальные?

Не думаю, что они, вслед за богатым регионом, ухватятся за идею сепаратизма — тем более в ее этнически нейтральном варианте. Они вряд ли скажут: «И мы

хотим!» Наоборот, они, скорее всего, вместе со столицей озаботятся тем, чтобы богатого сепаратиста поставить на место, лишить его возможности отделиться.

Я говорю об этом, имея в виду прежде всего прогнозируемую регионализацию России. Тут всего несколько регионов-доноров...

Даниил КОЦЮБИНСКИЙ: Тринадцать.

Игорь КЛЯМКИН: Вот они-то, о чем говорил Дмитрий Травин, и начнут отделяться, если процесс регионализации, как ее понимает Даниил Александрович, будет запущен. Допустим, как он говорит, инициаторами здесь станут отдельные национальные автономии, то есть главным окажется все же этнический, а не территориальный принцип. Но кто первым последует их примеру? Понятно же, что регионы-доноры. Понятно также, что не только Москва станет на их пути, но вместе с ней встанут и все семь десятков дотируемых регионов, которые ее поддерживают. Короче говоря, я плохо представляю себе прогнозируемый глобальный сепаратизм, причем не только у нас, но и в других странах. Возможно, мне не хватает для этого воображения, но все же хорошо бы и Даниилу Александровичу такого рода вещи принять во внимание в его дальнейших размышлениях.

Плохо представляю я себе и реализацию идеи русского национального государства, которая в ходе дискуссии противопоставлялась идее Коцюбинского. Я понимаю тех политиков и экспертов, которые отстаивают право русских на собственную государственность. Понимаю и их недовольство тем, что «русскость» растворяется в «россиянстве». Но я не могу представить себе и согласие народов, представляющих этнические меньшинства и живущих на собственных землях, именоваться, скажем, русскими татарами или русскими башкирами. Возможно, в исторической перспективе проблеме этой суждено стать ключевой, но решения ее пока не просматривается.

Правда, в логике Даниила Александровича такой проблемы не существует вообще, она снимается, по его мнению, отсутствием или непроявленностью самого феномена русской этнической идентичности. Но и выдвигаемая им идея регионализации в его трактовке вызывает, как мы могли убедиться, вопросы даже у тех, кто в принципе ее разделяет. Я же пока склонен исходить из того, что главная проблема сегодня заключается в демократизации федерального центра и приведении его в правовое состояние. Думаю, что в нынешнем его виде он никаких проблем решить не сможет, а будет лишь их усугублять. А как они будут выглядеть и как решаться после того, как центр станет другим, мы не знаем. В том числе и то, как поведут себя отдельные регионы. Но обсуждать возможные сценарии и варианты полезно уже сегодня, чем мы и занимались.

Я признателен Даниилу Александровичу, благодаря которому у нас состоялась содержательная дискуссия. Надеюсь, что она была полезной и для него. Благодарю также оппонентов и всех выступавших. Всего доброго.

Коцюбинский Даниил Александрович

ГЛОБАЛЬНЫЙ СЕПАРАТИЗМ — ГЛАВНЫЙ СЮЖЕТ XXI ВЕКА

Ответственный за выпуск – Михаил Ледовский

Редактор-корректор – Елена Абоева

Дизайн – Мария Ратинова

Верстка – Амина Кольцова

Подписано в печать 24.04.2013

Тираж 800 экз.

Фонд «Либеральная Миссия»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56

Факс: (495) 623 28 58